

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Закунов Ю. А.

НАСЛЕДОВАНИЕ
духовно-эстетических
традиций
российской цивилизации
в современных условиях

МОСКВА
2021

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва

Закунов Ю. А.

**НАСЛЕДОВАНИЕ
ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ
ТРАДИЦИЙ РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Монография

Москва
2021

УДК 7.01
ББК 87.8
3-21

*Издается по решению Ученого совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Рецензенты:

Спивак Д. Л., доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института культурного и
природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Васильев Г. Е., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
отдела культурологии Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Закунов Ю. А.

Наследование духовно-эстетических традиций российской цивилизации в современных условиях : монография / Ю. А. Закунов. — М. : Институт Наследия, 2021. — 206 с. — DOI 10.34685/NI.2021.46.63.011. — ISBN 978-5-86443-355-3.

Данная монография представляет результат научно-теоретического исследования, посвященного проблемам наследования культуры в контексте ценностно-цивилизационной проблематики. Акцент сделан на выявлении аксиологических закономерностей в наследовании отечественной духовно-эстетической традиции, обосновании необходимости духовной целостности всех слоев и субъектов культурной политики по сохранению национальной идентичности. Полноценный духовно-душевно-телесный творческий национальный акт направлен на восхождение к божественному первообразу, придает силу и смысл всем субъектам деятельности, преобразует бытие. Представленная авторская модель получена на основе содержательного обобщения традиционного отечественного духовно-философского наследия, осмысления современных художественных и образовательных практик, деструктивных процессов в этой сфере, угрожающих цивилизационным основам не только России, но и мира. Книга может быть интересна гуманитариям — ученым, практикам, педагогам, а также широкому кругу читателей.

УДК 7.01
ББК 87.8

ISBN 978-5-86443-355-3

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2021

Содержание

Введение	4
1. Российская культурно-цивилизационная альтернатива в контексте наследования духовно-эстетических традиций.....	14
2. Критерии полноценной репрезентации образов культурно-цивилизационного наследия и духовно-эстетические традиции.....	62
3. Проблемы преемственности духовно-эстетических традиций в контексте ценностно-цивилизационного подхода и современные угрозы сохранению национально-культурной идентичности	93
4. Педагогические аспекты усвоения образов историко-культурного наследия и ценностного содержания (на примере структурного анализа историко-культурного стандарта и исторического образования в современной российской школе)	149
Заключение	183
Литература.....	187
Приложение.....	193

ЗАЯВЛЕННАЯ ТЕМА предполагает следующие основные блоки рассмотрения, связанные с решением поставленных в исследовании задач:

1. В контексте ценностно-цивилизационной проблематики уточнение понятия «наследование культуры» (культуронаследование), выявление основных структурно-функциональных элементов наследования культуры как процесса, обоснование предлагаемой авторской концепции.
2. Определение своеобразия базовых ценностей, лежащих в основе российской цивилизации, и российской духовно-эстетической традиции как содержания процесса наследования.
3. Выявление закономерностей и механизмов, возможностей и перспектив наследования духовно-эстетических традиций и образов отечественной культуры, опираясь на представленную авторскую модель наследования культуры, полученную на основе содержательного обобщения традиционной отечественной духовно-философской мысли, осмысления современных эстетических, культурно-просветительских и образовательных практик.
4. Выявление критериев полноценной репрезентации образов культурно-цивилизационного наследия в наследовании культуры и духовно-эстетических традиций.
5. Выявление современных проблем преемственности духовно-эстетических традиций и угроз сохранения национально-культурной идентичности.
6. На примере структурного анализа историко-культурного стандарта и ценностного содержания исторического образования рассмотреть педагогические аспекты усвоения образов историко-культурного наследия в современной российской школе.
7. Разработка рекомендаций для органов культуры и образования.

Тематика монографии частично разрабатывалась автором в его предыдущих публикациях по отдельным проблемам.

Целью исследования стал философско-культурологический анализ по выявлению закономерностей функционирования духовно-эстетических традиций в контексте историко-культурного развития российской цивилизации, ее сложившейся системы ценностей, включая выборочные современные эстетические, культурно-просветительские и образовательные практики, и разработка ценностно-цивилизационной актологической концепции наследования культуры.

В предлагаемой монографии по результатам исследования принципиальное значение имеет научно-философское наследие отечественных мыслителей, прежде всего, Ильина И. А., Соловьёва В. С., Лосева А. Ф. (философские, культурно-исторические, аксиологические и антропологические аспекты), Кучмаевой И. К. (работы по социологии культуронаследования), Расторгуева В. Н. (по цивилизационным аспектам общества и культуры), Выготского Л. С. (по психологии искусства), Казина А. Л., Бычкова В. В. (культурно-исторические и культурологические, искусствоведческие и эстетические аспекты проблемы), Леонтьева А. Н., Давыдова В. В. (психолого-педагогические закономерности обучения и коммуникации), Колесова В. В. (народные традиции и русский язык) и др.

В обосновании нашего ракурса изучения существенное значение имеет мысль Расторгуева В. Н., видного специалиста по политико-цивилизационной проблематике, о том, что из всех отличительных характеристик локальной цивилизации выделяются обычно ее конфессиональная основа (доминирующая культуuroобразующая конфессия), устойчивая государственная система и общее языковое пространство (государственный язык). «Цивилизационный подход к проблеме наследия открывает нашему сознанию внутреннюю логику подлинной истории народов и культур. Но он очень тяжело дается «разделённому

сознанию», которое характерно для эпохи «мирового разделения труда» и узкой специализации во всех сферах науки и профессиональной культуры»¹. «Культурно-исторический подход, в свою очередь, позволяет рассматривать природный и культурный синтез в контексте становления и развития народов как особый тип социокультурной преемственности и наследования культуры. Именно этот подход открывает взаимопроникновение форм культуры, взаимосвязь наук, искусств и других видов деятельности, что позволяет накапливать, сохранять и передавать будущим поколениям ценности, определяемые как природное и культурное наследие»². С другой стороны, отмечается, что междисциплинарную «отгороженность» не могут преодолеть ни люди, далекие от науки, ни ученые и самые высокочеловеческие специалисты, ни те, кто берет на себя ответственность принимать решения в области социальной, культурной и экологической, научной и образовательной политики, где и решаются (или не решаются) многие проблемы, связанные с системным изучением и комплексной защитой наследия. Подчеркивается, что для того, чтобы собрать эти знания воедино, не обесценить их, **надо найти ту основу, которая способна стать центром притяжения, поскольку не поддается коррозии, идущей от узкопрагматического отношения к целям социального и культурного развития**. Авторами коллективной монографии отмечается, что в поиске механизмов наследования важно объединять усилия научных организаций и общественных движений, ведущих ученых и специалистов, представляющих самые различные области профессионального знания, а также деятелей культуры, облада-

¹ См.: Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В. А. Черешнева, В. Н. Расторгуева. М. : Издатель Воробьев А. В., 2018. С. 19.

² Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В. А. Черешнева, В. Н. Расторгуева. М. : Издатель Воробьев А. В., 2018. С. 13.

ющих способностью «вживания» в культуру и творческим даром ее постоянного обогащения³.

В предлагаемой читателю монографии решение этой интегративной задачи основано на авторской концепции ценностного содержания культуры деятельности. Это ценностное содержание актуализируется в виде наследуемого универсального культурного акта, призванного к эстетическому воплощению в совершенно-законченной форме духовного первообраза, исходя из исторически наличных условий существования. Что касается духовно-эстетической традиции, то она, являясь важной частью цивилизационной самоидентификации, не исключает, а предполагает другие формы самоидентификации: гендерную и возрастную, этнокультурную и религиозную, социальную и профессиональную, политическую и гражданскую. Более того, по своей сути она является **закрепленной «встречей»** данности и заданности, причины со смыслом, горнего и земного, осуществлением *преобразования* как воплощения цельности. Что касается России, то по убеждению основоположника цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского, ее культурно-исторический тип «в исторической перспективе в первый раз представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, — сторон, которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма неполном соединении»⁴.

Основатель Академии славянской культуры Кучмаева И. К., рассматривая вопросы культуронаследования с точки зрения социологии культуры, отмечала солидный объем фундаментальных и прикладных исследований социально значимых пластов культурного наследия человечества при отсутствии «четко выде-

³ См.: Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В. А. Черешнева, В. Н. Расторгуева. М. : Издатель Воробьев А. В., 2018. С. 19–20.

⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Институт русской цивилизации, 2008. С. 613.

ленных теоретико-методологических оснований перехода от микроисторических культурных изменений к макроисторическому процессу»⁵. При этом она подчеркивала, что культурное наследие как объект освоения опосредуется особыми связями с интериорирующим мир культуры субъектом, и разнообразие связующих звеньев, дифференциация механизмов наследования культуры детерминируется, с одной стороны, богатством форм объекта, а с другой — особенностями субъективного фактора, что имеет принципиальное значение для научной классификации закономерностей и механизмов наследования культуры. В повседневной, обыденной практике процесс наследования культуры часто соотносят в первую очередь с наследованием элементов предметного мира культуры прошлого. Не отвергая такого подхода, считая его вполне правомерным, необходимо вместе с тем подчеркнуть особую значимость освоения культурных ценностей, социокультурного опыта, культурных традиций и т. д. Дело в том, что само по себе познание предметного мира культурного наследия, возрастание информированности, осведомленности личности может дать предельно упрощенное представление об освоенности. Принципиально важным показателем такой освоенности культурных богатств прошлого можно считать **сформированность социально значимых нормативных качеств поведения и жизненной позиции индивида**, претворенных в производственной, общественной и досуговой деятельности, в системе общественных и межличностных отношений. Отсюда вполне закономерно, что наследование культуры Кучмаева И. К. определяет как **«процесс критического восприятия, освоения и творческого внедрения культурных ценностей прошлого в социальную и личностную практику, в систему социальных и межличностных отношений**. Это сложный процесс, обеспечивающий преемственное разви-

⁵ Кучмаева И. К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры / И. К. Кучмаева. М. : Инженер, 2006. С. 12.

тие культуры, детерминированное определенными социально-экономическими и социально-политическими условиями; уровнем материально-идеологического обеспечения этого процесса; степенью квалификации научных кадров, ответственных за освоение культурных ценностей прошлого; состоянием планирования и координации этого процесса; совершенством информационной службы и т. д.»⁶ Несмотря на определенный социологический детерминизм, важно утверждение Кучмаевой И. К. о том, что окончательный критерий осуществленности процесса культурного наследования состоит **в степени интериоризации субъектом мира культуры**. Здесь видится очевидная корреляция с отечественной духовно-философской традицией, всегда отдававшей приоритет «лику и личности» (Лосев А. Ф.). С другой стороны, субъектно-объектная логика рассуждений в вопросах культуронаследования (и не только), диктуемая господствующей западной гносеологической парадигмой, вступает в противоречие с духовной ценностной природой процесса наследования культуры, проблемами национального искусства и творчества вообще, что несовместимо с национальной духовно-эстетической традицией, ее софийной природой. Следуя прежде всего анализу фактов, т. е. известному идеалу научности, позиция Кучмаевой И. К. невольно ограничена позитивистской установкой, отмечающей метафизику во всех ее вариантах, но при этом сохраняет верность культурно-историческому подходу. Здесь категория культуры «не поддается онтологизации в силу социальной «внеаходимости» культуры, которая указывает на освоенность человеком предметно-вещного мира, совокупности средств, способов, регулятивов деятельности, а также на их ценностные, качественные характеристики»⁷.

⁶ Кучмаева И. К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры / И. К. Кучмаева. М. : Инженер, 2006. С. 17.

⁷ См.: Кучмаева И. К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры / И. К. Кучмаева. М. : Инженер, 2006. С. 18.

Сказанное не противоречит необходимости нахождения интегративной основы наследования культуры в системе культуры деятельности как таковой, «генетической» клеточкой которой будем полагать совокупность ценностной культуры личности, транслируемую и осваиваемую в виде национально-культурного духовного акта, на освоение которого, с нашей точки зрения, собственно, и должна быть направлена государственная национальная культурная политика в области культуронаследования.

Ключевую роль в организации этого процесса будет играть единство основных институтов социализации, прежде всего системы образования и просвещения, средств массовой коммуникации, сфер культуры и искусства, физкультуры и спорта, молодежной и национальной политики, гражданского общества как на этапах первичной социализации, так и на протяжении всей жизни. Это единство может быть успешным и полноценным прежде всего **внутренне**, на уровне сознания и деятельности. Закономерно, что основой концептуализации этого процесса должно стать наше богатейшее отечественное духовно-философское и художественное наследие, традиционная система духовно-нравственных ценностей, методология ценностно-цивилизационного подхода, позволяющие найти синтез известных парадигм этнологии — объективизма (акцент на объективной «данности»), конструктивизма (акцент на «заданности», смысле) и инструментализма (акцент на средствах, форме «осуществления»), а в культурологии — избежать крайностей ценностного объективизма, субъективизма и символизма.

Согласно философу и историку искусства и культуры Казину А. Л., продолжающему традицию гуманистически-ценностного и глубоко религиозного понимания культуры, «искусство — это вечное во временном, конечное в бесконечном... Этим искусство отличается от неискусства и постискусства. Поскольку вечность и бесконечность суть атрибуты совершенства, можно сказать, что художественное событие есть символ божественного — совер-

шенного и завершенного — бытия»⁸. Однако в качестве «...предметного носителя символа может выступить любая вещь или жест (звук, слово, изображение, объемная пластика, человеческое тело) как порождающая модель неограниченной смысловой мощи. Художник и его эпоха вольны символизировать Абсолют в меру своего видения. Для одного это будет икона, для другого — знаменный распев, для третьего — лирическое стихотворение, для четвертого — симфония, для пятого — мизанкадр или мизансцена, для шестого — черный или белый квадрат, для седьмого — консервная банка на пьедестале... Этот ряд характеризует собой расхождение (эволюцию и инволюцию) культур и цивилизаций, рассматривающих названные создания в качестве событий (произведений) искусства. Зритель, слушатель или читатель вправе принять или отвергнуть предлагаемую символику как художественную истину (совершенство) или ложь (безобразие). В обоих случаях осуществляется ценностно-цивилизационный акт избрания искусства, классического, модернистского или постмодернистского. Цивилизация говорит ему “Аксиос!” (достойно есть)»⁹.

Трудно согласиться не только с безответственным выбором современного человека, но и с моральным правом на него, где трактовка искусства, когда пользуются средствами искусства, не имея к нему субстанционального отношения, зависит от той или иной частной методологии, в рамках которой произносится суждение об этом феномене (от герменевтики до структурализма, концептуализма и акционизма).

Особо важным для предлагаемой концепции наследования цивилизационных ценностей является мысль Казина А. Л. о том, что единственно оправданным становится ценностно-цивилиза-

⁸ Казин А. Л. Событие искусства: классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры. СПб. : Российский институт истории искусств; Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 6.

⁹ Там же. С. 6.

ционная методология, где художественное событие предстает как мировоззренческий творческий акт. **«Событие (произведение) искусства — это символический экзистенциально-эстетический и, в конечном счете, религиозный выбор человека.** Выбирая (выделяя, маркируя) художественное событие как таковое, читатель, зритель или слушатель выбирает свой идеал»¹⁰. Хочется лишь добавить, ссылаясь на Ивана Ильина, что для русского человека — этот выбор полноценно осуществляется в акте *сердечного созерцания!*

Вышеизложенное коррелируется в нашей работе с универсальными аспектами человеческого бытия и соответствующими концептами, где границы этнокультурного признака или элемента определяются их данной наличной структурно-функциональной природой (самобытием), т. е. **данностью** (самотождественностью), тем, что объект «есть», во-вторых, тем, что он «не есть», но может стать, сохраняя свое естество, к чему он предназначен (смысл, цель, **заданность**), наконец, характером самого способа функционирования и развития, т. е. формой (способом) **осуществления** заданности.

В нашей работе имеет принципиальное значение фактически общая идея таких выдающихся представителей отечественной духовно-философской мысли как Ильин И. А., Лосев А. Ф., Выготский Л. С., что сущность духовно-эстетического — есть чудо «соединения несоединимого», непосредственного личного эмоционально-чувственного духовного состояния, одновременная встреча в человеке всех планов бытия как цельность, переживаемая как катарсис. Выготский Л. С. в своей знаменитой работе «Психология искусства» писал: «Только в критических точках нашего пути мы обращаемся к искусству, и это позволяет нам

¹⁰ Казин А. Л. Событие искусства : классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры. СПб. : Российский институт истории искусств; Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 9.

понять, почему предложенная нами формула раскрывает искусство именно как творческий акт. Для нас совершенно понятно, если мы глядим на искусство как на катарсис, что искусство не может возникнуть там, где есть просто живое и яркое чувство. Даже самое искреннее чувство само по себе не в состоянии создать искусство. И для этого ему не хватает не просто техники и мастерства, потому что даже чувство, выраженное техникой, никогда не создает ни лирического стихотворения, ни музыкальной симфонии; для того и другого необходим еще и творческий акт преодоления этого чувства, его разрешения, победы над ним, и только когда этот акт является налицо, только тогда осуществляется искусство. Вот почему и восприятие искусства требует творчества, потому что и для восприятия искусства недостаточно просто искренне пережить то чувство, которое владело автором, недостаточно разобраться и в структуре самого произведения — необходимо еще творчески преодолеть свое собственное чувство, найти его катарсис, и только тогда действие искусства скажется сполна»¹¹.

Возможность символически и художественно выразить Дух побуждает к творчеству, а удивительная способность к самовозрастанию и неисчерпаемость осуществления этого стремления чувствовалась всеми, кто хоть когда-то душой прикасался к искусству. Здесь мы находим одновременное совмещение противоположных положений: вера во всемогущество спасительной силы Божьей и одновременно вера в необходимость собственных усилий, но которые, в свою очередь, без помощи Божьей будут напрасны.

¹¹ *Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Издательство «Искусство», 1968. С. 315.

1. Российская культурно-цивилизационная альтернатива в контексте наследования духовно-эстетических традиций

НЕСПОСОБНОСТЬ двумерного подхода отразить духовную природу бытия и троичность мироздания приводит к тому, что непостижимость Духа часто выражают, используя категории «антиномия», «амбивалентность», «оппозиция». Однако лишь обозначение основных полюсов приводит к дурным бесконечностям, являющимся следствием любого дуализма. Начнем с рассмотрения социальной (коллективной) памяти, лежащей в основе культуронаследования, где рассуждения в логике двоичности представляются особенно непродуктивными. Здесь мышление, сопрягаясь с такими оппозициями как прошлое и настоящее, нация и человечество, единство и многообразие, личность и общество, свобода и необходимость, объективное и субъективное, церковь и культура, вера и знание, логическое и историческое, художник и его творение, оказываясь в тисках извечных оппозиций, не может найти приемлемого синтетического решения. Следствием этого является смешение наиболее важных системообразующих аспектов или их неполноценность.

Известно, что основная функция человеческой памяти в социальном взаимодействии состоит в обеспечении целостности личности, социальной группы и человечества, что позволяет определить память как один из важнейших эволюционных механизмов сохранения духовной культуры и ее борьбы с социальной энтропией. Принципиально не различая понятия «коллективная память», «социально-историческая память», «историческая память», «культурно-историческая память», объединим их в наших рассуждениях под одним именем «социальная память». Возьмем также за основу подход Гегеля, согласно которому человеческая память

предстает как трансцендентно-имманентный феномен социального бытия, тем более что ряд современных отечественных социальных философов в этом с ним солидарны.

Стремление находить общезначимое всемирно-историческое в противопоставлении национальному или принижать последнее — значит рассуждать в двумерной логике абстракций. Альтернативой этому может служить логика троичная, где наряду с известными категориями «всеобщее», «особенное» и «единичное» предлагается использовать категории «данность», «заданность» и «осуществление». Неприемлемым искажением предмета является и претендующий на синтез и диалектичность взгляд, согласно которому национально-культурный аспект связан с диалектической категорией «особенного», что также представляется упрощением.

Социальная память в аспекте заданности предстает как исторический опыт прошлого, в котором выявляют себя промысел, судьба, абсолютное задание. Она часто предстает в виде идеалов и заветов предков будущему поколению (религиозно-историческая память). Заданность постепенно обнаруживает себя в осмыслении прошлого с точки зрения Абсолютного, а не временного. Это урок и понимание конечного задания, цели развития, осмысление всего через призму предельного, не имеющего предела (то есть трансцендентно-имманентного или религиозного). Здесь она выступает, во-первых, на уровне всеобщего — в виде всемирно-исторического наследия, имеющего общечеловеческое значение и выявляющего смысл человеческой истории, единство человеческого рода в конечной общей цели развития. На уровне особенного — это различные взаимодействия, связанные с исторической памятью той или иной социокультурной группы, социального института, организации или социального отношения (опыт рода, соц. класса, сословия, профессии, региона, права и т. п.) с точки зрения выявления в них конечного промысла и задания (в соответствии с аспектом заданности). На уровне единичного — это уникальность отдельных характеристик и смыслов тех или иных событий и лич-

ностей с точки зрения общего замысла. Это национальные гении, пророки, герои и святые, в деяниях которых выражается тот или иной аспект национальной идеи. В духовном плане они несут особую миссию, через них образуется таинственная связь времен и поколений. Благодаря исторической памяти о великих событиях или героях, люди объединяются вокруг конкретной идеи, выявляя божественный промысел о своем народе. Все вместе (конкретное как единство всеобщего, особенного и единичного) — это этнокультурная память, в которой «прочитывается» национальное задание (например, русская идея). Важно, что именно культурно-национальный способ существования и одновременно рассмотрения предстает как наиболее целостный и синтезирующий трансцендентно-имманентные аспекты бытия общества, социальной группы и личности. Для того, чтобы социальная память жила в этом смысле, необходимы вера, духовные «вчувствование и созерцание». Измена своему предназначению, как известно, чревата тяготами и горькими уроками, бремя осмысления и переживания которых возвращает к верному пути.

В аспекте данности социальная память выражает то, что не проходит, без чего нет ее носителей. Это изначальные постоянные системообразующие константы, разрушение памяти о которых свидетельствует не просто об «историческом склерозе» или развитии в «духе времени», но об утрате своего самобытия (семья, государство, частная собственность, язык, территория, мораль, вера, традиции и т. п.). Например, прошлые ошибки, искривления тех или иных необходимых социальных и духовных основ не должны приводить к отрицанию этих основ вообще. На уровне всеобщего — это общезначимая социальная память, которая в аспекте данности предстает как постижение культурно-исторического опыта всего человечества, его основных этапов, выявление всеобщих законов развития тех или иных сфер. На уровне особенного — это осмысление непреходящих взаимосвязей времен и поколений по многообразным линиям социокультурного

бытия (генеалогия рода, история родного края, науки, политическая, экономическая история, история тех или иных социальных групп и т. п.). На уровне единичного — это память о выдающихся предках и знаменательных событиях. Все вместе (конкретное как единство всеобщего, особенного и единичного) — это сила и власть конкретного исторического факта (даже Боги не могут сделать бывшее не бывшим). Здесь социальная память может жить лишь при условии бережного отношения власти и народа к своему историко-культурному наследию, добросовестности исторической науки, объективности исследований ученых. Вымарывание неудобных фактов истории, их искажение под предлогом «нового прочтения» или самоубийственное историческое невежество приводят к неполноценности самобытия и в конечном счете его утрате.

Наконец, в аспекте осуществления социальная память есть не просто духовное переживание связи времен (вера) и знание (рациональное отражение), но, прежде всего, действие (воля). Здесь непосредственность усмотрения Абсолютного и Всеобщего в конкретных многообразных формах исторического. Это творение «здесь и сейчас» (в настоящем) будущего, исходя из осмысления прошлого. Это отношение к прошлым «святыням» не просто как к историческим остаткам (иначе они превратятся в «останки»), но как реальной силе, которая разворачивается тем больше, чем больше и глубже происходит единение людей, причем не просто по «человеческому усмотрению, но по Божественной благодати». Это не экзальтированное, доходящее до истерии отношение к прошлому и не формальное исполнение ритуала, и не карикатурные переодевания в одежды предков, и не мертвые хранилища пыльных библиотек, и не отношение к храмам или произведениям искусства лишь как к музейным экспонатам. Но это творческий поиск в единстве всеобщего, особенного и единичного конкретных форм реализации социальной памяти как нахождение верных способов, адекватных национальной идее (заданности), ис-

ходя из настоящих условий и ситуации (объективной данности). Ильин И. А. подчеркивал, что жизненным стержнем подлинной государственной политики является созидание национального будущего через эксплуатацию национального прошлого, собранного в национальном настоящем¹².

Один из теоретиков культуронаследования Вафа А. Х. отмечает, что если «при изучении прошлого формируется банк процессов и явлений, стремящихся к совершенной полноте, то при изучении наследия отбирается только тот материал, который усиливает и закрепляет культуротворческий потенциал настоящего. Таким образом, наследие — это профильтрованное, очищенное и, если угодно, отредактированное прошлое. Культурное наследие — это всегда позитив истории»¹³. Однако, определенный крен в сторону инструментализма приводит уважаемого автора к следующим сентенциям: «...Особенно в переходных обществах традиции могут использоваться в весьма позитивных целях — смягчать жесткие перепады социальных состояний, поддерживать единство социума, служить вдохновляющим средством для больших социальных коллективов», но «...наследие берет из исторического банка данных, исторической памяти только то, что служит интересам современности». «Наследие включает не все, что было заключено в прошлом. Не только потому, что прошлое, как говорилось, целостно, завершено и неповторимо, и не потому только, что настоящее не нуждается в полномасштабном повторении прошлого, а потому, что сколь бы ни были важны свидетельства о прошлом в его целостности, в пространство настоящего оно не может быть перенесено целиком еще и из-за ограниченности пространства настоящего (даже физического), из-за ограниченности ценностного

¹² Ильин И. А. Основы государственного устройства // Собр. соч. : В 10 т. Т. VII. М., 1998. С. 491.

¹³ Вафа А. Х. Некоторые теоретические проблемы культурного наследия и культуронаследования (Часть 2) // Журнал Института Наследия. 2018/4 (15).

пространства настоящего, вытесняющего многие основополагающие принципы жизнестроения прошлого, и, наконец, потому, что настоящее отбирает из прошлого нечто обеспечивающее соответствующий устремлениям настоящего, т. е. позитивный и креативный жизнестроительный материал. Наследие — это только то, что позитивно для настоящего»¹⁴. Здесь трудно не увидеть невольного теоретического обоснования столь распространенного в современной практике пересмотра прошлого исходя из идеологической конъюнктуры, когда используются всевозможные медийные манипуляции, с чем вряд ли согласится традиционное национально-ориентированное сознание. В. О. Ключевский писал, что «предмет истории — то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неоконченный процесс, как вечный закон», то есть историко-культурное наследие обращено в вечность, а поэтому важнейшей модальностью ее будет сопряжение с абсолютным.

Концепция наследования традиционных ценностей российской цивилизации должна исходить из объективных, исторически-многообразных и одновременно заданных начал, связанных с уникальностью России как единого этнокультурного и этнополитического образования с присущими ему характеристиками. Это начала:

- объективной данности: географические условия (природа, ресурсы, климат, размер и местоположение страны); присущие инстинкты — глубинные этнопсихологические качества (темперамент, душевные склонности и способности); антропологические характеристики (раса, кровь и т. п.);
- национального задания: духовное предназначение, национальные идеалы, ведущая идеология, вера, доминирующая цель развития, объединяющая, интегрирующая сила или синтезирующий фактор, определяемый часто как нацио-

¹⁴ Вафа А. Х. Некоторые теоретические проблемы культурного наследия и культуронаследования (Часть 2) // Журнал Института Наследия. 2018/4 (15).

нальный дух — для России это «Русский Дух» или «Русская идея», то есть некое метафизическое, исконное, непреходящее духовное начало, действующее в России и характере ее государствообразующего народа;

- типичных способов и конкретных форм осуществления этого задания: главная стержневая тема истории, ее движущие силы, характерные исторические пути развития на разных этапах и в разных ситуациях, переломных и ключевых моментах истории — революциях, реформах, войнах; конкретные формы хозяйственной, региональной, этнокультурной жизни различных социальных слоев и сфер, в которых отразилась главная идея страны; это многообразные переменные величины, связанные с историческим процессом.

Концепция культуронаследования обречена содержать в себе эти три аспекта как целостное многообразное единство. Определение каждого из них призвано быть функционально адекватным. Здесь можно систематизировать типичные отклонения.

Так, в связи с данностью, нельзя исходить, как это часто делается, из:

- гипотетических, искусственно создаваемых или извне приносимых идей (неадекватный приоритет заданности), что приводит к доктринёрству;
- из временной ситуации, конъюнктуры (неадекватный приоритет осуществления), что приводит к релятивизму.

Очевидно, необходимо исходить из данных объективных условий существования страны (территории, исторического наследия и т. п.), где приоритет данности адекватен. Это реалистическая позиция.

В связи с заданностью нельзя исходить:

- из национальной идеи, отождествляемой с экономическими и политическими интересами (неадекватный приоритет данности). Это приводит к вульгарному материализму, прагматизму и бездуховному национализму в целом,

коммерциализации и опошлению в культурной политике в частности;

- из национальной идеи, которая не определена («не дана и не задана»), которая якобы свободна, неопределима и творится в истории (здесь неадекватный приоритет осуществления). Это технократизм.

Очевидно, что национальная идея должна быть определена как объективное задание на основе абсолютных духовных ценностей и в меру исторических «даров», как сила свободного национального самоопределения к объективно-лучшему (адекватный приоритет заданности). Это духовный реализм.

Наконец, по отношению к самому аспекту осуществления нельзя исходить из:

- консерватизма национально-культурных форм, что приводит к застою (неадекватный приоритет данности), господству «необходимости». Это грозит изоляционизмом, застоем, отставанием;
- произвола и многообразия культурных форм безотносительно к национальному духу и объективным ценностям, из преобладания субъективного многообразия (неадекватный приоритет заданности). Подобный этнический релятивизм и субъективизм грозит растворением, самоуничтожением, потерей культурного суверенитета и независимости.

Верное решение — в активном творчестве, создании многообразных культурных форм, исходя из единого национального духа и объективных духовных ценностей (адекватный приоритет осуществления). Это свободное осуществление Правды, Красоты, Добра, Справедливости (Абсолютных ценностей) в совершенной национально-культурной форме.

Для России данность предстала, с одной стороны, как «три бремена существования», в виде необъятности евразийского, почти без естественных границ пространства, в виде суровости климата, сочетающегося с богатством ресурсов, и, наконец, в виде мно-

гонациональности с преобладанием русской народности. С другой стороны, дана душевная щедрость, открытость, искренность, сердечность народа, противоречивость и неоформленность его характера, свободолюбие при твердости и недисциплинированности, что сочеталось с извечной жадой Правды, Справедливости, устремленности к Богу. Россия развивалась на временном и пространственном стыке культур и цивилизаций, отсюда должна была одновременно оставаться «собой» и вместе с тем воспринимать, перерабатывать или подавлять внешние враждебные силы. Всякий другой этнос, оказавшись в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путем, но, по словам мыслителя И. А. Ильина, своеобразие русского народа в этих условиях очевидна — душа его проявила максимум терпения, благодушия, братской терпимости и жертвенности.

В процессе истории русским оказались в равной мере чужды как церковно-национальный консерватизм, провинциализм и изоляционизм, не принимающие новой технической культуры и просвещения, так и поклонение материи, бездуховность и технократизм цивилизации. Оказалось, что Россия может и должна предложить миру новый синтез между православным христианством, с одной стороны, и светской культурой и цивилизацией — с другой. И это «миросозерцание конкретной духовности» означает движение, в котором определяющим является мотив борьбы с материей за ее преображение (а отнюдь не миропочитание), когда творится культура во всем самобытном многогласии своем в глубочайшей цельности и искренности — божественными содержаниями — в совершенной форме (Ильин И. А.). В силу исторических условий или особого «промысла» Россия, чтобы выжить, оказалась перед необходимостью следовать именно по пути цельному, выверяя свою политику по абсолютным духовным ценностям (заданию) исходя из особенностей конкретной ситуации, выбирая способы, адекватные объективным «дарованным» ей условиям бытия. Если Россия не следовала этому принципу, то

социальные беды (войны, угроза распада, внешней зависимости, внутренних расколов) становились расплатой за отход от предназначения и возвращали ее к судьбоносному выбору.

Для нас значимо обращение к отечественной философии всеединства и методологический подход, согласно которому любой объект бытия имеет три модуса рассмотрения: (1) по отношению к себе самому; (2) по отношению к иному; (3) по отношению к Абсолютному. Так реконструкцию концепции В. С. Соловьёва можно представить, используя категории «данности», «заданности» и «осуществления» (См.: *Схема 1*).

Божественное Единое, в котором неразрывно слиты все три аспекта и ценности в форме гармоничного единства Истины, Добра и Красоты, выражаются в человеке как данные интеллектуальные, волевые и чувственные силы его души, но расколотые и производящие свою антитезу — множественное инобытие. Экономика, Политика и Церковь, выражающие отношения человека, соответственно, к внешнему, самому себе и абсолютному, и будучи осуществлением Абсолютного Добра через человеческую Волю на этапе погружения во Множественное, сопряженное с конфликтами, призваны синтезироваться в совершенную свободную теократию на этапе Всеединого. Также, в свою очередь, Наука, Философия и Религия, аналогично выражающие отношения человека к внешнему, самому себе и абсолютному, будучи осуществлением Абсолютной Истины через мышление на этапе погружения во Множественное, призваны синтезироваться на этапе Всеединого в свободную теософию. Наконец, Техническое творчество, Изящное искусство и Мистика, соответственно, выражающие отношения человека к внешнему, самому себе и абсолютному, будучи осуществлением Абсолютной Красоты через Чувства на этапе погружения во Множественное, призваны синтезироваться на этапе Всеединого в свободную теургию.

Соловьев В. С. писал: «Для своей настоящей реализации добро и истина должны стать творческой силой в субъекте, преобразу-

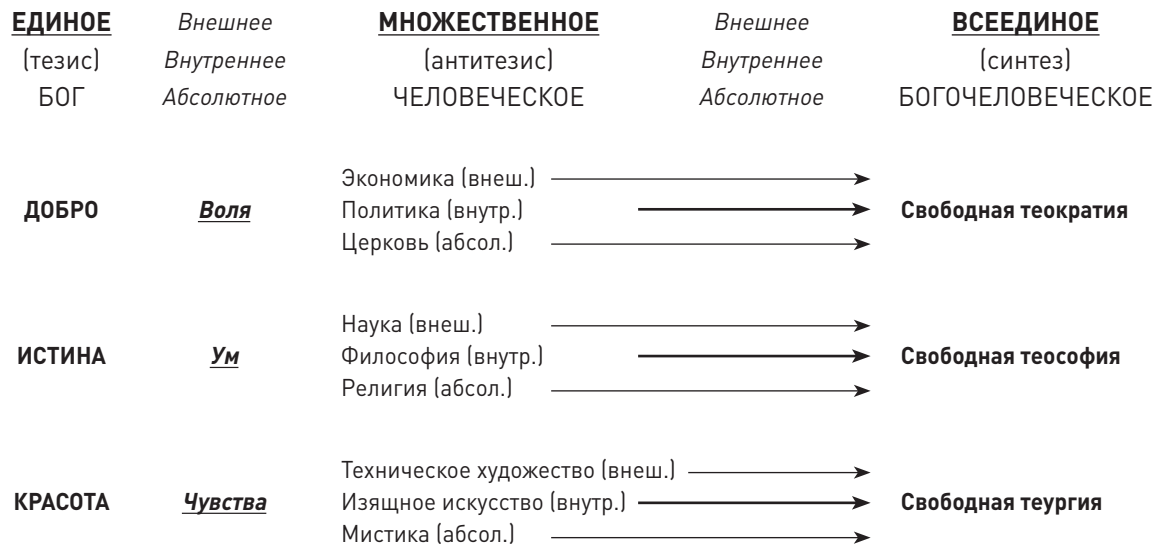

Схема 1. Философия всеединства

ющею, а не отражающею только действительность... Как в мире физическом свет превращается в жизнь, становится организующим началом растений и животных, чтобы не отражаться только от тел, но воплощаться в них, так и свет разума не может ограничиться одним познанием, а должен осознанный смысл жизни художественно воплощать в новой, более ему соответствующей действительности»¹⁵.

Однако, в дальнейших построениях недостаточно опираться на соловьёвскую схему, поскольку она не объясняет до конца динамику противостояния Св. Духа (гармонии, жизни, любви, свободы, мира, благодатного творчества, правды, жертвенности) и Духа погибели (всесмещения, небытия, злобы, гордыни, лжи, зависти, разрушения). Дело в том, что на этапе осуществления всеединства и неслиянности трех сил (Разума, Воли, Чувств) в процессе восхождения к первообразу в форме культурного творчества неизбежно возникают препятствия, опасности и угрозы. Это целый комплекс дисфункций и нарушений цельности, проявляющийся в неадекватном осуществлении заданности важнейших институтов, исходя из данности их природы, необходимой иерархии и взаимосвязей между ними: единства, гетерономности и автономности. Они лежат в основе процессов и технологий разрушения национального архетипа и идентичности.

Речь пойдет о наследовании ценностей, необходимости осознания непреходящих императивов, с которыми эстетические традиции отечественной культуры связаны духовно. В этих константах заложены главные движущие силы нашей истории, формировавшие русское искусство, обеспечивавшие его целостность, самоидентичность и преемственность. К сожалению, при рассмотрении художественных произведений, являющихся националь-

¹⁵ Соловьёв Вл. Общий смысл искусства [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/16/p.1/index.html> (дата обращения: 10.09.2019).

ным культурным достоянием, далеко не всем очевидна важность аксиологического измерения, несмотря на то, что решение, например, проблем хранения, экспонирования и атрибуции напрямую зависит от осознания цивилизационных аспектов духовно-эстетических традиций, благодаря которым они были созданы. Искусствоведы и критики обычно предпочитают ограничиваться узко эстетическим или сугубо историческим пониманием ценности произведения. Это тем более удивительно, что полноценная эстетическая интерпретация предполагает культурологический ценностно-смысловой анализ. Он требует междисциплинарности и историсофского подхода, выявления в объектах культурного наследия, в частности, произведениях изобразительного искусства, универсальных и одновременно национально-самобытных смыслов и взаимосвязей, имеющих мировоззренческое, а для России — прежде всего духовно-нравственное значение. Культуронаследование есть процесс актуализации традиции и исторической преемственности, связующий поколения так, чтобы в новых художественных произведениях осуществлялась традиция, а объекты культурного наследия становились действенными символами национальной памяти, способствовали развитию гражданского самосознания и укреплению цивилизационной идентичности.

Если история как объективная реальность не существует — она скорее настоящее, «опрокинутое» в прошлое, в том смысле, что каждое поколение и новая власть прочитывают ее заново, то историко-культурное наследие — это прошлое, «живущее» в настоящем в виде образов, ставших символами, соединяя тем самым онтологические и гносеологические аспекты реальности. Историко-культурное наследие существует реально в настоящем не как мертвый след, материальный объект, но прежде всего как урок и наказ для нынешнего и будущего поколений, как послание, предстающее в образно-символическом виде. Культурный «код» другого времени или эпохи мешает коммуникации, требует «декодирования». Восстановить лишь знаковую систему может быть

и достаточно для понимания семантики и эстетики той или иной эпохи, но недостаточно для того, чтобы увидеть заложенные художником глубинные историософские цивилизационные смыслы. Истинная ценность произведения раскроется в той мере, в какой удастся раскрыть сосредоточенное в нем национальное и одновременно общезначимое «послание». Подчас помимо воли автора или даже вопреки. Претендующие на подлинность создаваемые художником образы призваны стать именно символами, которые способны иметь сплачивающую синтетическую природу, соединять предмет и смысл, одновременно соединяя и людей, понявших этот смысл. В таких общенациональных символах нуждается народ. По мере того, как образно-символическое освоение мира наполняется духовным содержанием — в православной культуре божественной благодатью, оно становится не только потенциально, но реально преобразующей силой. Здесь коренятся истоки и особенности духовно-эстетической традиции русской цивилизации.

Ретроспекция исторического опыта и культурного наследия нашего народа через призму аксиологии позволяет обнаружить систему базовых ценностей русского цивилизационного архетипа (национально-культурного «кода» или национальной идеи). Эти ценности выражались в разной мере у разных сословий и этносов, представляли в многообразных комбинациях и формах воплощения, по-разному интерпретировались в зависимости от времени, социальных и личностных установок, но всегда имели особую непреходящую духовно-эстетическую нравственную целостность и историческую укорененность. Вот их перечень в виде концептов.

Общинность и государственность. Личная выгода, индивидуализм были не в чести, уступали государственному и общественному служению. Значительную часть своей истории Россия формировалась в условиях военного противостояния, что заставляло пренебрегать интересами отдельного человека ради сохранения государства в целом. Это не общинность и коллективизм в вос-

точном, деспотичном, исполнении, но *соборность*, объединение не по человеческому усмотрению, насилию или воле правителя, но освященное Божьей волей, Благодатью, единство обязательно духовно и нравственно оправданное. Для русофобов, конструирующих мифы и стереотипы, это качество не что иное как «стадность» и «рабство».

Справедливость не как формальное равенство и неравенство по заслугам перед «сюзереном», «общиной», «государством», а как равенство всех перед Богом и неравенство в продвижении к нему, как высшая правда: отсюда «по подвигу и награда». Для русофобов это качество объявляется склонностью к «уравниловке», оправданием природной лени и паразитизма.

Трудолюбие: в отношении к труду как творческому процессу, неприятие бессмысленного и монотонного труда, где «работа не волк, в лес не убежит, поэтому ее окаянную делать и надо», жить надо «не для богатства, а для Бога». Для русофобов это, конечно, лень и неорганизованность, имеющая результатом зависть к богатым.

Терпение, страдание, самоограничение, нестяжательство, воздержание и миролюбие, самоотверженность, постоянная готовность пожертвовать в пользу другого человека («Бог терпел, и нам велел»), личное геройство должно быть направлено «на вне человека»: смерть за свое Отечество и Родину, подвиг «за други своя», «на миру и смерть красна», ратный подвиг — это всегда презрение к смерти и уже потом — ненависть к врагу. За счет преодоления лени и страха, победы над собой происходит самоактуализация, обретение личного достоинства, внутренней свободы и смысла. Для русофобов это качество есть мазохизм, патологическая тяга к страданию, сформированная в условиях якобы векового самовластья и рабства, компенсируемая агрессивностью, воинственностью (милитаризмом) и экспансией.

Список базовых ценностей, лежащих в основе российской цивилизации и русского национального архетипа, можно и нужно

продолжить. Это патриотизм, просвещенность, правдолюбие, свобода, самодисциплина, честь, созидание, милосердие, достоинство, законопослушность, вера и благочестие, благотворительность, достаток, брак как основа семьи, принципиальность, верность избранному делу, целеустремленность, неагрессивность, уступчивость, неприхотливость, любовь и уважение к человеку, чувство нравственного долга, добротолубие, почитание предков и традиций, ответственность перед потомками. Они выражали привычный организационный принцип действия, который был типичным способом взаимодействия с окружающим миром. Эти устойчивые модели поведения воспитывались с детства социальной средой. К сожалению, сейчас эта среда и система целенаправленного воспитания разрушена, каждый сам выбирает «паттерны» своего уверенного поведения, кто-то саморазрушающие, кто-то манипулятивные, кто-то актуализирующие, преобразующие.

Национальный культурный код (или, другими словами, «национальная идея») — есть то, что делает народ тождественным самому себе, определяет его выбор, а значит, его самобытие, индивидуальность. Как лицо или характер человека не сводится к отелным чертам его внешности (росту, цвету глаз), особенностям ума, нрава и т. п., но образует целостность, так и в отношении народов. В отличие от законов физики, где одноименные полюса отталкиваются, в законах духовных, наоборот, подобное стремится к подобному. Но общность каждого из отдельных признаков (территории, хозяйства, верований, языка, расовых особенностей, государственных режимов) отнюдь не гарантия совместного мирного проживания. Напротив, каждый из них может стать причиной разногласий и вражды, войн и конфликтов. И только лишь особая сила, объединяющая людей в одну историческую этнополитическую культурную целостность, делает возможным ей постоянно воспроизводиться и возрождаться как феникс из пепла.

Эта сила пронизывает время, является духовным стержнем, связующим разные поколения и культуры, образует главный смысл, в котором сосредоточены непреходящие вечные ценности, отвечающие на вопросы ЗАЧЕМ и КУДА мы идем? Как и почему? Это единство ценностей любви, свободы, красоты, истины, добра, блага, справедливости, труда, веры, надежды. Их набор образует уникальный мощный духовный центр, ведущий за собой все остальное, формирует в народе необходимые нравственные качества и добродетели.

Как писал отечественный философ Вл. Соловьёв, «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Для славянских народов такой главной объединяющей силой стало христианство, а для русских — православие. Христианские семена, как известно, падали на разную этническую почву. Идеалы любви и духовного совершенства, правды, свободы и добра вели народы разными историческими путями, давали разные всходы и плоды.

В славянском и русском мире национальная идея в лучших своих проявлениях осуществлялась, пронизывая все сферы общества и формы культуры: экономику и политическую жизнь, искусство и литературу, семейные традиции, быт, фольклор, обряды и пр. Наша отечественная история и культура, движимая христианской истиной, для сторонних глаз часто видится противоречивой и во многом загадочной. Здесь совмещаются кажущиеся несовместимыми для сугубо рационального сознания вещи:

- с одной стороны, это устремленность в высь, религиозность, духовность, неприятие накопительства, а с другой — утверждение культурно-материальной мощи и силы, мироприятие;
- утверждение государственного единства, жесткое единоначалие, но при этом требующее свободы воли, добровольной отдачи;

- умение воевать, мужественность и героизм, но и одновременно миролюбие, жертвенная любовь, милосердие.

Всегда важна была «не буква, но дух». Главное — это смысл, т. е. духовно-нравственная оценка, которая не под силу плоскому бессердечному уму, закрепощенному в постоянных антитезах, конфликтах. Спасение в цельности и любви, духовно-нравственном совершенстве. Все беды (войны, соц. нестроения, болезни, воровство, убийства) от повреждения нравов: гордыни, зависти, жадности, лжи, лени, блуда, сладострастия, гнева и пр. пороков — об этом говорит весь наш исторический опыт, духовно-философская традиция и символы национального единения: от иконы Пр. Троицы А. Рублева (неслиянной и нераздельной), до наших великих национальных святых, пороков и героев.

Слова «цельность», «цель» не случайно в русском языке однокоренные с «целителем», т. е. настоящим врачом, который лечит не по частям, но в нераздельности их друг с другом.

К равновесию между Красотой, Истиной и Добром предназначены данные человеку силы души. Так, чтобы чувства удовлетворялись только прекрасным, а не пошлостью, ум питался Истиной, а не Ложью, Воля была доброй, а не завистливой и злобной. Поэтому наука и философия не должны быть на службе прагматических интересов, политика — обслуживать интересы толстосумов, внутренняя религиозная жизнь — заменяться внешним обрядом. В противном случае — расчлененность (подобно лебедю, раку и щуке из басни Крылова), где ум, чувства, воля и соответствующие им социальные институты обрекаются на то, чтобы каждый тянул в свою сторону, а в итоге — к смерти. В частности, в истории России это проявлялось как раскол между важнейшими социальными институтами и силами — государством, церковью и народом.

Единение рационального и сверхъестественного в познании и творчестве великолепно выразил А. С. Пушкин, который призы-

вал к тому, чтобы «веленью божию» муза «была послушна», написав знаменитые строки:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.

Последняя строка в богоборческое советское время часто вычеркивалась у классика.

Одним из ключей к пониманию национального кода может быть наш «великий и могучий, свободный и правдивый русский язык». В своих письмах другой великий русский писатель Тургенев И. С. писал: «Берегите чистоту русского языка как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Язык отражает наш национальный характер, душу народа в единстве формы, звучания и смысла. Интересно, что само слово «человек» в русском языке распадается на две части: «чело» (т. е. разум) и «век» (сколько ему жить), а также созвучно «словек», т. е. к слову — одному из главных, что отличает человека от животного. «В начале было Слово и Слово было Бог». Отсюда и самоназвание «славяне», и «слава» — от «слова». Сравним: «slave» на английском — раб. Или, например, благодарность звучит как «спаси-бо(Г)». Но данные Богом дары природы, талант может быть закопан в землю. Отсюда «творец», «творчество», но без Бога, как говорится, можно много чего натворить... С одной стороны, «Без Бога не до порога», но с другой стороны — «На бога надейся, а сам не плошай!», или русская пословица «Молилась Фёкла, да Бог не вставил стёкла».

В связи с этим нельзя не упомянуть из опубликованных фундаментальных работ последних лет энциклопедическое издание «Древнерусская цивилизация. Наследие в слове» выдающегося русского ученого филолога Владимира Викторовича Колесова, ушед-

шего от нас в мае 2019 года, которое подытожило его многолетние исследования по истории русского языка и развитию ментальности древнерусской цивилизации. Первая часть издания посвящена изучению социальных терминов Древней Руси, вторая — этических категорий, третья — эстетических и этических терминов, четвертая показывает последовательное мужание мысли в русском сознании и связанными с ним формами познания. При подготовке своего труда, являющегося филологической энциклопедией древнерусской цивилизации, автор пользовался материалами более чем 30 книгохранилищ и библиотек — различными периодическими и одиночными изданиями древних текстов, число которых приближается к 300, а также 24 авторитетными многотомными словарями. Список использованной литературы содержит до 450 наименований, и это только те материалы, прямые ссылки на которые присутствуют в тексте. В Приложении приведены лишь некоторые фрагменты из его фундаментального труда, имеющие непосредственное отношение к нашей теме (См. Приложение. «Древнерусская цивилизация. Наследие в слове». Фрагменты). Вот лишь одна из цитат: «Красное радует и возбуждает — это ясно, красота веселит — понятно, однако поскольку это понятно и ясно, то зачем и выделять такое значение в качестве самостоятельного? Чисто книжное со-значение слова не привилось, возможно, потому что оно обозначало непосредственное и конкретное восприятие человеком “красного”, никак не передавая скрытого за этой конкретностью восприятия и д е ю качества “красного-прекрасного”. Русский язык последовательно выражает понятие о “красном” как объективных качествах лица или вещи — без одновременного выражения отношений со стороны тех, кто эти качества видит или пользуется ими. Красота как качество осознается существующей вне сознания человека»¹⁶.

¹⁶ Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / Словоуказатель — Н. В. Колесова / Отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014.

Все дело в том, что Бог для нашего спасения взывает к нашей воле. Вся история человечества есть богочеловеческий процесс, цель которого — преображение, восхождение к первообразу божественного совершенства. С одной стороны: «Богатство — от слова Бог», но с другой стороны, «Легче верблюду через угодное ушко пролезть, чем богатому попасть в рай!» Дело в том, что богатство может повредить душе, если оно добыто нечестным путем, «корысти ради». Об этом говорит вся наша история и традиция. Украденные молодильные яблоки ведут к смерти героя, и только жертвенная любовь и покаяние приводят к чудесному оживлению. Если богатство — результат труда, реализованного Богом данного таланта, то это благо. Так же и в отношении бедности. Это вовсе не значит, что она — хороша. Если ты бедный, потому что ленивый, это одно, но если ты щедрый или убогий, то совсем другое.

Так народная мудрость и поучения св. отцов учат различать добро и зло, между которыми не может быть компромисса. Нельзя, например, одновременно служить Богу и Мамоне, так сказать, невинность соблюсти и капитал приобрести. Грех и порок (гордыню, жадность, лень и т. п.) любить нельзя. Здесь вспоминается образ Георгия Победоносца, символ непримиримости со злом. «...Не мир пришел Я принести, но меч», — говорит Христос и выгоняет бичом торгующих из Иерусалимского храма. Но с другой стороны, «Блаженны миротворцы», «Возлюби врага своего!», «Если ударили по одной щеке — подставь другую» (правда, народная мудрость добавляет: «Но не дай ударить!»). Митрополит Филарет дает пояснение: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша». Нравственный выбор, то есть свободное осуществление лучшего, должного, совершенного, полноценно может быть осуществлено только в порядке любви. Любви свободной, невынужденной, жертвенной и благодатной. Христианская любовь, с одной стороны, тверда и воинственна, но с другой — жертвенна и долготерпелива, сми-

ренна и целомудренна, бескорыстная и непоказная. Воплощением этой стороны истины является образ Богородицы. Символы этой идеи — два Храма домонгольской Руси: в Юрьеве-Польском храм св. Георгия — героизма и мужества, и церковь Покрова пр. Богородицы на р. Нерли близ Боголюбово — символ чистоты и целомудрия. Это как бы две стороны одной медали.

Исторически идея цельности была выстрадана народом, исторически осознана и проговорена духовными подвижниками и пророками, художественно воплощена народными творцами, закреплена в национальном культурном наследии, в слове.

Итак, наш национальный культурный код (или идея) состоит в том, чтобы, говоря словами философа Ивана Ильина, «жить в глубочайшей цельности и искренности во всем самобытном многогласии своем в глубочайшей цельности и искренности — божественными содержаниями — в совершенной форме». Здесь утверждается целостная синтетическая формула в противовес двум крайностям — поклонению только Богу, но с принижением человека, или поклонению человеку, но без Бога. Она есть утверждение гармонии Богочеловеческого. Это деятельностная преобразующая идея и сила, объединяющая всяческая во всем: и в пространстве, и во времени, и в поколениях, в поступках и всех сферах культуры, сосредоточенная в самой глубине национальной души — совести народа (а совесть, как известно, есть голос Бога в человеке).

Предложим обобщенную модель на основе реконструкции отечественного духовно-философского наследия, православной антропологии, аксиологии и метафизики¹⁷. Несмотря на теоретико-методологическую разрозненность и значительный плюрализм, характерный в целом для мыслителей, занимающихся пробле-

¹⁷ Данная модель была опубликована ранее в журнале. См.: Закунов Ю. А. Система и иерархия ценностей российской цивилизации (к построению «ценностной модели государственной культурной политики») // Культурное наследие России. 2018. № 2. С. 75–81.

мами духовной культуры, и как результат — отсутствие единой концепции, очевидно наличие мощной философско-духовной традиции и потребность в философско-культурологическом цивилизационном подходе в решении проблем, являющихся для национальной культурной политики фундаментальными. Их объединяет устремленность к Высшей Истине, которую они видели и видят в целостном знании, единстве веры, воли, разума и чувств, приоритете духовных ценностей, подтверждаемых историей и достижениями российской культуры и цивилизации.

Предлагаем краткую интерпретацию модели, представленной в виде таблицы «Ценностная иерархия во взаимосвязи с уровнями и константами социокультурного бытия» (См. Табл. 1).

Исходим из того, что догмат Триединства является ключом к подлинной онтологии, теологии, космологии и антропологии. Он распространяется на все области бытия, на космос и человека. Триединство — основа и прообраз Бытия, Космоса (Мира) и Антропоса (Человека), то есть Бытие, Мир и Человек образуют триаду, подобно триипостасному единству Бога-Абсолюта¹⁸. «Для Православной церкви Пресвятая Троица — непоколебимое основание всякой религиозной мысли, всякого благочестия, всякой духовной жизни, всякого духовного опыта. Именно Ее ищем мы, когда ищем Бога, когда ищем полноту бытия, смысл и цель своего существования»¹⁹.

Первое измерение в плоскости отношений **субъективных, объективных и социальных ценностей** (горизонтальный «срез») выражает аспект данности, где имеет место «равночестность».

¹⁸ Позов А. С. Основы древне-церковной антропологии. Т. 1. Сын Человеческий. Мадрид, 1965. С. 13. См. также: Основы христианской философии. Ч. 1. Теория познания (Гносеология). Мадрид, 1970. 341 с.; Ч. 2. Диалектика. Мадрид, 1970. 205 с.; Ч. 3. Метафизика. Мадрид, 1972. 422 с.; Богочеловек: Мистика христианства. Мадрид, 1974. 384 с.

¹⁹ Лосский В. Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 37, 52.

Табл. 1. Ценностная иерархия во взаимосвязи с уровнями и константами социокультурного бытия

Ценностные константы Уровни Бытия	Субъективные ценности (свобода)	Социокультурные ценности и соответствующие им институции	Объективные ценности (необходимость)
Высший уровень «Духовный»	<u>Духовные потребности:</u> Цельность → Справедливость → Любовь →	<u>Духовная культура:</u> Религия (<i>вера</i>), Философия (<i>разум</i>) Государство (<i>правосознание</i>) Семья (<i>род</i>) Патриотизм (<i>нация, культурное наследие</i>) Творчество (<i>преображение</i>) Личность (<i>индивидуальность</i>)	← Абсолютные ценности (Бог)
Средний уровень (сознание) «Душа»	<u>Психогенные потребности:</u> Ум → Чувства → Воля →	Научная культура (наука — <i>рациональность, понятливость</i>) Эстетическая культура (искусство — <i>художественность, образность, символичность</i>) Нормативная культура (мораль, обычай, <i>право-действие, регулятивность</i>)	← Истина ← Красота ← Добро
Низший уровень (физический) «Тело»	<u>Биогенные потребности:</u> воздух, вода, температура, пища, → отдых и т. п.	<u>Материальная культура:</u> Средства производства, квалификация, отношения собственности, обмена, распределения, потребления	<u>Природная среда:</u> пространство, ← пр. ресурсы, климат, флора, фауна и т. п.

Второе измерение — вертикальное — «иерархичность». Это уровни **материального** (физического), или «тела»; **психического** (сознательного), или «души»; и **духовного**, или «духа». Взаимосвязи и пересечения этих двух измерений отражают структурно-функциональную полноту социокультурной реальности.

Так вертикальные столбцы содержат основные ценностные константы: в левой колонке — **субъективные** ценности человека, его Свобода («тезис»), «противостоящие» **объективным** ценностям Необходимости — правая колонка («антитезис»). **Социальные** ценности — средняя колонка («синтез»). В горизонтальных колонках это три уровня: Низший («Тело») — физический, и соответствующие ему биогенные потребности, которые находятся в конфликте с природной средой. Материальное производство функционально связано именно с этим уровнем и призвано разрешать противоречие между постоянно растущими потребностями и ограниченными возможностями природной среды. Эту задачу оно может полноценно выполнять лишь при наличии Среднего уровня — «Души», где данные человеку психогенные потребности направлены на постижение законов мироздания. Здесь человек не просто довольствуется познанием законов, требующих простого удовлетворения материальных потребностей, но данными ему силами души (интеллектом, чувствами, волей) обращается к познанию глубинных начал бытия: Ум устремляется к познанию Истины (что рождает Научное знание), Чувство стремится утвердить законы Красоты (так на основе художественных образов рождается Искусство), Волевым усилием создается порядок, регулируемый социальными нормами (рождаются Обычай, Мораль, Право). Но конфликт между «Телом» и «Душой» и внутри них неизбежен, если нет «Духа» — Высшего гармонизирующего уровня — **Духовного**. Без него наука и искусство, право и мораль приходят к взаимоотрицанию, ситуациям абсурда. Тогда Добро, Красота и Истина (чувства, воля и разум) «восстают» друг на друга и воцаряется бездуховность при видимом «расцвете цивилизации»:

утверждает себя как норма и тренд «свободное» формальное искусство, где нет здравого смысла, происходит тотальная эстетизация пороков, а наука превращается в инструмент насилия, обмана и наживы в руках бессовестных политиканов и финансовых воротил. «Моральное существо никогда не может освободиться от власти божественной идеи, являющейся смыслом его бытия, но от него самого зависит, носить ее в сердце своем и в судьбах как благословение или как проклятие»²⁰.

Ценностный подход не отрицает материальное, но преобразует, устанавливает иерархию, соответствующую предназначению человека и общества. Удовлетворение биогенных потребностей и преобразование природной среды, организация экономической деятельности невозможны без сферы сознательной (психической), которая в свою очередь подчинена ценностям духовным. С другой стороны, антитеза Свободы и Необходимости не может полноценно разрешиться на уровне науки, искусства или социальных норм. Согласно антропосоциоцентризму, отождествление Духа с Сознанием (индивидуальным и общественным) или Душой приводит к тому, что духовность лишается абсолютной онтологической основы.

Верное решение состоит в гармонии между «Телом» и «Душой», борьба между которыми снимается на уровне духовных потребностей. Тогда *ум, чувства и воля* не просто стремятся к относительным *Истине, Красоте и Добру*, но достигают их, будучи цельными:

- ум не довольствуется «истинами», используемыми во зло;
- чувствам противно наслаждаться безнравственной красотой;
- воля не слепа, но совестна.

²⁰ Соловьёв В. С. Русская идея // О христианском единстве. Брюссель, 1967. С. 221.

Такое возможно лишь при условии, когда все силы души руководствуются высшими духовными потребностями в *Цельности* (совершенстве), *Справедливости* и *Любви*. К их осуществлению призваны соответствующие социальные структуры (институты и ценности), которые рассматриваются в ценностно ориентированной модели культурной политики в соответствии с их главными функциями и природой. Это:

- *религия* на основе свободной непосредственно-личной целостной связи с высшим совершенством (Богом), т. е. веры;
- *философия*, формирующая мировоззрение как стремление к Абсолютной Истине на основе разума;
- *государство* как утверждение справедливости на основе права;
- *семейные ценности* как любовь супругов друг к другу, детям, своим родителям и роду, культурному наследию предков;
- *патриотизм* как самоотверженная любовь к Отечеству и своему народу — этнокультурной общности (нации), как защита единства особого полиэтнического мира — российской цивилизации, ядром которого является русская культура;
- *личность* как гуманистическая ценность, творческая неповторимая индивидуальность;
- *ценности* трудолюбия и нестяжания.

Единство, взаимосвязь ценностей, духовная целостность выражается в концепте *прекрасного* (чувстве красоты), которое занимает особое место. Говоря словами Вл. Соловьёва, для своей настоящей реализации *добро* и *истина* должны быть творческой силой в субъекте, причем преобразующей, а не отражающей только действительность, призванной творить в красоте, претворять неидеальную действительность в идеальную, что нужно знать не только в отвлеченной рефлексии, но прежде всего в не-

посредственном **чувстве**, присущем художнику, то, что красота нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ей просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира²¹. Великий русский советский композитор Георгий Свиридов отмечал, что искусство, в котором присутствует Бог как внутренне пережитая идея, будет бессмертным. Бессмертным будет и хранитель этого искусства.

Исследователями русской художественной культуры отмечают такие ее существенные черты, как сакрализация природы, ощущение магической взаимосвязанности всех вещей и явлений, желание духовного наслаждения и радости от прекрасного, стремление божественное выразить в предмете, осмыслить красоту как выражение истинного и сущностного, любовь к величию, красочности, светоносности, яркости²². Во всем угадывалось стремление узреть и воссоздать присутствие божественного начала и солнечного золотого света, радующего красотой природы, многоцветием, возводящего к первообразу. В непосредственной целостности горнего и земного мира тварное не служит выражением только греховного. Напротив, красота невидимого мира, скрытая от поврежденного грехом человека, прозревается «духовным оком» художника в тварном бытии, утверждая отношение не мироотрицающее и не покорительское, но миропреображающее. Как писал И. А. Ильин, подлинное русское искусство ищет благоговейным сердцем Божественного — во всем; и находит; и из него поет, причем лучи его можно и должно находить во всем; и, найдя, надо в них пребывать и из них творить. Художник «исторгает из всего, как ничтожного, так и великого, одну электрическую искру того

²¹ Соловьёв Вл. Общий смысл искусства [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/16/p.1/index.html> (дата обращения: 10.09.2019).

²² См. фундаментальные работы по русской эстетике Бычкова В. В. Также: Булгаков С. Н. Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. М. : Директ-Медиа, 2014.

поэтического огня, который присутствует во всяком творении Бога»²³ (слова Гоголя о Пушкине).

Русское художественное сознание не сразу сформулировало свои эстетические принципы на философском, теоретическом уровне, но сразу их прочувствовало сердцем, воплощало в искусстве, закрепляло в виде традиции. Речь идет о соборности, софийности искусства и творческой деятельности в целом, синтетизме, высокой духовности и каноничности, художественном символизме. Главное было выразить глубинные духовные смыслы без формального подражания видимым формам предметов. Все больше выявлялась теургическая функция искусства, выходящего уже за рамки собственно своих произведений и реально преобразующего мир и человека на пути эсхатологического софийно-эстетического преображения, возведения тварного мира к его предвечной Красоте. Как писал С. Н. Булгаков, «искусство, не как совокупность технически-виртуозных приемов, а как жизнь в красоте, несравненно шире нашего человеческого искусства, весь мир есть постоянно осуществляемое произведение искусства, которое в человеке, в силу его центрального положения в мире, достигает завершенности, ибо лишь в нем, как царе творения, завершается космос»²⁴.

Следует особо подчеркнуть, что нашему народу важно было созерцать и иметь живые конкретные образы, «откуда черпается творческий дух и жизненная сила, которые даются от имени народа и за народ его гениями и пророками» (Ильин И. А.), чтобы стать в итоге символами национального Боговосприятия.

Масштаб и границы того или иного этнокультурного признака или элемента определяются их данной исконной струк-

²³ Ильин И. А. Когда же возродится великая русская поэзия // Ильин И. А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. С. 1129.

²⁴ Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М. : Директ-Медиа, 2014. С. 295.

турно-функциональной природой (самобытием), характером самого способа функционирования и развития и, наконец, объективными ценностями, предназначением, а в целом — *национальным духовным творческим актом*. Последний выражает начало единства или цельности как необходимый конкретный *способ* осуществления объективных ценностей, исходя из данных условий существования (на уровне «рацио» предстающий как принцип или концепт). Благодатный дух понимается как сила свободного самоопределения к объективно лучшему в аспекте заданности, как основа цельности, системообразующая и сверхсистемная реальная сила. Отсюда можно выделить три фундаментальных взаимосвязанных аспекта художественной цельности, каждый из которых выражался и осознавался в разной степени на определенном этапе развития русского искусства и культуры:

1. *Заданность* как принцип духовной содержательности или предметности, т. е. реальности абсолютного идеала и объективных духовных смыслов, действующих как «истина — красота — добро» (корреляция с **софийностью**).
2. *Данность* как принцип автономности, т. е. свободы личности, реализуемой через равночестность дарованных человеку свыше душевных сил «ума — чувств — воли», ведомых, соответственно, «истиной, красотой, добром» (корреляция с **каноничностью**).
3. *Осуществление* как творческий принцип полноценности, равновесия и иерархии между заданностью «духовного предмета» (идеала) и данностью эстетической материи («техно» — звуком, красками, камнем, металлом, предметом) и свободой творчества, реализуемое через создание художественных образов, выраженных и воплощенных в символической форме (корреляция с **реалистичностью, символичностью, теургичностью, синтетизмом**).

Их полноценность, «неслиянность и нерзадельность», возможна только на основе благодатности Св. Духа, божественных энергий

и человеческой воли, реализуя себя как богочеловеческий процесс сотворчества, которые закрепляются в национальных символах, традициях, живут и передаются через наставников в культуре творческого акта.

Исходя из вышеизложенного, можно предложить и соответствующую классификацию подходов к пониманию проблем наследования культуры по ценностно-коммуникативному основанию, имея в виду *коммуникативную природу* данного процесса как стихийной или целенаправленной трансляции культурных ценностей прошлого в общественное и личное сознание, социальную и индивидуальную практику. Руководствуясь принципом цельности, т. е. взаимосвязи и полноты основных компонентов системы, имеем три вида взаимосвязей (по отношению к себе, по отношению к двум остальным) и три блока, собственно, самих компонентов, выступающих в отношениях друг к другу, что образует 9 возможных вариантов (комбинаций) в теории и практике культуронаследования:

- 1. Состав и преимущественная иерархия компонентов (*данность*)**
 - а) сциентистские или информационные,
 - б) дидакто-центрические или инструментальные (технологические),
 - в) личностно-ориентированные или антропоцентрические.
- 2. Цели (*заданность*)**
 - а) позитивистские (примат объективных ценностей),
 - б) субъективистские (примат личностно-субъективных смыслов),
 - в) преобразующие (примат духовных ценностей).
- 3. Типы связи (*осуществление*)**
 - а) авторитарная,
 - б) формально-разграничительная,
 - в) синергетически-органическая или сотруди́ческая.

Очевидно, что наиболее полноценной будет комбинация подходов и соответствующих практик наследования культуры, образуемая адекватными друг другу *составом, целями и связями*, а именно: 1-в), 2-в), 3-в), т. е. **лично-ориентированными, преобразующими и сотруди́ческими**.

Без живой непосредственной ценностной иерархии и конкретного общения возникает угроза безжизненной виртуальной матрицы. Сила духа нацелена на преобразование, улучшение, преодоление неполноценности, а значит, актуальностью (востребованностью) будет обладать именно то, что требует восполнения. Творческий поиск состоит в любви, т. е. свободной самоотдаче и благодатности, которая увеличивается в той мере, в какой имеет место отдача как благодатный дар. С другой стороны, «твоим является только то, что ты можешь отдать». Здесь проявляется парадоксальное свойство благодатного духа.

Это коррелируется с тем, что в структуре духовных ресурсов любой сферы деятельности можно выделить два блока:

1. *Инвариантный или гомогенный аспект*, представленный собственно духовными силами. Он существует в виде системы ценностей, характерных для любого носителя (субъекта), индивида и социальной группы. Осознаваемые или нет, утверждаемые, закрепляемые или только лишь провозглашаемые в виде моральных, религиозных, традиционных и правовых норм объективные начала добра, справедливости, истины, любви, веры, свободы, красоты представляют здесь некую духовную реальность. Для них характерны претензии на абсолютную объективность в содержании, но исторически преходящий характер и социокультурное многообразие в формах осуществления, а также универсальность в смысле выстраивания приоритетов (иерархии), поскольку они функционально задают окончательный смысл и определяют конечные цели развития по отношению к другим аспектам деятельности, являясь решающими критериями полноценности. Здесь надо

выделить и более изменчивые составляющие — субъективную сторону (вольное, индивидуальное восприятие и понимание Совершенного конкретными личностями) и социально-психологический климат, настроение людей в границах конкретного проживания, их самоидентичность как представителей той или иной социальной группы (прежде всего этнокультурной, как наиболее устойчивой), а также способы осуществления ценностей в зависимости от национальной самобытности, историко-культурных традиций и социально-исторических факторов (уровень образовательной, научной, художественной деятельности, развитие соц. институтов и организационных структур, методы управления).

2. *Гетерогенный аспект*, устанавливающий взаимосвязи, взаимодействия духовной сферы с другими сферами: экономической, политической, социальной, где учитывается природа самих этих сфер и характер взаимодействий. Взаимосвязь финансового обеспечения и ценности свободы выбора, например, в образовании или в искусстве выражается в принципе доступности для людей способных, трудолюбивых и одухотворенных. Тогда как коммерциализация явно нарушает баланс в ущерб ценностной иерархии.

По-новому предстает и проблема преемственности традиций русской культуры и искусства. Согласно мнению исследователя Жуковой О. А., «творчество в русской культуре выступило устойчивым принципом исторического развития традиции, в которой упорно воспроизводилась трансцендентная цель самополагания личности. Важный опыт русской художественной культуры сопряжен с восприятием другого как трансцендентного Иного, выраженного образом целостности Духовного Абсолюта. Потому значимым мотивом творчества становится создание художественного произведения, обладающего видением (интуицией) этого Образа. Само творчество понимается как путь восхождения личности к Первообразу в трансцендентной перспективе духов-

ного совершенствования (в религиозной культуре) или как опыт строительства культуры в горизонте христианских идеалов Красоты — Истины — Добра (в светской, секуляризованной культуре), либо как способ преобразования мира в новой метафизической целостности культуры и человека (в постклассической и неклассической)»²⁵.

Однако, говоря о линии русской художественной культуры, удерживающей исторический массив Руси/России/СССР/России в цивилизационном единстве, недостаточно видеть ее только как возвращение к исходной целостности искусства и религии через некую «интегральную установку творческого пути жизни человека, стремящегося к высшим нравственным, эстетическим, религиозным, социально-культурным идеалам, которая задана диалектикой сохранения/изменения непосредственного восприятия образа целостности в структуре художественного произведения с характерной личностной актуализацией религиозного смысла творчества»²⁶, прочитываемая как постоянно воспроизводимая духовная «парадигма». Здесь неизбежно возникает вопрос о судьбах реализма, концептуализма и современного авангарда, которые в глубине своей не противоречат выше обозначенной «парадигме», вполне вписываются в нее своим псевдорелигиозным «духовным» содержанием («трансцендентное» Иное может быть и Коммунистическим идеалом, и Духовным Абсолютом, и любой идеей Совершенства, не исключая Трансгуманизма). Не случайно позитивистский термин «парадигма», хотя и взятый автором в кавычки — скорее свидетельство эклектичности данной методологии.

Отсутствие образа самого личного Бога-Христа в творчестве и эстетических умпостроениях можно лишь объяснить (но не

²⁵ Жукова О. А. Смысловое поле русской культуры: проблема преемственности творческого опыта // Теория и практика общественного развития, 2009. С. 253.

²⁶ Там же. С. 254.

оправдать) фактом обмирщения мира и культуры. Еще В. М. Васнецов (из письма Е. Мамонтовой от 20 августа 1889 года) писал: «...Идеалом искусства должно стать наибольшее отражение духа в человеческом образе. А где же и когда же Дух Божий отразился полнее, глубже, шире и могущественнее в человеческом образе, как не в Христе?!» И как быть с тем, что «в постклассической и неклассической культуре на рубеже XIX–XX вв. непосредственная целостность бытия воспроизводится формой превращенного религиозного сознания, имея мифологическую проекцию христианской идеи преображения: литургия превращается в теургию, личность художника — в демиурга»²⁷, не говоря уже об эпохе постмодерна, являющегося в глазах православного человека просто умиранием искусства. Проповедь теургии как действия «человека совместно с Богом, — богодействие, богочеловеческое творчество» (Бердяев Н. А.) без реального богообщения на основе Благодати Св. Духа в условиях расчлененности сознания человека и общественного бытия приводит теперь искусство, творящее иной мир и бытие, фактически, к демонизму. Ему можно и должно противопоставить эстетику метафизического реализма богочеловечества, синтезирующего в многообразном образно-символическом виде идею преображения мира и человека по образу и подобию божью, пронизанную духом Христа.

Духовно укорененная в национальном архетипе традиция может как выродиться, стать безжизненной, утратив связь с современностью, умереть, так и возродиться, в зависимости от духовных запросов общества, эволюции национальных ценностных ориентиров. Традиция может и должна сохраняться, воспроизводиться, актуализироваться, но можно ли и нужно ли говорить о необходимости развития духовно-эстетических традиций, их

²⁷ Жукова О. А. Смысловое поле русской культуры: проблема преемственности творческого опыта // Теория и практика общественного развития, 2009. С. 253.

обновлении, если понимать под ними основополагающие принципы организации национально-самобытного творческого акта, его структурные компоненты, конечные цели и задачи, не мыслимые вне мировоззренческих установок, связанных с цивилизационными константами? Конечно, многое зависит от типа традиции, их функции и запросов общества. Развитие предполагает появление качественно нового, трансформацию в нечто иное, нетождественное данному, но не противоречащее его изначальной природе и предназначению. Представляется, что нужно сохранять старые традиции и создавать новые, но не взамен, а в дополнение старых, что отнюдь не приведет к культурному обеднению. Синтезирующим началом здесь следует признать духовные ценности, которые носят надвременной абсолютный характер. В методологическом плане это означает переход к метафизике, согласно которой, говоря словами Вл. Соловьёва, надо следовать троякой задаче искусства вообще: «1) прямая объективация тех глубочайших внутренних определений и качеств живой идеи, которые не могут быть выражены природой; 2) одухотворение природной красоты и через это 3) увековечение ее индивидуальных явлений. Это есть превращение физической жизни в духовную, т. е. в такую, которая, во-первых, имеет сама в себе свое слово и Откровение, способна непосредственно выражаться вовне, которая, во-вторых, способна внутренне преображать, одухотворять материю или истинно в ней воплощаться и которая, в-третьих, свободна от власти материального процесса и потому пребывает вечно»²⁸.

Колебания в истории русского искусства и эстетики между императивами нравственно-духовного совершенства (христианского благочестия) и телесности (материальной силы), каноничности (традиционализма) и новаторства (свободы творчества), аноним-

²⁸ Соловьёв Вл. Общий смысл искусства [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/16/p.1/index.html> (дата обращения: 10.09.2019).

ности и авторства не отменяли главных движущих сил и констант развития русской культуры: художественного символизма, софийности, соборности, которые подспудно, в сокрытом виде действовали даже в периоды богоборчества XX века.

Из всего сложного комплекса христианской традиции тринитарного и христологического богословия представляется важным то, что является самой сутью духовности, но внерелигиозным сознанием смешивается и игнорируется: две модальности во Христе, обуславливающие совершенную иерархию (власть священного), сочетавшую божественное (ипостасность Сына и единосущность Троицы) и человеческое: будучи телесным, как все люди по природе, и безгрешным душой, в отличие от «первого» Адама, вмещавшего божественное лишь по подобию образа, но не по единосущности. Их сопряжение в одном дала Богородица («вторая Ева»), которая, будучи человеком, потенциально несла в себе возможность боговоплощения благодаря изначальной природе. Как известно, христианская традиция утверждает предназначение человека в обожении мира или его триадизации (любви). Марк Подвижник говорит: «Любовь есть отрешение от знаний противоположностей». Бог есть Дух и Бог есть Любовь. Ценность Любви обнаруживает себя в трех необходимых свойствах: Благодатности (Предметности), Жертвенности (Отдаче), Свободе (Самобытии), каждая из которых предполагает друг друга, но не отождествляется.

В сочетании современной рациональной мысли с духовной верностью опыту и текстам святых видится одна из главных задач на путях развития отечественной христианской культуры и мысли в современных условиях. Патристическая философия фактически освятила употребление греческой понятийности в церковном богословском языке — и в этом смысле исключает критику «справа» самих попыток философски проецировать сущность божественной триады на человеческий план бытия и социум. Более того, эллинизм мог бы стать тем «универсальным видом христианской

истины» (В. Н. Лосский), с помощью которого можно выразить на общезначимом научно-философском языке, содержащем «семена Логоса» (св. Иустин), непреходящие истины. Постмодернистская критика логоцентризма есть не результат современного прочтения сверхрациональности бытия (как часто это представляют), но обостренное сциентистским провалом смятенный нигилистический «крик о небытии» (Кутырев А.), отражение извечного противостояния реальному духу.

Диадически-диалектическая природа философского рефлексизирующего дискурса бессильна в выражении тримерной природы духовности, и модель обречена выстраиваться в логике христианской философии, согласно которой дух универсальнее субъектно-объектного и трансцендентно-имманентного. О нем можно говорить только с учетом триединства. Вне духа отдельные его части самобытны, не сводимы одна к другой, но взятые по отдельности, разрушают дух, теряют свои способности. Цельность духа заключается в гармонии совместного действия его частей. Если этого нет, то дух деформируется и даже распадается²⁹. Здесь возможность преодоления камня преткновения западной рационалистической философии — оппозиции «сущего и должного». В подражании происходит преобразование предмета в образ, которое приводит не к искажению сущего, но к возвышению над ним и катарсису. Образ всегда символичен, а символ, как известно, в первоначальном значении означал намеренно небрежно обломленную половину черепка, которую при расставании оставляли при себе, а другую отдавали партнеру. Символ, таким образом, служил выражению возможности при предъявлении узнать нечто другое по целому и согласно греческому определению, означал «быть разделением единого и единением двойственности».

²⁹ См.: Позов А. С. Основы христианской философии. Ч. 1. Теория познания (Гносеология). Мадрид, 1970. 341 с.; Ч. 2. Диалектика. Мадрид, 1970.

И. А. Ильин выразил историософию этого культурного процесса так: «Всеединство образуется именно здесь, через Божественную Благодать, связующую Бога и мир. Первый раз через нее явился мир в акте творения. Второй раз через Иисуса Христа произошло воссоединение мира и Бога в Духе. Теперь эта энергия в виде искры Божией, данной человеку, очеловечивается и индивидуализируется; и человек, предаваясь ей, теряет себя в ней, но тем самым и находит себя вновь преображенным. Далее, разжигая в себе целое пламя, человек превращается в несгораемую купину духа, творит сам, становясь личным светильником Его света. Так человек оправдывает свое существование и освящается в творчестве. Дальнейший путь человека — внести этот дух во все сферы человеческого бытия: семью, политику, право, национальные отношения, экономику, искусство, воспитание, труд — и творить христианскую культуру»³⁰.

Таким образом, любая ценность как метафизическая совокупность данности, заданности и осуществления имеет в себе как целое две характеристики (модальности) — природную и образную. Данность основных исторических форм осуществления различна, но не бесконечна в своем многообразии и ограничена возможными вариантами. И опыт российской культурно-цивилизационной альтернативы в ее отношении к другим (Востоку и Западу) является исторической иллюстрацией осуществления выбора между возможными альтернативами и подтверждает верность пути.

Возможные варианты культурно-цивилизационных синтезов и антитез:

- 1) *Разъединение народов при однородности духа и разнородности предметных сфер культуры — мнимая антитеза, маскирующая возможно подлинный синтез.* Пример: взаимодействие народов и культур, у которых исторически сло-

³⁰ См.: Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собрание сочинений. М., 1993. Т. 1. С. 306–307.

жила одна духовно-цивилизационная ценностная основа, но имеет место разнородность сфер, богатство различных образов и объектов культуры. Методологическая подмена состоит в неразличении духа, образа и природы культурных сфер. Сражение происходит в сфере конструирования образов, мнимость которых состоит не столько в их идеальности, субъективности (образы всегда будут продуктом творчества), сколько в их отрыве от духовного предмета, его игнорировании, неразличении, смешении с плотью культуры. Взамен обоснованному курсу на взаимное обогащение и сближение Западом / Востоком предлагается, благодаря «духовной» информационной агрессии, смешение «культуры и духа», их неразличение.

- 2) *Объединение при разнородности духа и однородности природ — мнимый синтез, маскирующий подлинную антитезу.* Пример: стремление объединиться России с Западом на основании внешних культурных признаков и общих предметных сфер, конструирование политико-экономических союзов и идеологических моделей без понимания их обреченности на неустойчивость и недолговечность по причине духовной несовместимости. Искусное формирование и трансляция привлекательных «культурных» образов, «идеальных типов», соблазнительных для русской страстной души, но чуждых русскому духу.
- 3) *Объединение при однородности духа и однородности предметных сфер культуры — вариант мнимого синтеза,* предлагаемый тоталитарными обществами, который приводит к формированию однообразия культурной жизни. Современное стандартизированное общество массовой информации и постмодерна ведет к иллюзорному виртуальному разнообразию.
- 4) *Разъединение при разнородности духа и разнородности предметных сфер культуры — подлинная антитеза, при-*

званная к осуществлению. Она предполагает формирование разнородных образов, выявляющая духовную несовместимость и обличающая чуждый дух.

- 5) *Объединение при однородности духа и разнообразной однородности предметных сфер культуры — **подлинный синтез**, призванный к осуществлению, чаемое «единство в многообразии».* Возможен лишь на основе качественной предметности духа, его благодатности.

Из всех оснований типологизации культуры и цивилизации представляется оправданным лишь одно — духовно-нравственное, акцентированное в конкретно-исторической реальности. Для России это справедливо как ни для какой другой страны. Любые основания: территориальные, биологические, языковые, религиозные, идейно-политические, экономические или их комбинации (геополитические, национальные и пр.), — не более чем абстрактные конструкты и мифологемы, не способные справиться с многофакторностью и метафизической природой историко-культурного процесса, чтобы стать стратегическим инструментом в решении тех или иных задач. Сущность русской культуры и цивилизации явила себя в своих истоках, задании и осуществлении как византийская и славянская, а не западноевропейская. Об этом говорит весь корпус добросовестных исследований, относящихся как к допетровской Руси, так и к оценке того, что сохранилось и трансформировалось уже в период Имперской и Советской России. Не менее знаменательные выводы могут быть сделаны относительно разворачивающихся в посткоммунистическую эпоху сил и историософских смыслов, связующих различные периоды в единое целое, которые выявляются, может быть, только сейчас. Культура русской цивилизации была всегда духовной (религиозной) в своей сердцевине, отличной от западноевропейской в принципе. При этом речь идет не просто о контактах и взаимовлиянии, которые всегда есть у страны, открытой историческим «ветрам» и «нашествиям». Парадоксальное сочетание географической бес-

крайности и открытости границ с духовной сосредоточенностью позволяло России не просто сохранять свою самобытность, но внутреннюю цельность, выявлять и осуществлять общечеловеческие смыслы и культурно-цивилизационную идею в принципе. Антитезой такого понимания и осуществления призвания были искажения и смещения государственного, народного и церковного начал, выстраивание ложных синтезов и противопоставлений с другими культурами и цивилизациями.

Начиная с петровских времен разворачивается пришедший с Запада процесс духовной деформации как нигилизм в отношении культурно-исторического наследия и призвания. На Западе величественные соборы хотя и сохранялись, но выветривался христианский дух, вытеснявшийся прагматизмом и всеобщей коммерциализацией. У нас же мало оставалось соборов и деревянных церквей, но дух сохранялся. Даже то, что чудом осталось на Севере России после нашествий, эти каменные жемчужины — церкви Северо-Восточной Руси — говорят о великой цивилизации духовной культуры, являясь немymi свидетелями и напоминанием для потомков, теми культурно-историческими образами, связующими нас с первообразом Творца. Стены монастырей были и крепостями одновременно. Ныне идет восстановление этого образа по черепкам (в прямом и переносном смысле), которые остались после «погромов».

Культурно-цивилизационный нигилизм проявляется в создании потешного карикатурного образа допетровской Руси, замалчивании или искажении ее культурного наследия, смешении смыслов, имитации, утрате аутентичности и первоизданной чистоты. С одной стороны, это касается материального наследия, — в небрежном восстановлении памятников. Как например, разрушение стены в храме Георгия Победоносца в Юрьеве-Польском, замена каменной резьбы Рождественской церкви в Нижнем Новгороде на убогий новодел, подмена в музеях Казани артефактов в угоду конъюнктуре или линии высоковольтных электропередач,

уродовавшие до 2018 г. историко-культурный природный ландшафт уникального храма Покрова пресвятой Богородицы на р. Нерли под г. Владимиром. Это не только угрозы в отношении сохранения чистоты культурного наследия, но одновременно знаки «свыше», заставляющие задуматься о глубинных цивилизационных смыслах, механизмах наследования и симптомах неизжитой внутренней духовно-нравственной болезни нашего общества. Здесь вряд ли стоит рассчитывать на чудеса, как в знаменитом Макарьевском монастыре на р. Волге (напротив г. Лысково), где почти исчезнувшие фрески собора, обреченные на уничтожение из-за неоттапливаемости, каждый год все более самовосстанавливаются, «не дожидаясь» помощи со стороны властей. Как известно, Господь посылает помощь в ответ на наши усилия, подает знаки, но, как гласит поговорка, «Бог долго терпит, но больно бьет».

Но имеет место еще большая и значимая угроза в отношении не столько наследия материального, сколько наследия духовно-нравственного. Это проявляется в вошедшем в практику и официальные документы самом названии **«нематериальное культурное наследие»**, что косвенно отражает затронувший и эту сферу нигилистический характер современных процессов, идею первичности материи. Как будто духовная сфера не имеет своего имени и определяется через «материальное» как его отрицание! Здесь отражение опасности псевдо-религиозности, ухода в сугубую церковность в ущерб светской жизни, творчеству и живой народной культуре, которые, в свою очередь, черпают силы и преобразуются в духе религиозно-нравственном.

В истории России противостояние альтернатив выразилось через: 1) борьбу с тюрками, начиная с монгольского завоевания и войн с турками; 2) противостояние с западной цивилизацией, от войн с крестоносцами и Польшей, апофеозом которого стали войны с Наполеоном и Гитлером. И те, и другие были не чем иным, как выражением языческой альтернативы, действующей в разных исторических условиях, но имевшей всегда один главный признак

и единый общий духовный корень — материализм, природное начало. Сейчас эта мнимая антитеза предстает в виде «войны» языческих (природных) Китая и США, а ветхозаветная альтернатива предстает как духовная, опирающаяся на идеалы гуманизма (западная цивилизация), новизны, креатива.

Но являются ли СССР и Россия несовместимыми понятиями? Вопрос типологический и сводится к определению основания типологизации, существенному признаку, определяющему национально-культурную цивилизационную идентичность. Одни утверждают, что СССР был сродни мутации или болезни, противостественной химерой, обреченной на гибель. Другие видят в нем пример рождения нового мира, давшего шанс ценой собственного благополучия другим странам и народам, таким как Китай или Индия. Национал-социалистическая Германия и страны фашистского блока, осуществлявшие «синтез» социализма и национализма, представляли мнимую антитезу советской коммунистической идее, как, впрочем, и странам «победившего» капитализма. Общим между всеми тремя силами, при их явленном непримиримом противоборстве, была неосознаваемая тяга к восполнению своей неполноценности через ее отрицание, т. е. нигилизм, противостоящий духовности (как полноте и совершенству, любви, гармонии и миру, свободе и благодати, справедливости и милосердию, красоте и цельности, чистоте).

Коммунизм изначально виделся самым мнимым и призрачным, поскольку был самым радикальным. Ведь «призрак коммунизма» отрицал и намеревался разрушить до основания все основы человеческого общежития, утверждая вместо нации — интернационал, вместо буржуазной морали — свободу самореализации, вместо частной собственности — ее обобществление, вместо религии, веры и церкви — богоборчество и научный атеизм, вместо неравенства сословий и классов по происхождению и доходу — равенство всех по труду, вместо формального права и законничества — волю большинства, сосредоточенную в лидерах,

вместо патриархально-буржуазной семьи — воспитание коллективом и пропагандой, вместо традиций и консерватизма — революционность преобразований.

Российской (христианской) культурно-цивилизационной альтернативе противостоят в глобальном плане известные культурно-цивилизационные альтернативы: языческая — по духу материалистическая, земная, природная, звериная; ветхозаветная — двойственная, воплощающая мнимый синтез. Объединение мира на основе языческой альтернативы невозможно по причине вечной борьбы за господство и передел власти. Ветхозаветная, противоречивая, предстает как высоко «духовная» и имеет все шансы виртуально (фантомно) объединить мир, подчинив его себе, на основе ценностей материального благополучия, прагматизма, страха его потерять и лицемерия. Это не восхождение к божественному первообразу, а нисхождение к его антитезе — образу зверя. Это сражение образов, где побеждает тот, кто искуснее всего мимикрирует под правду, т. е. более всего похож в своем стремлении к духовности, общественному благу, профессионализму, патриотизму, самопожертвованию. В отличие от грубой работы «язычников» они руководствуются не логикой инстинкта — «так есть, значит так должно быть» (люди болеют или умирают, значит это норма), но «логикой» мифов и суеверий (если у всех есть потребность не соглашаться с этим, т. е. нужда в здоровье и бессмертии, то, значит, так будет). Здесь конструирование духовных фантомов, которые никуда не делись, но стали еще более искусными по форме и технологиям, и как результат — более эффективными. Это не просто примирение человека с последствиями «грехопадения», но создание и поклонение новым «кумирам», отказ от своей человеческой сущности, природы, добровольное самоубийство. Взамен стяжания божественной благодати, призванной исправлять, просветлять, преобразовать «естественные иконы», приближая к божественным первообразам, делая их «святыми иконами», — поклонение «ничто», «черному

квадрату», «сети» (Сет — бог смерти в древнем Египте, «*интернет*» — международное ничто).

Показательно характерное для современного политико-философского дискурса использование в качестве аргументов опыта русской интеллигенции и наследия отечественной социально-философской мысли. В подобной рефлексии, к сожалению, часто имеет место отождествление разнородных по духу западноевропейского и русского начал, а с другой, — противопоставление духовно-однородных явлений и сил. Типичным примером подобного неразличения, в частности, отождествления Российского культурно-цивилизационного пути с Западной цивилизацией, может служить книга Т. А. Пархоменко, вышедшая в 2018 г. и удостоенная ежегодной Национальной премии «Лучшие книги и издательства года». Здесь констатируется, что мировоззрение интеллектуалов России основывалось на трех основных постулатах: 1) человек как творец и как личность, имеющая самостоятельную ценность; 2) творчество как призвание человека, и 3) свобода как необходимое условие жизни и творчества³¹. Автор обильно цитирует отечественных мыслителей Герцена, Бердяева, Федотова, Мережковского, Гершензона, зараженных неправославным западническим духом религиозной свободы и либерализма, но почти ничего не пишет о сакральном предназначении истории, проблеме Бога и человека, Бога и мира, религиозного смысла России, ее миссии и спасении как главной теме русской культуры и историософии. Если в историографическом обзоре цитируются представители этой самой интеллигенции, то почему в лучшем случае — это религиозно-философское (либеральное), но ни в коем случае не правое консервативное течение русской мысли, не говоря о духовной православной традиции? По мнению Т. А. Пархоменко, свою миссию русская интеллигенция видела не в сохранении

³¹ Пархоменко Т. А. Мыслитель и творец в культуре России порубежной эпохи (от царской империи к Советскому Союзу). М., 2017. С. 44.

патриархальных основ бытия, сложившихся еще в Московской Руси, а в прорыве на Запад, в том, чтобы сделать Россию передовой европейской страной, противостоящей отсталому Востоку и невежественной азиатчине, на протяжении веков тормозивших и искажавших развитие русской христианской цивилизации. Чувство причастности к ценностям европейской культуры якобы сплачивало интеллектуалов с интеллигенцией в единое образованное сообщество.

История русской интеллектуальной мысли, представленная без духовной традиции, метафизики и историософии, выглядит карикатурной. Получается, что виноваты русская почва и русский народ, который не восприимчив к благодатным плодам западной свободы и демократии, всегда тоскует по хлысту или бунту и не может обойтись без тирании и самовластья (царизма, большевизма или сталинизма).

Автор пишет, что «Всего у себя» в России никогда не было в силу холодного климата и особенностей экономического развития, что наглядно показала Первая мировая война, в ходе которой разразился общенациональный кризис. Трудно не согласиться. Однако отказывать России на этом основании в претензии на мессианскую идею, значит не видеть более существенных факторов. У России ровно столько внешних сил и ресурсов, чтобы одолеть врага, но не настолько, чтобы они стали препятствием на пути ее духовно-нравственного внутреннего преображения. Бремя территории, великих пространств, требующих для освоения несоизмеримо больших затрат и усилий, чем на Западе, амбивалентно. Историческая логика развития России подчинена действительно иной «формуле». Соблазн слепой силы удерживается внутренним смыслом, духовным предназначением ее бытия, сосредоточенного в православии. Россия если и проигрывала войны, то не потому что у нее не хватало внешних материальных сил и ресурсов (Крымская, Русско-японская, Первая мировая), но по причине отсутствия гармоничного внутреннего единства государства,

церкви и народа в отличие от единства ее противников, спящих «не любовью, а железом и кровью». Ожесточенные жаждой национального эгоизма горе-победители в конечном счете сами становились жертвами будущих глобальных конфликтов, подготовленных их же собственными руками. Россия всегда имела шанс выйти преображенной, хотя и с большими потерями, но великими духовно-нравственными уроками и культурными достижениями. Столь «обожаемый» русским религиозно-философским ренессансом дуализм национального характера и российской истории — не столько свидетельство загадочной противоречивости русской души, сколько доказательство ее удивительной жизнестойкости, невероятного потенциала, способности проявлять удивительные качества, диктуемые ситуацией. Это факт тяжелейшего бремени многоплеменности, защиты, освоения великих пространств и решения всемирно-исторических задач, выпавших на долю России. Так, по мнению И. А. Ильина, душа русского народа уже индивидуальна: свободна, даровита, темпераментна, легка. Но отсутствие духовно верной формы ему мешает. Духовность должна укорениться в человеке, а человек должен преобразиться духовно — это двусторонний процесс роста самостоятельности, обособления, внешнего осуществления и внутреннего освящения.

Русская литература и даже революционеры в их героический период показывали и давали примеры исключительной жертвенности во имя того, что им казалось олицетворением высшей и окончательной правды-справедливости, хотя безбожной и атеистической. Но это был одним из демонических соблазнов «превратить камни в хлебы», то есть построить абсолютно безбожный рай на земле путем единственно для него возможным — путем насилия над человеческой личностью и жизнью³².

³² См.: Солоневич И. Народная монархия. М., 2002.

2. Критерии полноценной репрезентации образов культурно-цивилизационного наследия и духовно-эстетические традиции

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ государственной культурной политики — сохранение и развитие российской цивилизации как самобытного духовного мира и полиэтнического союза, ядром которого является русская культура. В полиэтнической цивилизации она является духовной государствообразующей скрепляющей основой. Отсюда всемерная и приоритетная поддержка именно проектов и произведений, продолжающих традиции русского искусства, создающих новые совершенные формы и образы, соответствующие высшему духовному предмету, на который всегда ориентировалось собственно русское искусство в лучших своих достижениях. Это вечный поиск духовного, преображающего начала в культуре и искусстве — как на теоретическом, так и на художественном уровнях. Но здесь — и теургия как выведение художественного творчества за пределы собственно искусства в жизнь, преобразование самой жизни по эстетическим и духовным законам творчества, опирающегося на божественную силу. Отсюда закономерно следует непреходящее значение образов культурно-цивилизационного наследия, которые являются связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим в самосознании нации. Через их воссоздание, интерпретацию, презентацию и репрезентацию оживает и творится новое бытие как процесс преображения. Духовная полнота, богатство образов историко-культурного наследия народа позволяет находить в них каждому свое, вдохновляться на поиск оригинальных форм, открывать ценность новых смысловых граней, достигать совершенного физического исполнения и материального воплощения. Здесь важно соблюсти меру, не соблазниться как легкостью его «переписывания», «ко-

пирования» в ущерб творческому воплощению и современному оживлению, так и «переинтерпретации» его смысла в ущерб изначальному духовному содержанию в погоне за «творческой новизной» или конъюнктурой.

Попробуем обозначить основные критерии их полноценной репрезентации, учитывая, что полноценность эта зависит от множества факторов: личностного (индивидуально-психологического, мировоззренческого и пр.), коммуникативного, ситуативного и пр., которые являются хотя и необходимыми условиями репрезентации, но всегда недостаточными. Для того, чтобы вырастить урожай, необходимо много условий: плодородная почва, тепло, солнце, влага и пр. Однако, даже при наличии всего этого может ничего не вырасти, если не посадить нужное семя, — более того, вырастет, к примеру, прекрасный борщевик, если не знать, что он ядовит (как это было в СССР при Н. С. Хрущёве). Нас интересуют сущностные основы полноценности и эффективности репрезентации. Поскольку речь идет о культурно-цивилизационном наследии, т. е. достижениях культуры и искусства, имеющих общенациональное культурное значение в цивилизационном измерении, то просто исторического и культурологического измерения недостаточно. На помощь приходят историософия и метафизика. Важнейшая закономерность полноценной репрезентации состоит не во внешнем копировании образца (традиционный миметический способ производства текстов остался в прошлом), но в понимании внутреннего механизма его создания. В процессе коммуникации (восприятия и представления образа) необходимо создание условий, при которых возможно аутентичное воспроизведение и усвоение сущностных системообразующих элементов. Тем более это актуально в современном контексте, когда мир усваивается человеком преимущественно через репрезентации, а их конструкции, являясь во многом идеологическим процессом, заменяют реальность. В репрезентации культурного наследия подражание должно быть не сущему, а возможному; нести в себе

не единичное, а всеобщее. Отсюда вывод: в идеале — не полный отказ от мимесиса (который внешне невозможен в принципе), но подражание в образе, в котором происходит подлинное преобразование предмета, приводящее не к искажению сущего, но к возвышению над ним и катарсису.

Каковы же внутренние константы этого акта репрезентации (подражания)? Представляется, что они сродни трем основным компонентам творческого акта, воплощенным в творениях культуры и искусства, описание которых дал выдающийся русский философ И. А. Ильин³³. Суть русского искусства в выражении (презентации) объективно существующего духовного мира, констатация реальности контакта художника с высшим миром в процессе художественного творчества, достижение цельности («художественности», по И. А. Ильину), которая и является основной ценностной характеристикой произведения, любого творения культуры. Это соответствие друг другу воплощенных в произведении трех компонентов творческого акта — духовного предмета (высших ценностей); чувственного образа (зрительного, звукового и т. д.); эстетической материи (музыки, изображения и т. д., что делает его доступным для восприятия другими). Цельность складывается из их единства и иерархичности: подчиненности материи требованиям образа, а образа — требованиям духовного Предмета, открывающегося в созерцании и олицетворяющего как бы «высшую власть». Если эта иерархия нарушается, подлинного искусства не возникает. Эти же принципы духовной иерархии и целостности должны сохраняться и в акте репрезентации. Важна соотношенность основных структур представляемого образа друг другу, его содержательная насыщенность, глубина, но отнюдь не полисемантичность. Полноценность образа, вопреки постмодернистским установкам, видится не в многообразии духовных

³³ См.: Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И. А. Собр. соч. : В 10 т. Т. 6. Кн. 1. М., 1996.

установок и интерпретаций, но в разнообразии репрезентаций и богатстве форм выражения. Именно единство духовной сферы бытия, предполагающее общность ценностей и интенциональность, является условием полноценности культурной жизни, ее многообразия и воспитания творческой личности. Конечно, важна фактура и пластика, наглядность, внешний облик репрезентации образа наследия. Но они есть, прежде всего, средства выражения самого существенного в образе: это соответствие не просто отдельным элементам и внешней форме, вызывающие ощущение так называемой исторической аутентичности, живости исторических событий и героев, — но воспроизведение главной идеи (ценности), наиболее ярко выраженной и сосредоточенной в образе.

Сами по себе образы занимают особое положение между высказываниями языка, которые призваны передавать сообщение, и природными вещами, смысловые значения которым придает человек. Смысл самого образа носит невербальный характер, поскольку природа слова условна и абстрактна, тогда как образ всегда конкретен. Он тем совершеннее, чем более ёмок, т. е. насыщен собственно духовным содержанием, но отнюдь не полисемантичен, т. е. объемлен не в количестве приписываемых ему символических значений, а глубок в качественном содержании, позволяющем открывать и создавать бесконечное множество его репрезентаций. Стимулирует фантазию художника, учителя или аудитории не просто текст, но содержащийся в нем художественный образ, который вызывает множество вариантов его наглядного представления. Действительно, «с помощью изображения никак нельзя реконструировать текст, равно как и нет никакой возможности текстуально-словесно передать все детали изображения»³⁴. Но это — лишь разные формы восприятия обра-

³⁴ См.: Прот. Стефан Ванеян. Панофский, Гомбрих и смысл значения в искусстве и иконологии // Вестник ПСТГУ. Серия V : Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013. Вып. 1 (10).

за — текстологическое (абстрактно-логическое, идеологическое) или изобразительное (чувственное, идеографическое). Опускание образа на уровень значения делает его лишь символом некоей идеи, подкрепляемой художественностью и чувственным восприятием; так же, как и сведение его к чувственной наглядности, предметности, — делает его сугубым «изображением» в звуке или краске, подкрепляемым типичностью. Но в обоих случаях имеет место неполноценность в осуществлении образа, если он не восходит к своему духовному естеству — первообразу, гармонично сочетающему предметно-чувственное и абстрактно-логическое в духовном акте творческого воображения. Только в этом случае оправдано говорить, что он несет в себе воспитывающую, формирующую мировоззрение силу. Отсюда принципиально важным становится раскрытие смысла создаваемого образа, который одновременно дан, задан и призван к осуществлению — не просто воспроизведению, но творческому оживлению, исполнению, бесконечному рождению в процессе коммуникации (общения) и деятельности. Смысл обретает онтологическую силу ценности лишь тогда, когда соединяется с предметностью и находит адекватную совершенную форму, становится «намеренным значением», «интенцией». Во многом решающее слово здесь остается за интерпретатором и организацией процесса культуронаследования как коммуникативного, целенаправленного, просветительского, учебно-воспитательного.

Объединение, сила, эффективность *образа* зависит от синергии, цельности компонентов, преодоления антитез, их карикатур, «двойников». Человеческое сознание боится несовместимых понятий, когда происходит как бы «короткое замыкание». Слово, знак (символ), заместитель понятия, возникло как «снятие» противоречия между несовместимыми сигналами. Поскольку знак несовершенен в силу своей многозначности (один и тот же знак может обозначать разные предметы, также и наоборот), что вызывает коллизии (алогизмы, нарушения законов логики, смех,

пародию, парадоксы), он призван стать «образом», в котором есть возможность соединения несоединимого, что не вызывает внутреннего конфликта: здесь уже другая онтология и модальность — **софийная**. Как было подчеркнуто неоднократно, в культуре деятельности она троичная. В трех модальностях цельности: *заданности* (принцип **духовно-ценностной содержательности**: истина–красота–добро), *данности* (принцип **душевной равенственности**: ум–чувства–воля) и *осуществления* (принцип **определенной иерархии**: идея–образ–техно).

В процессе культуронаследования как целенаправленном, т. е. воспитательно-образовательном процессе и просветительском, нельзя ограничиваться лишь простым перечислением образов, ранжируя их по гипотетической потенциальной силе и якобы облегчая работу по созданию условий для их актуализации. Груз ответственности не должен вваливаться только лишь на просветителя, воспитателя, учителя. Не просто номинальный образ сам по себе (национального героя, исторического памятника и т. п.), но цельность его репрезентации в единстве знания предметного содержания, понимания духовного смысла, овладения умениями и навыками его практического применения — является важнейшим условием полноценности его использования, основой формирования именно духовной культуры. Иначе он может стать просто иллюстрацией для утверждения совершенно чуждых идей. Например, собор св. Василия Блаженного — примером зверства царя Ивана Грозного, повелевшего ослепить зодчих, а дворцы Петербурга или Исаакиевский Собор — памятниками «традиции российского самовластья» и подневольного труда тысяч умерших при строительстве крепостных.

Образы, конечно, должны сравниваться по одному основанию и быть сравнимыми, т. е. одного порядка и типа (художественный, исторический, литературный, психологический, коллективный, личностный, современный и пр.). В нашем случае речь идет прежде всего о воспитательной ценности и применимости образа,

его силе с точки зрения художественности (цельности — единства формы и содержания, выразительности, красоты), предметности (информированной содержательности), технического совершенства (исполнительности), правдивости (невыдуманности, аутентичности), душевности (человечности) и одухотворенности. Оценку репрезентации образа по тому, насколько он целостен с точки зрения заключенной в нем потенциально преобразующей и обучающей возможности для формирования ценностной культуры деятельности, — в единстве знаний, умений/навыков, смыслов. Это определение ценности образа того или иного объекта культурного наследия не только с точки зрения критериев (например, ЮНЕСКО) или сегодняшней идеологической конъюнктуры, сколько раскрытие в нем смысловых пластов, которые могут быть отнюдь не общепризнанными. Поскольку речь идет об образе, то это — всегда творческий процесс коммуникации, в котором участвует все — и кто создал объект культуры или причастен к нему, и кто его репрезентует (транслирует), и кто его потребляет. В процессе погружения в образ, выявлении его смысловых пластов осуществляется «онтологизация истины». Так, Храм Христа Спасителя может быть символом победы в Отечественной войне 1812 г. для первых, символом божественного величия и славы Господа Иисуса Христа для вторых, восстановленным памятником архитектуры XIX в. для третьих; или символом религиозного мракобесия и невежества для четвертых.

Предложим критерии оценки репрезентации образа культурно-цивилизационного наследия в гипотетически-идеальной ситуации его репрезентации с точки зрения потенциального воздействия на ценностную культуру личности. Использование того или иного образа требует обнаружить и актуализировать его трехуровневый (трехслойный) смысловой потенциал: феноменальный (внешний, чувственный), значимый (рациональный) и сущностный (духовный), т. е. раскрыть его как «матрёшку». Речь идет о формальных критериях для оценки и включения того или

иногo образа в историко-культурный процесс, исходя из гипотетической системы ценностей Российской цивилизации, что предполагает творческую работу всех субъектов, формирующих культурно-образовательное и воспитательное пространство в рамках существующих нормативных процедур. Так рефлексия образа на предмет смысловой полноценности выявляет следующие уровни:

Феноменальный уровень смысла образа (минимально-допустимый). Для него характерна потенциальная ориентация на:

- эмпирическое отражение отдельных свойств, фактов, явлений, преимущественно на уровне единичных, конкретных понятий;
- репродуктивный уровень выполнения отдельных приемов и операций, способность лишь к описанию предмета и своих действий;
- обыденное осознание объекта познания как значения, примат внешней мотивации, отсутствие внутреннего познавательного мотива;
- отсутствие прочного усвоения одного из элементов культуры деятельности (знаний, умений/навыков, смыслов) или рассогласованность между ними.

Значимый уровень смысла образа (средний). Для него характерна потенциальная ориентация на:

- абстрактное (рациональное) отражение закономерностей, понятий, существенных признаков;
- применение общих и частных методов деятельности, способность к рациональному объяснению объекта познания и самого метода;
- способность к самоорганизации своей деятельности;
- наличие внутренних личностных смыслов по отношению к объекту (внутренней мотивации) и познавательного мотива;
- устойчивое наличие всех элементов культуры деятельности как ценности (знаний, умений/навыков, смыслов), однако

отсутствие между ними гармоничной взаимосвязи, неадекватное доминирование одной из сторон и ограниченность функционирования.

Сущностный уровень смысла образа (высокий). Для него характерна потенциальная ориентация на:

- глубокое синтетическое понимание предмета в целостности, конкретном многообразии и единстве;
- способность к творческому пониманию на уровне принципов, открытия и применения новых способов в нестандартных условиях;
- способность к саморефлексии и оценке на основе обобщенных критериев;
- понимание объективных ценностей как личных убеждений и доминирование социально-значимой мотивации;
- полноценную органичную взаимосвязь всех элементов данной компетенции как ценности (знаний, умений/навыков, смыслов), создающую ее окончательную сформированность и взаимосвязь с другими компетенциями.

Данные критерии и уровни коррелируются с гносеологическими уровнями ценностного содержания в процессе наследования культуры (См. Табл. 5).

Самое существенное в использовании образов наследия, например в учебном процессе, — это их соответствие не просто отдельным элементам культуры деятельности, компетенциям (знаниям, умениям/навыкам, смыслам), призванным к усвоению и развитию, но главной идее, вытекающим из нее целям и задачам, насколько ярко и адекватно выражает их данный образ. Наилучший вариант — если образ не вымышленный (произведения искусства и достижения человеческой культуры — хотя и являют собой плоды человеческой мысли и духа; в этом случае являются такими же объектами), а имеет под собой реально-историческую основу. Такой основой и являются материальные и нематериальные объекты историко-культурного наследия, обретающие жизнь,

когда становятся образами. Здесь возможна характерная ошибка неразличения: 1) объекта историко-культурного наследия; 2) его общепризнанного символического значения; 3) образа, созданного на его основе; 4) интерпретации образа; 5) символического смысла образа, после обретения и трансляции которого можно говорить о полноценном включении объекта историко-культурного наследия в социокультурное информационное пространство, образовательно-воспитательный процесс и соответствующие институты социализации.

Принципиальное значение образов историко-культурного наследия состоит в том, что они не просто хранят память о прошлом, отражая действительность, но выражая связь времен и поколений, творят новое бытие, представляя основной тип социокода в процессе наследования как коммуникативного процесса, передают особое духовное настроение благодаря интегративной силе, способствуют формированию устойчивых ценностных ориентаций и цельного мировоззрения. «Сохранение не должно перейти в захоронение». Речь идет об историко-культурных образах наследия, в которых воплощена идея настоящего, опрокинутая в прошлое, формирующая будущее и оживляющая плоть цивилизации.

Линии укрепления данных взаимосвязей по основным компонентам мировоззрения следующие:

- а) *чувственно-эмоциональный компонент* (мироощущение — непосредственное переживание чувства любви со стороны жителей региона и проживающих этносов к России и русской культуре, гордости за общие достижения, уважения к исторической памяти и достижениям русского и других народов, неприятие русофобии, идей нацизма, экстремизма и национальной исключительности, преодоление национальной и религиозной нетерпимости);
- б) *рациональный компонент* (миропонимание) — знание преимуществ совместной жизни в едином государстве, дружбе и согласии с другими народами, истории и традиций на-

родов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества, знание выдающихся культурных достижений народов России, имен национальных героев, исторической борьбы недругов против России и разоблачение их замыслов по подрыву безопасности государства, нарушению межнационального мира и согласия, разжиганию расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды, владение аргументацией против идей и практики фашизма, экстремизма, русофобии и ксенофобии;

- в) *нравственный* (деятельностный) — способность на жертвенные поступки ради общего блага, бескорыстное служение Отечеству, готовность помогать другим народам, действенность. Владение навыками культуры межнационального общения, умение противодействовать экстремизму и ксенофобии;
- г) *ценностный общенациональный компонент*: российская цивилизационная идея (национальный дух) как утверждение цельности в личной и общественной жизни — следование принципам справедливости, правды, добра, любви, красоты, свободы, терпимости, веры в общенациональные святыни и воспитание уважительного отношения к достижениям других народов, упрочение общероссийского самосознания на основе общероссийских ценностей (русской идее) и судьбы, восстановления исторической связи времен; этнополитических взаимосвязей на основе управленческих властных решений, направленных на создание необходимых организационных, правовых, социально-экономических, информационных, культурно-образовательных и материальных условий и механизмов для преодоления дезинтеграционных процессов; духовно-государственных взаимосвязей (в контексте государственной национальной политики), которые находятся в совместном ведении федеральной власти и ор-

ганов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также гражданского общества. Предполагают взаимодействие общероссийских общественных и религиозных организаций и государства на основе общих духовно-нравственных ценностей.

Данность состоит в том, что в осуществлении Разум побеждает Волю, ведет ее за собой; Воля контролирует Чувства; Чувства (сердце) направляют Разум, который служит им и ведется ими, дают ему силу. Чувства, испытываемые человеком, питаются смыслом жизни, духовными ценностями, т. е. духом («Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф. 6:21)»). Вне духа — замкнутый порочный круг и внутренний конфликт, исход и форма разрешения которого зависят от особенностей культуры и традиций, психологических особенностей и заканчиваются рано или поздно разрушением. Без Духа, который пронизывает всё, как в игре «камень — ножницы — бумага» или в конфликте «Взрослый — Родитель — Ребенок», нет выигравших.

Таким образом, один из механизмов разрушения цивилизационных ценностей — это навязывание обратных противоестественных связей и отношений, которое облегчено в ситуации бездуховности и создает следующие типичные ситуации:

- а) на уровне личности при прочих равных условиях, когда в человеке Воля, сталкиваясь с Чувствами, естественно их подчиняет, однако искусственно создается ситуация, при которой воля ослабляется, а чувства распаляются. На уровне социума это осуществляется через подогревание авторитета и рост влияния людей искусства, медийных личностей и оккультистов, сферы искусства вообще, достигающие невиданных ранее размеров, способные подчинять экономику, политику, церковь (с их функциями и ценностями, такими как воспитание трудолюбия, созидательность; соц. нормы, дисциплина, традиции, лояльность (уважение к другим), законопослушность, социальность; религиозная организация,

священство, духовное послушание, внутренняя самодисциплина) — все это отступает на второй план.

- б) на уровне личности при прочих равных условиях Чувства естественно подчиняют Ум. Потребность в цельности, гармонии, конкретная художественная воплощенность, образность, непосредственность его ведет, вдохновляет — развивает науку, философию, религию. Если наоборот, то будет как в концептуализме — красота потеряет силу («алгебру нельзя гармонией поверить»!). Чувства по природе глухи к формальным мертвым формулам, не станут источником вдохновения, а ум, в свою очередь, бессилен перед низкими чувствами, страстями и находит оправдание для создаваемой «под них» безнравственной философии, порождая внутренний конфликт, раздвоение, комплексы.
- в) для УМА естественно контролировать волю, направлять ее, и Воля призвана подчиняться УМУ. Там, где это нарушается, обе силы терпят фиаско. Воля (экономика, политика и церковь) подчиняет слабый ум (науку, философию, религию): наука оказывается на службе прагматических материальных интересов, философия служит не истине, а политике, внутренняя религиозная жизнь заменяется внешним обрядом и дисциплиной. Ситуация заходит в тупик еще дальше, когда ВОЛЯ, лишенная разума, естественно, подчиняя чувства (техническое, изящное искусство, мистику), создает искусство, закрепощенное догмами, идеологиями, коммерческим интересом, эзотерическими и экстатическими религиозными практиками (сектантство, сатанизм).

Так, подобно лебедю, раку и щуке **ум, чувства, воля** (и соответствующие им социальные институты), соблазненные духом разобщенности, ввергают душу и тело в смертоносный раскол вместо того, чтобы духом сердечного созерцания и любви вестись к Истине, Красоте и Добру, становиться мудрым разумом, прекрасными чувствами и совестной волей. См. схему ниже.

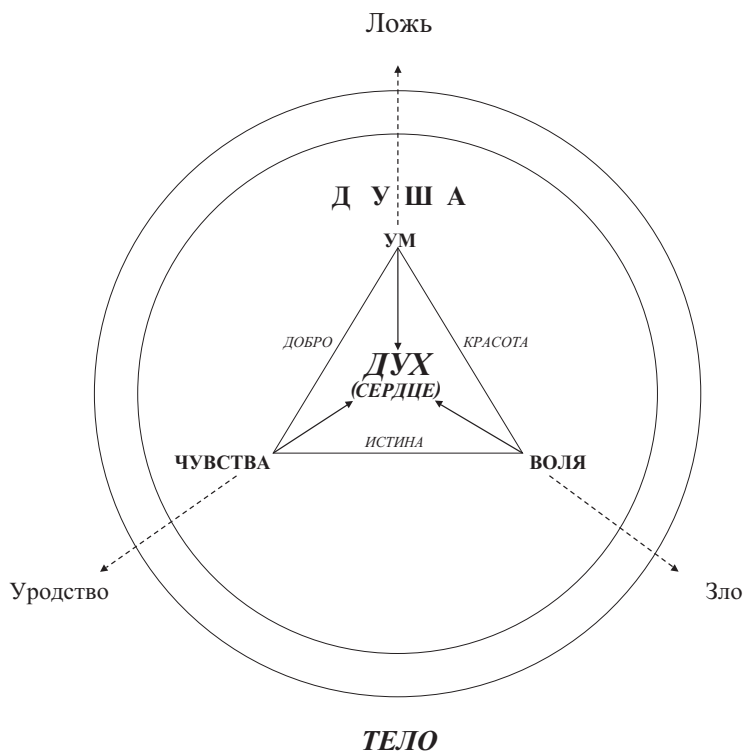

Схема 2. Христианская антропология

Душевное здоровье нации и социальные институты являются социокультурной опорой цивилизационных ценностей страны. Единство и органичная взаимосвязь между ними — гарантия иммунитета против чужеродных деструктивных влияний, а расколы, неадекватное соотношение между их природой и выполняемыми функциями, нарушение иерархии между «телом, душой и духом» являются следствием как бездуховности общества (отрыва от религиозных корней), так и результатом неверной культурной политики.

Чтобы защита цивилизационных ценностей была эффективной, не приводила к выхолащиванию, дискредитации и еще большему разрушению, необходимо соблюдение следующих условий:

- 1) восстановление и сохранение духовной иерархии и гармоничных взаимосвязей, последовательность и распределение, восполнение и синергичная поддержка, а не смешение;
- 2) обращение к духовным смыслам, оживление христианским духом любви и цельности основных социальных институтов, которые призваны вестись Духом, т. е. мысль должна быть верующей и философской, а не только рациональной, чувства — прекрасными, а не только страстными, воля — доброй, а не только сильной.

Силы души, соответствующие им институты и механизмы являются социокультурной опорой цивилизационных ценностей российской цивилизации, единство и органичная связь между которыми является иммунитетом, гарантией против чужеродных деструктивных влияний. Раскол между ними, неадекватное соотношение между природой и функциями, нарушение иерархии между телом, душой и духом являются как следствием бездуховности общества в целом, так и результатом неверной политики.

Ценность есть сила, имеющая началом своим данные от природы качества, определенную направленность (задание) и конкретную форму осуществления (интенсивность). Такое определение ценности согласуется с пониманием ее как ядра культуры любой деятельности. Ценность актуализируется на духовном уровне, где синтезируются формы чувственного (ощущение, восприятие, представление) и абстрактно-логического (понятие, суждение, умозаключение) познания. Этот уровень включает следующие формы: художественное творчество (воображение), научное творчество (проблему, гипотезу, теорию, интуицию) и религиозное озарение (опыт богообщения — медитацию и сердечное созерцание). Редукционизм, т. е. сведение к одному, хотя необходимому измерению и атрибуту, но недостаточному, или предпочтение

многофакторности в ущерб единству приводят к искажению реального содержания «ценности», к доктринерской ее трактовке (формальной бездушной интерпретации) или прагматизму и релятивизму (по сути, произволу).

Сложный регулятивный характер ценностей проявляется в том, что они закреплены как в правовых нормах, доминирование которых соответствует правовому характеру современного государства, так и в народных обычаях, морали, религии, где национальное самосознание отражается в большей степени. Нормативный подход к ценностям представляется особенно важным в рассматриваемом контексте. Предлагаемая ниже таблица основных видов социальных норм (Табл. 2) показывает своеобразие, преимущество и недостатки каждой из них, указывая на необходимость целостного подхода, где были бы органично соединены положительные стороны каждой из них и сведены к минимуму отрицательные (см. нижнюю строку табл.) Здесь предложена разработанная еще И. А. Ильиным возможность выработки нового способа нормативного регулирования на основе известной концепции правосознания³⁵. Его можно назвать ценностно-нормативным (аксиологическим) и цивилизационным, поскольку важнейшие социальные институты объединяются национально-государственной идеей, закрепляемой в народной памяти и историко-культурном наследии, культурных традициях разных народов и конфессий. Эта идея должна иметь глубокие исторические духовные корни и осуществляться благодаря сложившимся ценностно-нормативным механизмам регуляции — обычаям, правосознанию, религии и морали. Ослабление взаимосвязей между ними и рассогласование, способное привести к серьезному кризису, чревато распадом страны и может быть вызвано как отсутствием внятно провозглашенной, четко проводимой наци-

³⁵ См.: Ильин И. А. *Общее учение о праве и государстве; О сущности правосознания* // Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1993–1999.

ональной идеи, так и действием чуждых национальным традициям сил и идеологий, как правило, замаскированных под благо народа. Деструкции усугубляются несоответствием формальных внешних количественных целевых показателей (нормативов) для культурного контента и культурной политики самой природе культурной деятельности, областям культуры и искусства, которые духовны, качественны, свободны и целостны по своей изначальной творческой сути и предназначению.

Социальные нормы обнаруживают недостатки, призванные к преодолению и восполнению, но обязательно во взаимодействии друг с другом. Так, несмотря на преемственность, обычай как таковой несет опасность застоя, автоматизма, исполнения нормы по привычке (как заведено, сложилось, «как все» в рамках данной этнокультурной общности); религия, несмотря на цельность, может распространяться лишь на последователей данной веры (в поликонфессиональном обществе она уже не может быть универсальной); мораль, несмотря на внутреннюю свободу и угрызения совести, чревата опасностью субъективизма и дидактизма; право, несмотря на строгую упорядоченность и всеохватность в рамках этнополитического союза, в любом случае носит внешний характер предписаний и в отрыве от других норм ведет к формальному «законничеству». Ценностно-цивилизационная модель социальной регуляции предполагает идеальное взаимодополнение норм, где национальная культура могла бы свободно созидаться на основе веры, совести и правосознания без их взаимоотрицания и этнополитических конфликтов, образуя внешние и внутренние границы безопасности, защищающие общество и человека от социального зла и расколов³⁶.

³⁶ Закунов Ю. А. Метафизика русской идеи И. А. Ильина в контексте современного национально-государственного развития России [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2015. 4(22). Философское наследие И. А. Ильина. С. 7.

Табл. 2. Основные виды социальных норм

<i>ПРИЗНАК \ ВИД</i>	ОБЫЧАЙ	РЕЛИГИЯ	МОРАЛЬ	ПРАВО
КТО ИСТОЧНИК?	Предки	Бог, пророки	Сам человек	Государство
НА КОГО РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ?	Этнокультурная группа	Верующие только данной религии	На себя	Граждане
КАК ДЕЙСТВУЕТ?	Привычка	Вера	Совесть	Правосознание
ЧТО ТРЕБУЕТ?	Внешнее исполнение, Как все	Целостное исполнение	Свободный выбор лучшего	Внешнее строгое исполнение
КАКИЕ САНКЦИИ?	Общественное мнение	Неминуемая божья кара	Угрызения совести	Внешняя сила в лице государства
ОЦЕНКА: (+) и (-)	Преимственность, но Автоматизм, внешний характер	Цельность, но Ограниченность только данным вероисповеданием	Внутренняя свобода, но Опасность индивидуализма	Упорядоченность, всеохватность, но Формальный внешний характер

В предлагаемой структуре проектирования культурной политики в сфере наследования ценностей мы отходим от субъектно-объектного принципа. Усвоение ценностного содержания культурного наследия (или ценностной культуры личности) является главным, именно оно в наибольшей мере пронизывает всю систему, поскольку важнейшим целевым объектом являются духовно-нравственные творческие качества личности в единстве воли, ума и чувств, призванные находить и осуществлять божественную гармонию между «Телом» и «Душой» в «Духе». Эта цельность дана и одновременно задана нам в художественном творчестве, искусстве.

Проектирование ценностного содержания культурной политики должно ориентироваться на такую культуру, которая вырастала бы из творческого применения известных знаний и способов деятельности (компетенций), формировать способность к открытию нового (креативность), одновременно опираясь на фундаментальные достижения науки, духовности, философии, искусства, закладывать духовно-нравственный фундамент личности.

Основа проектирования культуронаследования, таким образом, представляется в виде единства и относительной самостоятельности трех аспектов: как данность соответствующих предметных сфер, отражаемых в логико-понятийной системе знаний, как система соответствующих методов или способов деятельности и как система индивидуальных, социальных смыслов и объективных ценностей. В свернутом виде это единство *«знаний», «методов» и «смыслов»* как взаимосвязь *информационной, инструментальной и мировоззренческой культуры* в конкретной предметной сфере (См. Схема 3). В свою очередь они могут быть спроектированы и диагностируемы на различных уровнях сложности в соответствии с институциональными и структурно-функциональными особенностями художественной и прочих видов культурной деятельности во взаимосвязи

Схема 3. Ценностное содержание культурной политики как единство информационной, инструментальной и ценностно-смысловой (мировоззренческой) культуры

- *информационной культуры*: рационального (предметно-информационного) компонента, интеллектуальной компетентности, просвещенности, знаний о ценностях;
- *инструментальной культуры*: операционального (действенного) компонента (практической компетентности), т. е. предметных умений/навыков, волевой готовности и умения защищать традиционные ценности добра, красоты, истины, родины, семьи, справедливости;
- *ценностно-смысловой (мировоззренческой) культуры*: смыслового компонента, духовной цельности, веры, внутренней убежденности, мотивации.

Они могут быть спроектированы и верифицированы. Пример мониторинга усвоения их содержания на примере ценности патриотизма приведен в таблице ниже (См. Табл. 3).

**Табл. 3. Структура мониторинга усвоения ценностного содержания
на примере ценности патриотизма**

Ценности	Показатели	Мониторинг					
		1-й блок (собственно творческий)		2-й блок (творческих индустрий и сопряженных с творчеством сфер)		3-й блок личностный (мотивационный)	
		Индикаторы	Инструменты	Индикаторы	Инструменты	Индикаторы	Инструменты
Патриотизм	Информационная культура: 1. Знание истории своей страны и предков; достижений российской (русской) цивилизации в культуре — искусстве, образовании, науке и технике, знание о военных победах, выдающихся знаменитых соотечественниках и земляках, национальных героев. 2. Знание о современных достижениях страны, знаменитых соотечественниках и земляках в наши дни.	1. Наличие в творчестве верной (неискаженной) качественной информации об истории Отечества, родного края и современных достижениях. 2. Наличие в творчестве верной информации о достижениях российской (русской) цивилизации и выдающихся представителей своего Отечества и земляках.	1. Экспертные опросы творческого сообщества и профессионалов на предмет наличия и оценки национально-патриотического содержания того или иного творчества и его продукта. 2. Опросы населения на предмет популярности данного творческого продукта в связи с национально-патриотической тематикой и оценкой его качества.	1. Наличие в национально-патриотической тематике той или иной индустрии качественной информации об истории Отечества, выдающихся предках и современниках. 2. Успеваемость учащихся по Отечественной истории. 3. Процент участвующих в олимпиадах по Отечественной истории в сравнении с другими предметами. 4. Просветительские программы по истории Отечества, о выдающихся предках и современниках. 5. Знание истории за пределами школьной программы. 6. Наличие краеведческой работы.	1. Результаты тестов и ЕГЭ по истории Отечества. 2. Статистика посещаемости интернет-сайтов и рейтинга TV-программ национально-патриотической и исторической тематики (рейтинги). 3. Социологические и экспертные опросы на предмет оценки качества национально-патриотического контента, транслируемого творческими индустриями. 4. Статистика запросов в библиотеках литературы по национально-патриотической и краеведческой тематике.	1. Знание истории своей родословной, предков. 2. Знание истории своей страны, достижений и имен выдающихся представителей своего Отечества и родного края в прошлом и настоящем.	1. Социологические опросы разных видов.

Табл. 3. (Продолжение)

Ценности	Показатели	Мониторинг					
		1-й блок (собственно творческий)		2-й блок (творческих индустрий и сопряженных с творчеством сфер)		3-й блок личностный (мотивационный)	
		Индикаторы	Инструменты	Индикаторы	Инструменты	Индикаторы	Инструменты
Патриотизм	Инструментальная культура: (практическая актуальность) как способность не только на словах, а на деле реально беречь и приумножать природное и культурное достояние своего Отечества, защищать его общенациональные ценности и святыни, активно и компетентно участвовать в национально-политической сфере, жизни государства и гражданского общества.	1. Воспитание и формирование готовности и способности приносить пользу своему Отечеству, бескорыстно служить ему, не посрамляя памяти предков, наличие в творчестве волевого действенного потенциала. 2. Обращение к историческим урокам прошлого и извлечение из них уроков с позиций национально-государственных интересов. 3. Побуждение к творческому овладению современными умениями и навыками, необходимыми для государственного и культурного строительства, компетентного гражданского участия. 4. Наличие в творчестве активного противодействия русофобии, паразитизму как образу жизни, антинациональным силам, дезинтеграционным процессам.	1. Экспертные опросы творческого сообщества и профессионалов на предмет оценки данного творчества и продукта с точки зрения его практического потенциала, формирования необходимых качеств достойного гражданина. 2. Опросы населения на предмет признания данного творческого продукта в связи с практической актуальностью его национально-патриотического содержания и связью с насущными современными проблемами.	1. Наличие в национально-патриотической тематике той или иной творческой индустрии обращения к волевой, действенной стороне патриотизма. 2. Наличие в учебных программах и процессе обучения формирования умений и навыков, связанных с патриотическим воспитанием, а также самостоятельным гражданским участием. 3. Активное противодействие русофобии, паразитизму как образу жизни, антинациональным силам, дезинтеграционным процессам.	1. Статистика уклонения от службы в Вооруженных Силах (в динамике). 2. Статистика молодежи, участвующей в восстановлении и сохранении памятников историко-культурного наследия. 3. Статистика участия молодежи в работе военно-исторических, патриотических организаций и обществ по сохранению исторических памятников и культурного наследия. 4. Статистика участия населения в патриотических благотворительных акциях (в динамике). 5. Статистика участия граждан в общественных институтах и структурах гражданского общества (инициативных групп граждан, региональных отделений политических партий), имеющих направленность укрепления общенационального единства (в динамике). 6. Социологические опросы на предмет гражданской политической активности граждан, их готовности защищать ценности российской цивилизации.	1. Воспитание в себе способности к духовно-волевому подчинению своих личных интересов, служению Отечеству, самоограничению себя вплоть до самопожертвования ради блага Родины. 1. Жизненный эксперимент, практика, ратный подвиг.	

Табл. 3. (Окончание)

Ценности	Показатели	Мониторинг					
		1-й блок (собственно творческий)		2-й блок (творческих индустрий и сопряженных с творчеством сфер)		3-й блок личностный (мотивационный)	
		Индикаторы	Инструменты	Индикаторы	Инструменты	Индикаторы	Инструменты
Патриотизм	<u>Ценностно-смысловая</u> (мировоззренческая) культура: Осмысленная духовная внутренняя Любовь к своему Отечеству, глубокое понимание смысла служения ему.	1. Раскрытие духовного смысла служения Отечеству, его места в жизненной системе ценностей. 2. Использование ярких художественных образов и силы искусства для пробуждения и культивирования высоких патриотических чувств.	1. Экспертные опросы творческого сообщества и профессионалов на предмет оценки данного творчества и продукта с точки зрения его воспитательного эмоционально-чувственного воздействия на патриотические чувства и дух аудитории, изменения жизненных приоритетов. 2. Опросы населения на предмет оценки им данного творческого продукта с точки зрения силы воздействия и пробуждения патриотизма, изменения жизненных приоритетов, ценностной иерархии.	1. Раскрытие духовного смысла служения Отечеству, его места в жизненной системе ценностей. 2. Воспитание высоких и глубоких патриотических чувств.	1. Социологические и экспертные опросы на предмет оценки качества национально-патриотического контента, транслируемого творческими индустриями с точки зрения раскрытия духовного смысла патриотизма и силы воспитательного воздействия. 2. Социологический анализ посещаемости и мнения аудитории интернета и TV на предмет характера и эффективности воздействия на их патриотические чувства, изменившего их систему ценностей. 3. Статистика запросов в библиотеках литературы по национально-патриотической и краеведческой тематике, отражающая изменение ценностных приоритетов. 4. Соц. опросы и статистика на предмет предпочтения социально-ориентированных профессий и службы в Вооруженных силах РФ.	1. Место патриотизма в личной системе ценностей.	1. Социологические опросы на предмет изменения места ценности патриотизма в ценностной ориентации россиян.

Основные компоненты ценностного содержания проектируются и диагностируются на различных уровнях сложности в соответствии с институциональными и структурно-функциональными особенностями художественной и прочих видов деятельности, особенностями субъекта усвоения и педагогической ситуацией (См. раздел 4 монографии). Необходима замена категории «ценность» на «смыслы» там, где они употребляются как составные части конкретного кластера деятельности (знания–методы–смыслы). Лишь как взаимосвязанные компоненты информационной, инструментальной и мировоззренческой (ценностно-смысловой) культур они образуют конкретную ценность, выражающую полноту и гармонию в своеобразии (неслиянности) и единстве (нераздельности) видов деятельности.

Итак, мы имеем следующие фундаментальные целевые ориентиры и **критерии ценностного содержания** культурной деятельности и культуронаследования независимо от предметной сферы, которым призвана соответствовать культурная политика, нацеленная на интеграцию современного общества вокруг традиционных цивилизационных ценностей:

Онтологический критерий (Табл. 4)

- 1 — полнота как наличие всех основных структурных компонентов ценностного содержания культурной деятельности;
- 2 — цельность как функциональная взаимосвязь и сопряженность, их соответствие друг другу, объединение вокруг одного ценностно-смыслового стержня, ключевой идеи (ценности).

Гносеологический критерий (Табл. 5)

- 3 — познавательные уровни функционирования ценностного содержания культурной деятельности: конкретно-синтетический, абстрактно-аналитический, конкретно-эмпирический уровни.

Личностный критерий (Схема 4)

4 — показатели наличия основных компонентов ценностного содержания культурной деятельности внутри личности, глубины усвоения независимости от внешних сил, степень их интериоризации, автономности и гетерономности в самом человеке.

Табл. 4. Взаимосвязь онтологических аспектов ценностного содержания процесса культуронаследования

	ЗНАНИЯ (логико-информационный к-т)	МЕТОДЫ (умения/навыки) (инструментальной к-т)	СМЫСЛЫ (ценностно-смысловой к-т)
ЗНАНИЯ	ПРЕДМЕТНЫЕ ЗНАНИЯ	МЕТОДЫ (УМЕНИЯ/ НАВЫКИ) ОТКРЫТИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ЗНАНИЯ	ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ДАННОГО ЗНАНИЯ
МЕТОДЫ	ЗНАНИЯ О СООТВЕТСТВУЮЩИХ МЕТОДАХ (УМЕНИЯХ/ НАВЫКАХ)	ОБЩИЕ МЕТОДЫ (УМЕНИЯ/НАВЫКИ) И ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА СООТВЕТСТВУЮЩИХ МЕТОДОВ (УМЕНИЙ/ НАВЫКОВ)
СМЫСЛЫ	ЗНАНИЕ О СМЫСЛЕ ДАННОГО ЗНАНИЯ	МЕТОДЫ (УМЕНИЯ/ НАВЫКИ) ОТКРЫТИЯ И ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА ДАННОГО ЗНАНИЯ	ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ДАННОГО ПРЕДМЕТНОГО СОДЕРЖАНИЯ В СВЯЗИ С АБСОЛЮТНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

Сейчас особую значимость приобретает аксиологическое изменение и сам процесс наследования произведений, являющихся национальным культурным достоянием. Актуальна и показательна ценностно-смысловая интерпретация произведений отечественной культуры XX века, в частности изобразительного искусства. Лучшие образцы, например такие, как художественное наследие Аркадия Пластова, признанного классика советской живописи, нуждаются в большей популяризации и рассмотрении в историко-культурном и историософском контекстах едва ли не более,

Табл. 5. Гносеологические уровни ценностного содержания в процессе наследования культуры

Уровни	Деятельность по развитию			
	а) отдельных компонентов культурной деятельности			б) их полноты и
	смыслов (зачем?)	методов (как?)	знаний (что?)	взаимосвязи
Конкретно-синтетический (творческий)	Духовный уровень понимания объективных ценностей как личных убеждений. Примат внутреннего познавательного мотива как самоопределения к совершенству.	Методологическое понимание на уровне принципов, открытия новых способов и применения их в новых условиях. Способность к оценке на основе самостоятельно выработанных и обоснованных критериев.	Теоретический уровень понимания объекта познания в органичной целостности, конкретном многообразии и единстве.	Полноценная органичная взаимосвязь всех компонентов деятельности.
Абстрактно-аналитический	Психологический уровень личностных смыслов по отношению к объекту и примат внутренней мотивации, наличие познавательного мотива.	Методический уровень применения известных общих способов (методов), способность к объяснению объекта познания и самого способа.	Абстрактный уровень отражения закономерностей, понятий, существенных признаков.	Наличие всех компонентов с одновременным отсутствием между ними гармоничной взаимосвязи, доминирование какого-либо из них.
Конкретно-эмпирический	Обыденное осознание объекта на уровне значения , примат внешней мотивации, отсутствие внутреннего познавательного мотива.	Репродуктивный уровень выполнения отдельных приемов и операций, способность лишь к описанию объекта познания и собственных действий.	Эмпирическое отражение отдельных свойств, фактов, явлений, преимущественно на уровне единичных, конкретных понятий.	Отсутствие одного и более компонентов деятельности или полная рассогласованность между ними.

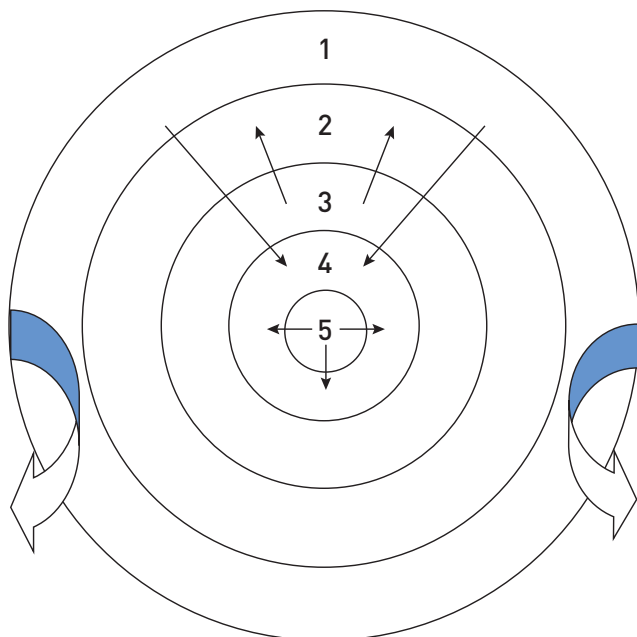

Схема 4. Личностные уровни усвоения ценностного содержания в наследовании культуры

- 1 ур. Качество не проявляет себя внутри личности ни при каких условиях.
- 2 ур. Качество проявляет себя лишь при постоянном благоприятном внешнем воздействии.
- 3 ур. Качество проявляет себя при различных внешних условиях, но имеет нестабильный характер.
- 4 ур. Качество проявляет себя вне зависимости от внешних воздействий, достаточно укоренено в личности, но ограничено ее пространством.
- 5 ур. Качество проявляет себя постоянно внутри личности, взаимодействуя с другими ее сторонами, и активно воздействует на внешнюю среду.

чем в искусствоведческом. В подобных произведениях человеческого гения важно выявление заложенного в них историософского смысла событий и логики развития нашей страны, исторических этапов и уроков, образующих связь времен и поколений как единой русской цивилизации. Так, 20 сентября 2019 года в рамках IX Международной ассамблеи художников «Пластовская осень — 2019» в г. Ульяновске состоялась научная конференция «Проблемы реставрации, атрибуции и хранения произведений искусства XX века», на которой в центре внимания участников конференции были проблемы сохранности и атрибуции произведений искусства; вопросы, связанные с ограниченным доступом из-за недостатка выставочных площадей³⁷.

Подрыв русской народной культуры и оскудение национального мира в результате революционных процессов XX века причудливо отражено А. Пластовым в созданных им народных образах, смысловая глубина, одухотворенность и одновременно скрытый трагизм которых до конца прочитываются, может быть, только сейчас. Благодаря родовой памяти, любовному, чуткому восприятию красоты человека и природы, благоговению перед величием мироздания, не утрачена передаваемая цельность православного мироощущения, что закономерно для творчества А. Пластова, родившегося в семье потомственных иконописцев. С портретов простых сельчан, земляков, смиренных и героических, взирают поистине христианские, почти иконописные и одновременно подлинно народные образы русских людей, в которых сосредоточилась вся драматическая история страны и столкновение мировоззрений. Они обращены в вечность.

³⁷ Научная конференция реставраторов и работников музеев прошла в Ульяновске [Электронный ресурс] // Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. URL: https://heritage-institute.ru/?tribe_events=nauchnaya-konferenciya-restavratov-p (дата обращения: 10.12.2019).

Глядя на картины А. Пластова, трудно избавиться от аллюзий с *соборностью* — собора родственных по духу людей, достигших в процессе совместной псевдо-литургической жизни «духовного» единства как друг с другом, так и с более высокими духовными уровнями, в идеале — с Богом (Вождем). Налицо и символизм, и высокая духовность (*софийность*) — ничто преходящее или низменное не должно проникнуть в сферу отношений советских людей. Но вольное (или невольное) прозрение художником фальшивости духа революционных преобразований позволяет в наивном веселье, подменяющем радость, увидеть несбыточность надежд и трагизм обманутого народа, лишенного истинной веры, предавшего царя, память предков и довольствующегося их коммунистическими суррогатами. Здесь нет издевки или иронии, но любовное пронзительное чувство сопереживания и тоски. В незабываемых ярких образах отражается исторически мучительный путь преодоления соблазнов, распрей, нужды и одновременно светится луч надежды, преображения и праздника, веры в то, что народ сохранит свою идентичность, христианскую душу, несмотря ни на что.

Духовно заблудшая душа народа без христианской веры, утратившая богоподобие, лишенная божественной чистоты и свободы, оказалась тем не менее способной на великие свершения и подвиги благодаря тому, что сохранился национально-культурный код, духовно-творческий совестный акт. Ныне поколение «лихих» 90-х, выросшее в атмосфере духовной смерти, культа материальности, корысти и цинизма, попало в наиболее сложную ситуацию, лишившись вообще нравственных опор в условиях господства агрессивного масскульта, насаждения космополитизма и денационализации. С другой стороны, после краха коммунистических иллюзий набиравшая силу религиозность нуждалась в реальной плоти культурной жизни, без чего могла стать формальной, пустой и бесплодной. Народ без веры — «население», но и церковь без народной культуры и творчества оскудевает силами, теряет плоть, становится безжизненной. Высокохудожественное вопло-

щение национальной идеи русской цивилизации как единства духовно-нравственных (другими словами, религиозно-народных) идеалов и сил на всех этапах ее развития будет всегда актуально. Одним из примеров выражения этой идеи в своеобразной духовно-эстетической форме и стало, на наш взгляд, творческое наследие Аркадия Пластова.

Знаменательно, что традиционным местом проведения ассамблеи художников и научной конференции стал город Ульяновск, хотя и сохранивший имя коммунистического вождя, но все более сознающий себя Симбирском — символом волжских красот и продолжателем народных традиций, родиной видных деятелей национальной культуры. В селе Прислониха, на родине Пластова, удивительно пересекаются прошлое, настоящее и будущее, открываются новые арт-пространства, актуализируются традиции реалистической живописи в сочетании с выставками современной иконописи. Здесь возможно непосредственное душевное общение с потомками А. Пластова — его внуком, художником Николаем Николаевичем, и его семьей — бережными хранителями памяти, наследниками духовно-эстетических и семейных традиций. Не случайно одним из акцентов «Пластовской осени» в 2019 году стала тема «Семейные ценности».

Ежегодный приезд художников со всей страны в Прислониху, проводимые пленэры и выставки работ признанных мэтров, выступления детских и юношеских творческих школ и коллективов, научные конференции дают шанс перерасти этому месту в нечто большее — стать уникальным национальным историко-культурным и природным музеем-заповедником, центром преемственности, притяжения и объединения национальных творческих сил, способом наследования старых и создания новых культурных традиций.

Таким образом, взаимосвязь мировоззренческих трансформаций и эстетического сознания в развитии русского искусства и культуры требует не только искусствоведческой и музееведче-

ской экспертизы, но культурологического анализа, связанного с аксиологической и историософской интерпретацией, выявления духовных цивилизационных смыслов в наследовании культурных традиций, предполагающее погружение в религиозно-метафизический историософский контекст.

Спасительную роль здесь может сыграть обращение к отечественному духовно-эстетическому наследию, народному творчеству, фольклору, пропаганда народного искусства и традиционного образа жизни, художественных промыслов, способствующие самореализации молодежи, ориентация не на формальное копирование или суррогат (подделки), а творческое развитие и обучение, создание новых эстетических канонов и образцов. Примером может быть проект «Пряничный домик» на телеканале «Культура» и красивейший Музей сословий России, переданный И. С. Глазуновым г. Москве, пробуждающие неподдельный интерес к истокам народной культуры и быта. Здесь необходима не просто программа поддержки и развития народных художественных промыслов и народного творчества, но комплексная межведомственная и межотраслевая государственная культурная политика. Особое значение имеют живые носители традиции, которые нуждаются в поддержке государства, создании условий для работы художественных мастерских и русского пения. Если исчезнет подлинное народное искусство с его художественностью, певучестью и мелодичностью, уникальным золотым цветом, природными узорами, выявляющими присутствие божественного света, радующие красотой и возводящие к первообразу, то наш народ потеряет не только свою историю, он потеряет свою душу, свою национальную идентичность.

Применение предложенных ценностных критериев в практике наследования духовно-эстетических традиций поможет сделать процесс наследования верифицируемым, достичь желаемой цели, избежать искажений, дисфункций, псевдодуховности.

3. Проблемы преемственности духовно-эстетических традиций в контексте ценностно-цивилизационного подхода и современные угрозы сохранению национально-культурной идентичности

ВАЖНОСТЬ ценностного измерения современного художественного процесса в контексте русской культурной идентичности и наследования духовно-эстетических традиций продиктована, в частности, необходимостью различения понятий «современное искусство», «актуальное искусство», «классическое и традиционное искусство» в связи с современными арт-практиками, влиянием некомплементарных российскому культурному суверенитету тенденций масскульта и государственной культурной политикой, нуждающейся в большей последовательности, цельности и взаимодействии с другими сферами.

Важнейшим орудием в современной идейной борьбе стало искусство, где всё есть: представление, репрезентация, знаково-символическое замещение реальности, зеркало. Амбивалентность искусства проявляется как в его искусности (творческом мастерстве, совершенстве), так и искусственности (поддельности под реальность, пародийности). Его значение трудно переоценить именно в силу данной способности. Природа искусства — воплощать, овеществлять одухотворенную идею, делать ее живой, действенной, впечатлять, зажигать, заражать людей. От ценностного содержания искусства зависит — будет оно губить, развращая, или спасать, преображая.

Казиным А. Л. в замечательной книге «Событие искусства: классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры», вышедшей в 2020 г., предлагается всесторонний анализ трех глав-

ных целостных художественно-культурных и мировоззренческих систем — классики, модерна и постмодерна как принципов творческого сознания. Здесь **классическое искусство** — это всеобщее, данное в единичном, *бесконечное, явленное в конечном*, символика божественного присутствия; **модерн** предстает как антропоцентрическая норма искусства, переносимая — вопреки теоцентрической классике — смысловой центр культуры (и всей цивилизации) с Бога на человека; **постмодерн**, игроцентричная версия искусства и культуры, в их направленности на самое себя.

Постмодерн — «искусство, покинувшее дух, и само покинутое духом. Пользуясь средствами как традиционных, так и новейших «технических» муз (виртуальная реальность, «симулякр»), постмодерн фактически не создает законченного эстетического объекта, предпочитая коммуникацию по его поводу. Как раз этой цели служат разнообразные инсталляции, перформансы, флеш-мобы и просто «акции», конвертирующие упомянутую коммуникацию в информационный капитал — итоговую оценку того или иного проекта в условиях массового общества и спекулятивного арт-рынка». «В нем подобная направленность самоцельна. В культурологическом смысле постмодерн — это “целесообразность без цели”, “игра стеклянных бус”, не зависящая от конечного результата и не ищущая его. Это искусство, покинувшее дух, и само покинутое духом»³⁸. С последней мыслью позволю не согласиться. Нет, это дух демонический, поскольку природа не терпит пустоты!

О том, что православная культурология определяет культуру как систему жизненных ценностей человека и общества, выявляемую в их жизненном и историческом творчестве, писал также проф. Московской духовной академии М. М. Дунаев. От полагал,

³⁸ Казин А. Л. Событие искусства : классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры. СПб. : Российский институт истории искусств; Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 8.

что христианская эра характеризуется последовательной сменой двух культурно-исторических формаций: *сотериологической* (от Рождества Христова до начала XV века), где главная жизненная ценность — праведная жизнь во Христе, «сотерио» — спасение, и *эвдемонической* (от эпохи раннего Ренессанса до начала XX века), где главной жизненной ценностью становится мир человека — «эвдемония», счастье жизни. XX век уже с первых шагов обнаруживает свою **демоническую** природу и вводит нас в третью культурно-историческую формацию, возникающую в сокрушительном отвержении первых двух³⁹.

Как писал в 1963 году ссыльный церковный писатель С. И. Фудель об истоке «абстрактного искусства школы Пикассо», это не столько смена эстетических предпочтений, сколько «бунт и очень глубокое богоборчество, какой-то уже не базаровский, а космический нигилизм. <...> Точно какая-то ненависть к плоти мира, к самой материи мира все сильнее поднимается в человеке, <...> пожелавшем своими нечистыми руками тронуть первооснову бытия, то “основание, которого, — как сказал Апостол, — художник и строитель Сам Бог” (Евр. 11:10)...». Присущий художественной деятельности символизм заставляет рассматривать продукт этой деятельности, т. е. произведение искусства, в лучшем случае как “систему отсылок”, как риторический дискурс, изобразительность которого выходит далеко за пределы визуального ряда»⁴⁰. Этим «далеко» является духовная сфера, действительно, с трудом поддающаяся научной формализации.

Разрушение общества и традиционных ценностей возможно не как открытое внешнее на них наступление, но через распад

³⁹ Протоиерей Борис Михайлов. Предисловие к книге Яхнина А. Л. Антиискусство : Записки очевидца. М. : Книжница, 2011. URL: https://www.rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=266&ELEMENT_ID=6443&phrase_id=23372 (дата обращения: 05.10.2019).

⁴⁰ Там же.

изнутри путем образно-символических духовно-разрушительных средств воздействия и поощрения дисфункций основных социальных институтов социализации, призванных формировать устойчивую систему ценностей личности и осуществлять провозглашаемые национальные идеалы. В нескончаемом мутном потоке образов и смыслов в современном культурном пространстве, объемлющем все стороны существования в условиях тотальной информационной открытости и контроля, спасение возможно только как сохранение драгоценного духовного наследия цивилизационного бытия, активное творческое его приумножение и развитие. Глобальная тьма современного «цивилизационного варварства», где высочайшие технологии и интеллект сожительствуют с невероятными преступлениями, невежеством и развлечениями, достойными эпохи дикарей, может изгоняться только силой духа, вооруженного «щитом и мечом».

Механизм разрушения, несмотря на многообразие используемых форм и методов, зависящих от ситуации, достаточно ограничен в своих глубинных основах, поскольку речь идет об одном и принципиально несовместимом с Россией центре. Обобщение тысячелетнего исторического опыта глобального цивилизационного противостояния выявляет сущностные его черты при внешней изменчивости и кажущейся непохожести проявлений на всем протяжении истории. Его духовная природа оставалась всегда неизменной, несмотря на многоликость, как в фильме-притче Марка Захарова «Убить дракона». В нем дракон имел сначала три разные головы и обличья: представителя восточных единоборств (символ безжалостных природных стихий), милитариста и садиста в военной каске (символ могущества военной машины и технологий), женоподобного самовлюбленного кривляки и сладострастника (воплощение человеческих страстей и порока).

Рыцарь Ланселот, казалось, убивает дракона, но тот возрождается вновь в «других телах», меняя облик. Концовка фильма

Рис. 1. Киноафиша художественного фильма «Убить дракона». 1988 год. Художник Вилен Суренович Каракашев.

Источник: <https://www.historyworlds.ru/uploads/gallery/main/261/597.jpg>

открыта, но зритель понимает, что исход неоконченной битвы зависит от борьбы за души детей, замороженно смотрящих на воздушного змея. Его запускает персонаж Олега Янковского, игравшего до этого, казалось, побежденного кровожадного трехголового дракона, но теперь «воскресшего» в облике доброго бородача.

Так получилось, что фильм вышел в юбилейный 1988 г. — год тысячелетия принятия христианства, в самый разгар перестройки. Уже нет в живых ни замечательного режиссера фильма, ни гениальных исполнителей дракона, рыцаря, бургомистра. Аудитории фильма тогда казалось, что мораль понятна и тоталитаризм после разоблачения больше не пройдет, а фраза «история никого ничему не учит, а только наказывает за невыученные уроки» — не про нас. Но то, что через пару лет образ Георгия Победоносца,

разящего змея, вновь запечатлится на старом/новом гербе страны и бесконечная битва развернется с новой силой, вряд ли кто мог предугадать. Удивительные параллели и совпадения обнаруживаются в фильме с последующими событиями и лицами в истории страны, подтверждая, что «история — это поэма: слова меняются, а ритм остается». В арсенале «бессмертного» дракона множество политических масок: от революционной свободы, атеизма, гуманизма, реформизма до командно-административной системы, религиозного фанатизма, аристократизма, консерватизма, расизма и прочих, прочих «измов». Этот сюжет, в разных вариациях имеющийся в культуре многих народов, указывает на то, что главный секрет бессмертия и силы дракона внутри самого человека — в его пороках, трусости и глупости, которые будут всегда, пока жив человек.

Три аспекта в интерпретации фильма имеют существенное, причем символическое, значение и, как правило, ускользающие от критиков. Это то, что зло агрессивно и властно по своей природе, имеет духовную природу (ее символизирует дракон), является внешней нечеловеческой силой, непричастной человеку, но порабащающей его душу и тело. Человек может лишь напоминать дракона (как например, бургомистр или даже тот же рыцарь) в периоды «одержимости» властью, когда человек становится проводником демонической силы. Все остальные из-за тех или иных слабостей и пороков как бы не имеют души, а потому — духовные рабы. Получившие внешнюю свободу, но оставаясь рабами в душе (малодушными, слабовольными), они все равно будут ждать «господина», чтобы покориться ему. Спасать их бессмысленно.

Возникает вопрос: что связывает в данном случае сильную личность (героя) и народную массу (толпу)? По фильму — лишь сам акт освобождения. Но в реальности социальная свобода, которую дает рыцарь, бессодержательна и имеет смысл лишь тогда, когда у народа есть свои общие идеалы, самосознание, культура, а значит, историческая память и ответственность перед будущим.

Когда народ не боится отдать жизнь не за кусок хлеба (если он ее отдаст, тогда зачем хлеб будет нужен ему?), но за то, что выше жизни. Ведь «стоит жить ради того, ради чего стоит умереть» (И. А. Ильин).

Еще до наступления постмодерна, поп-арта, битлов и тотальной массовой культуры Ильин И. А. писал, что «в искусстве все более торжествует теория безответственности и практика вседозволенности, люди внимают искусству духовно глухим ухом и созерцают искусство духовно слепым глазом. И потому от всего искусства они видят одно чувственное марево; и привыкают связывать с ним свою утеху, свою потеху и свое развлечение»⁴¹. Но за этим стоит по его мнению нечто большее: демонически-дьявольское начало.

Знаменательно, что первое объемное издание созданных в эмиграции трудов И. А. Ильина, по крупницам начавшее возвращаться к русскому читателю с нач. 90-х гг., неожиданно открывалось статьей «К истории дьявола» из сборника «Наши задачи». В ней Ильин И. А. отмечает, что эпоха «просвещения» подорвала в людях веру в бытие личного дьявола, но не отказалась от самой идеи, его мыслей и желаний, что «...искусство стало вообразать и изображать его, а философия занялась его теоретическим оправданием. Появилась целая галерея “демонов” или “демонических” людей и настроений, причем эти “демоны” “умны”, “остроумны”, “образованы”, “гениальны”, “темпераментны”, — словом, “обаятельны” и вызывают сочувствие, а “демонические люди” являются воплощением “мировой скорби”, “благородного протеста” и какой-то “высшей революционности”». По словам Ильина И. А., находятся поэтические слова в пользу «невинного бесстыдства», философы выступают с открытой проповедью человеческого са-

⁴¹ Ильин И. А. Что такое искусство? // Ильин И. А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 1153.

мо-обожествления и демонического эгоизма. Ницшеанство превозносит «цинизм», бесстыдство, «высшее, что может быть достигнуто на земле», взывает к зверю в человеке, к «верховному животному», которое надо во что бы то ни стало разнуздать, требует «дикого человека», «злого человека», «с радостным брюхом». «Его пленяет все “жестокое, неприкрыто-звериное”, преступное». «Величие есть только там, где имеется великое преступление». «В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь». Все, что зиждет в жизни братство людей, — идеи «вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви и т. п.», — «должно быть вообще изъято из существования». Ильин И. А. подчеркивает: «Демонизм есть дело человеческое, сатанизм есть дело духовной бездны... Демонизм есть преходящее духовное помрачение, его формула: “жизнь без Бога”; сатанизм есть полный и окончательный мрак духа, его формула: “низвержение Бога”. В демоническом человеке бунтует необузданный инстинкт, поддерживаемый холодным размышлением; сатанический человек действует как чужое орудие, служащее злу, но способное наслаждаться своим отвратительным служением. Демонический человек тяготеет к сатане: играя, наслаждаясь, мучаясь, вступая с ним (по народному поверию) в договоры, он постепенно становится его удобным жилищем; сатанический человек утратил себя и стал земным инструментом дьявольской воли»⁴².

Нарушение иерархии, смешение изначально данной природы социальных и антропогенных структур, присущих им функций относительно высшего задания (предназначения), уничтожение того, что должно остаться неизменным и сохранение неизменным того, что призвано к преображению, т. е. управляемый хаос — вот опознавательные знаки этой силы.

⁴² Ильин И. А. К истории дьявола // О грядущей России : Избранные статьи / Под ред. Н. П. Полторацкого. М. : Воениздат, 1993. С. 14–15.

Усилия деструктивных сил направлены на разрушение сложившихся идеалов и традиционных образцов нашего народа, его святынь, душевного уклада, менталитета. Внешней формой цивилизационной идентичности является национально-культурный архетип, который себя воспроизводит в творчестве и деятельности в соответствии с духом эпохи, закрепляется в национальных символах и образах культуры, имеющих общенациональную ценность. Задача враждебных сил состоит в их переинтерпретации, придании негативного «нужного» смысла, провоцировании дисфункций.

Русские философы неоднократно подчеркивали генетическую связь авангардизма с мироощущением модернистской эпохи, его обусловленность культурным кризисом современности: «Нарушаются все твердые грани бытия, все декристаллизуется, распластывается, распыляется. Человек переходит в предметы, предметы входят в человека, один предмет переходит в другой предмет, все плоскости смещаются, все планы бытия смешиваются...»⁴³, — писал Н. А. Бердяев. Поразительно, но он же увидел в этом и положительное. Об идее «творчества из ничего» у авангардистов как о творческой интуиции от отмечал: «В таких самоновейших течениях, как супрематизм, остро ставится давно уже назревшая задача окончательного освобождения чистого творческого акта от власти природно-предметного мира. Живопись из чисто красочной стихии должна воссоздать новый мир, совершенно непохожий на весь природный мир. (!!!) <...> Это не есть только освобождение искусства от сюжетности, это — освобождение от всего сотворенного мира, упирающееся в творчество из ничего»⁴⁴. Мыслительный парадокс этой интуиции заключается в том, что, по мысли философа, подлинное творчество возможно только по аналогии

⁴³ Бердяев Н. А. Кризис искусства (Репринтное издание). М. : Интерпринт, 1990. С. 57.

⁴⁴ Там же.

с актом божественного миротворения — из до-бытийного ме-она: «творчество, — писал он в книге «О назначении человека» (1931), — по метафизической своей природе есть всегда творчество из ничего, т. е. из меонической свободы, предшествующей самому миротворению»⁴⁵. Одним ученым это позволяет говорить об «апофатике литературно-художественного стиля» в неклассическом дискурсе культуры Серебряного века⁴⁶. Однако, скорее здесь угадывается дух «ничто», создающий прообразы будущего апокалипсиса, имитирующего и замещающего Бога. Последующая эволюция авангарда в постмодерн с его духом мертвечины и безжизненности лишь подтверждает заблуждение Н. А. Бердяева и верность духовных прозрений И. А. Ильина, который отмечал «царство пошлости и безбожия, обезьяннего подражания и самодовольного “изображения”».

Согласно отечественной традиции, главное в творчестве и человеческой культуре вообще — это выявление пребывания Бога в человеческих судьбах и истории, распознавание его знаков и промысла, даров в окружающем мире и человеческой истории. Не удивительно, что в современном безбожном искусстве и культурных индустриях возобладал дух самозванства и ремейков (фактически, воровства и плагиата), творческой импотентности, подделок, двойников и бесконечных заимствований. Здесь так называемое «современное искусство» становится фактором не формирования художественной культурной среды, а расчленением традиционных и естественных для человека принципов и связей с материальным миром, современной «лабораторией распада», разрабатывающей алгоритмы «превращения человека в схему рефлексов и желаний», подчинением человеческой воли и личности энергии

⁴⁵ Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 45.

⁴⁶ Раков В. П. Апофатика литературно-художественного стиля // Раков В. П. Филология и культура. Статьи. Иваново, 2003; Шукуров Д. Л. Эстетические принципы авангарда в оценке русских религиозных философов // Вестник ИГЭУ. Вып. 1, 2008.

«распада смыслов, форм, границ между культурой и цивилизацией, между жизнью и смертью»⁴⁷.

Задача художника и критика давать «трепетную клятву служить Богу, а не человекам; осуществлять художественный закон, а не угодничать перед людьми, не раболепствовать перед диктаторами, не гоняться за площадной модой»⁴⁸. Благодатная сила творческого вдохновения дается не просто так: талант выражения ДАН, сила духовного созерцания ЗАДАНА, которая осуществляется в художественно совершенной (образной) форме. Если понятие и знак подчиняются законам формальной логики и семиотики, то образ — законам духа, где ум, чувства и воля соединяются в особой реальности — творческой (божественной), где возможная коммуникация (связь) уже подвластны не времени, пространству, законам сохранения энергии, но иным «законам»: любви, добра, справедливости, свободы, веры, надежды, либо их *антагонистам* — «беззаконию»: ненависти, злобе, несправедливости, безнадёжности и отчаяния.

Образы, построенные на нарушениях цельности — могут быть сильными только в своем разложении, т. е. это энергия смерти, упоение разрушением. Они призваны к тому, чтобы вызвать радость и смех от противоестественного (для человека духовного) и горечь и плач от естественного: это любовь к насилию, независимо от справедливости наказания, ненависть к любому труду, наслаждение ради наслаждения, независимо от предмета наслаждения. Искривление, пародия на жизнь и порядок, насмешка — всегда были важнейшими признаками и орудиями их деструкции.

⁴⁷ Яхнин А. Л. Антиискусство: Записки очевидца. М.: Книжница, 2011. URL: https://www.rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=266&ELEMENT_ID=6443&sphrase_id=23372 (дата обращения: 17.04.2018).

⁴⁸ Ильин И. А. Когда же возродится великая русская поэзия // Ильин И. А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

Сейчас вольно или невольно посеянные в начале XX века семена жизнеотрицающего мироощущения дали плодотворные всходы и задача мастера креативной арт-практики — отказаться от предмета отображения, чтобы создаваемый образ (знак) не был связан с «узнаваемым» аудиторией референтным смыслом. Различные интуиции художественного творчества у представителей русского авангарда (футуристов, символистов и пр.), как например, идеи органической гомогенности слова и мира вне национальной духовной традиции приводили отнюдь не к онтологизму художественного слова, его укорененности в бытии или имяслявию, но пустым экспериментам вне мистической глубины.

Так прямой угрозой разрушения цивилизационных ценностей и вызовом традиции в современной России стало современное авангардное постмодернистское искусство (*contemporary art*) и отчасти массовая поп-культура, которые в своей основе являются антидуховными, разрушающими не только национальный архетип, самобытность и идентичность, но саму природу человека, его общечеловеческий архетип, духовно-нравственные основы и ценности. Его глубинными механизмами стали:

- нарушение структурной функциональности, смыслов и предметности, всевозможные дисфункции;
- нарушение иерархии («иеро» — значит священный), т. е. переворачивание «с ног на голову»;
- смешение отношений автономности и гетерономности;
- смешение гетерогенности и гомогенности;
- неразличение (смешение) субъекта и объекта;
- неразличение сознания (психики) и духа.

Фактически это «восстание принципиального хаоса против всякой организованности современной цивилизации» (Лосев А. Ф.).

В развлекательных программах, где предлагаются ситуации абсурда, выходящие за рамки простого комедийного жанра: хор военных, выступающий одновременно в мундирах и клоунских нарядах новогодних зайцев с приделанными ушами; солист в офи-

церском мундире с ритмическими откровенными телодвижениями в стиле Майкла Джексона или депутат Госдумы Жириновский в костюме Бэтмена с бесовскими рогами, исполняющий в стиле «рэп» политические частушки в новогоднем огоньке. Открыто сеются в душах всесмешение и хаос, когда жанр «черной комедии» отвоевывает себе легальное право транслировать в доступное для детей время всякие мерзости. И если раньше это были экранизированные «садюшки» с нецензурщиной (американские мультики вроде «Южного парка») или показ по Первому каналу ледового шоу, где под чудесную песню из советских времен «Прекрасное далёко» парочка в пионерских галстуках изображала влюбленность пионерки и бородатого пионервожатого (в стиле «Лолиты»), то сейчас это показ в семейное для просмотра время (прайм-тайм) на большинстве центральных телеканалов бесконечных передач о супружеских изменах, брошенных детях, проституции, убийствах, домашнем и детском насилии и пр., и пр. под предлогом, что «об этом говорит вся страна» (знаменитые ток-шоу Малахова, Борисова, Шепелева на центральных каналах, не говоря о частных).

Как без особых усилий и безнаказанно опорочить мнение авторитетного заслуженного человека или положительную идею? Сейчас достаточно, чтобы их озвучили в форматах ток-шоу полоумные и наглые фрики, спрос на которых регулярно подогревается на центральных каналах в самое смотрибельное время. Так вместо серьезного обсуждения внимание сосредотачивается на карикатурных персонажах, а сами проблемы забалтываются или доводятся до абсурда. Примитивизация в сочетании с эпатажем, опошлением, осмеянием, юмором «ниже пояса» стали оружием оглупления, тогда как очищающая сатира и возвышенная критика оказались в лучшем случае на канале «Культура», не говоря уже об интернет-пространстве.

В навязанных с 90-х гг. общественных отношениях «системной программой» стали формальные нормы права и «свобода» СМК, а нравственность и традиции лишь «бесплатным приложе-

нием», причем совсем необязательным, что позволяет «выключать из игры» или нейтрализовать важнейшие духовные аргументы и институты: церковь, науку, образование, культуру и искусство. Оперировать традиционными императивами истины, добра, красоты, веры, надежды, любви, совести и чести позволительно кому угодно и в любой интерпретации. Главное, чтобы они не покушались на фундаментальные «правовые основы» и «правила игры» нового мирового порядка, где все в итоге покупается и продается. И не важно, что при этом брак и семья вместо «института любви» становятся добровольно-принудительным застенком, сделкой по расчету, обманом или узаконенным развратом, традиция вместо живой связи поколений — мертвым грузом и бессмысленным ритуалом, государство вместо защитника нации — орудием клановых и групповых интересов, право вместо того чтобы быть правой силой — инструментом узаконенного грабежа и оправдания несправедливости, образование — фабрикой по производству эффективных менеджеров и послушных исполнителей образцов, экономика — непроизводительной и торгашеской, мораль — лицемерной, искусство — искушением, СМИ — циничными и продажными, врачи — рвачами, защитники отечества — наемниками, служители муз — прислужниками толпы, спортсмены — физически больными, а патриотизм — «последним прибежищем негодяев».

Созданный механизм всесмешения, разрушения границ и правил под личиной свободного творчества и права на свободный доступ к информации, ограниченный лишь внешними нормами законодательства, пока бессильного в части контроля над манипуляциями, позволяет властвовать над умами и вкусами людей. Еще не придумано административное или уголовное наказание за сознательное нарушение законов логики и использование софизмов: юридически очень трудно доказать, было это просто логической ошибкой (алогизмом) или намеренной подменой понятий, отождествлением нетождественного или противопоставлением совместимого. Тем более, это практически невозможно в искусст-

венно созданной ситуации двусмысленности и свободы интерпретаций. Именно навязанный тренд полисемантической культурного контента как признак настоящего современного искусства и культуры, который носит беспредметный внеценностный (какой угодно) характер, шельмование Министерства культуры, пытавшегося навести здесь хоть какой-то порядок, позволяет внедрять в сознание нужные идеи и ценности.

Так выставки картин Васи Ложкина (А. В. Куделина), проходящие последнее время по всей России (не только за границей) пользуются успехом и невероятной посещаемостью среди самых разных возрастных категорий. В выставочные залы стоят очереди. Тема его примитивных картин — пьянство, разврат, агрессия, невежество, бескультурье, дикость, самодовольство, угрюмость, якобы самые что ни на есть типичные для русских. Смеяться над обобщенными карикатурными образами современников-россиян, показанных в образе животных и полулюдей, — значит потешаться над шельмованием самих себя, потерять чувство собственного достоинства и чести. Куделин позиционирует себя (с чем соглашались его поклонники) в качестве обличителя порока, отнюдь не русофобом или экстремистом (мол, тогда Чехов и Гоголь — самые первые русофобы). Он «художественным» языком, включая не только изобразительный, но и «музыкально-поэтический» (музыкальный альбом «Пьянство и разврат», сольная пластинка «Крики лысого дурака», «Вася Ложкин И Какие-То Люди — Во имя любви», названия которых говорят сами за себя) выражает ту же идею присутствия в социокультурном пространстве (как и А. Невзоров) — выступать в роли якобы бесстрастного исследователя человеческой породы, «врача», которому противопоказаны всякие чувства и интересны только болезни и уродства. На самом деле это нужно отнюдь не для того, чтобы вылечиться, а чтобы «больной» свылся со своей болезнью, повеселился над ней, принял скотское состояние как естественное, неизбежное или решил покинуть этот дурдом («родину-уродину»), уехал жить за границу,

Рис. 2. Из коллекции Васи Ложкина (Алексея Кудерина)

Источник: <https://funik.ru/funny-pictures/izvestnye-kartiny-vasi-lozhkina-165-kartin>

рассуждая «где хорошо, там и отечество». Можно не сомневаться, что в создании настроения у тех 53 % молодых россиян в возрасте от 15 до 25 лет (согласно социсследованию «Левада-Центра», внесенного в 2016 году Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), которые хотели бы эмигрировать или по крайней мере учиться зарубежом, есть и их вклад.

Все это расширяет неприязнительную, падкую до «хайпа» и удобную для манипуляций аудиторию.

Лидерами просмотров в интернете, самыми «смотрибельными», являются коты, а потом — дети. Поэтому неслучайно популярны у Ложкина «котики», в образе которых изображаются россияне. Так легче присоединить нужную информацию в подсознании через «посредника», который изначально сразу принимается, благодаря существующему архетипу или стереотипу, который скрещивается с пороком, вызывая «когнитивный диссонанс», конфликт.

Картинка меняет картину мира! Язык является ключом. Это соединение визуального образа со смыслом, текстом.

Важно, что делается установка на изменение самого понятия «русский», его идентичности. Если раньше приписываемые ему пороки должны были вызвать неприязнь к своему Отечеству и национальной принадлежности, то теперь они принимаются как естественное, нормальное, прикольное. «В Питере пить!!!» — припев знаменитого хита Шнурова, самого успешного певца последних лет. Самый узнаваемый образ русского (стереотип) и наиболее частые шутки по этому поводу на эстраде — это пьянство («Рожденный русским не пить не может!»). Вдалбливаемая на протяжении десятилетий формула возымела действие — это уже давно не считается пороком. Апофеозом можно считать клипы российской трешевой панк-поп-рэйв-группы Little Big, образованной в 2013 году в Санкт-Петербурге, которую поддержал Первый канал в качестве главного конкурсанта от России на Евровидении.

Не удивительно, что из россиян ее знает прежде всего так называемое поколение миллениалов, которое «пасётся» на просторах интернета, слушает песни на английском и любит «приколоться». Здесь всё — вызов традиции, здравой логике и ценностям, от названия, совмещающего несовместимое («маленький большой»), извращённой стилистики, вывернутого наизнаку названия первого альбома (With Russia From Love), названия песен Every Day I'm Drinking (Я пью каждый день), Big Dick (про все возможности человеческой сексуальности) до названия родного города, из которого вышла группа (Город Святого Петра). Известная панк-группа Pussy Riot просто блекнет. И вот они должны были представлять Россию в Европе на «раскручиваемом» ежегодном конкурсе молодежной песни в юбилейный год 75-летия Победы над фашизмом (!). Что это, как не попытка демонстрации всему миру того, кто на самом деле одержал победу, превратив русских в такое быдло? Если бы не эпидемия и перенос конкурса, то они могли стать «победителями» (их клип набирал наибольшее число просмотров и лайков). Но в этом сражении идущей символической войны победу у них отняли нечеловеческие силы: «...случай, бог изобретатель».

Тотальная логическая безграмотность аудитории, неспособность самостоятельно критически мыслить позволяют свободно манипулировать, внедрять в сознание то, что нужно, сначала на уровне формирования отдельных ментальных установок и эмоций, а потом целостных образов, убеждений и поступков. Под всем этим подразумевается ряд якобы очевидных либерально-демократических аксиом, давно уже не требующих обоснования, на которых строятся логически безупречные рассуждения из «прочного камня и ажурных украшений» и далеко идущие выводы. Все это сооружается на «песчаном» фундаменте ложных догм и лживых посылок (нарушении первого необходимого условия истинности вывода — истинности исходной посылки). Тех, кто с ними не согласны или хотя бы сомневаются, безапелляционно

записывают в разряд маргиналов, которым бесполезно что-либо доказывать. Нежелание или неспособность быть более убедительными, дефицит здоровой логики и порядочности маскируются аргументами к личности или эмоциям, вплоть до презрения к оппонентам: мол опускаться до нормального диалога с теми, кто не согласен с их исходными посылками, все равно что разговаривать с недоумками или животными. Поскольку сильный оппонент может выявить несостоятельность их точки зрения, они избегают серьезных дискуссий в культурно-информационном пространстве, предпочитая формат ток-шоу, где царит ангажированность ведущих, неразборчивость в средствах полемики, деморализация и шельмование опасных противников или просто умолчание их существования.

Сейчас возникла опасность саморазрушения и самоубийства через внутренние механизмы изменения национального кода, его «перекодировку». Вот лишь несколько показательных примеров.

Авангардистская ломка искусства предстает «фактором не формирования среды, а расчленения традиционных и естественных для человека принципов и связей с материальным миром», являющимся отражением невидимого мира духовного. Contemporary art стала «лабораторией распада», разрабатывающей алгоритмы «превращения человека в схему рефлексов и желаний», подчинения человеческой воли и личности энергии «распада смыслов, форм, границ между культурой и цивилизацией, между жизнью и смертью»⁴⁹. Зло есть изолгание бытия, лжебытие, небытие. Как известно, дьявол — отец лжи и первый обманщик: он обещает золотые горы, а платит разбитыми черепками. В данном случае соблазняет великими духовными открытиями и спа-

⁴⁹ Яхнин А. Л. Антиискусство : Записки очевидца. М. : Книжница, 2011. URL: https://www.rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=266&ELEMENT_ID=6443&sphrase_id=23372 (дата обращения: 17.04.2018).

сением, а на поверку «гора рождает мышь». Творческая немощь и импотентность современного «актуального» искусства отталкивает сплошными ремейками и одновременно отсутствием художественных образов, беспредметностью искусства, обращением не к чувствам и разуму, а эмоциям и инстинкту.

Во многом с этим связано то обстоятельство, что естественная потребность в «герое нашего времени» (идеале), призванная соответствовать врожденным базовым структурам (универсальным и национальным архетипам), выстраивающая отношения с миром, оказывается «неестественной», т. е. результатом особого конструирования. Сначала создается привлекательный образ, опирающийся на базовые архетипы (Бог, Отец, Мать, Герой и др.), но в оболочке привлекательного вненационального и даже антинационального. В результате возникает внутренний конфликт, усугубляющийся показом «национального героя», далекого от идеального, который очевидно не справляется с возложенными на него функциями. Неудивительно, что «герой 90-х» — Данила Багров (актер Сергей Бодров) из культового к/ф «Брат», набравший 45 % голосов (в опросе приняли участие больше 40 тысяч человек), оставил далеко позади себя Илью Муромца с его 13 %, Глеба Жеглова (11 %), Дядю Степу (9 %) и других известных властителей дум, включая персонажей сериалов «Мажор» и «Физрук». Организаторы конкурса пытались выяснить, кто вызывает у населения большее чувство безопасности, уважения и симпатии.

В этом смысле вряд ли можно согласиться с трактовкой феноменальной популярности героя С. Бодрова, изложенной в статье Цуканова Е. А. о герое нашего времени⁵⁰, где его суть сводится к «противостоянию самому себе, в душе которого шла постоянная внутренняя борьба», что это «амбивалентный архетип трикстера

⁵⁰ Цуканов Е. А. Герой нашего времени как закодированный медийный месседж : от «Брата» к Большому брату // Международный журнал исследования культуры. Герой в культуре. СПб. : Эйдос, 2018. С. 89–98.

как символа переходной эпохи и маркера новых онтологических границ». Автор далее пишет: «П. Радин, один из самых авторитетных исследователей мифологии трикстера, считает, что данный персонаж обладает «...особенной и непреходящей привлекательностью и необычайной популярностью у людей со времен зарождения цивилизации». Утверждается, что «образ трикстера динамичен и олицетворяет собой не только лишенное различий далекое прошлое, но и упорядоченное настоящее, в чем и заключается причина всеобщего и постоянного к нему интереса, поскольку для каждого из нас <...> он остается богом, животным, человеком, героем, шутом, отрицающим, утверждающим, разрушителем и творцом». Парадоксально, но именно благодаря грубому и аморальному поведению трикстера, все ценности обретают свое настоящее значение. Важнейшей функцией трикстера, по мнению Ю. Чернявской, является его способность быть точкой совмещения несовместимого, которая и порождает новое»⁵¹. Трикстер представляет собой одну из древнейших архетипических психологем. К. Г. Юнг выделяет такие черты психологии трикстера, как любовь к хитрым шуткам и злым проказам, способность изменять облик, двойственность натуры, подверженность всем видам мучений и, что *наиболее важно, приближенность к образу спасителя!!!* (выделено Ю. З.). Многие черты трикстера присутствуют в характере шамана, обряды которого связаны с настоящей болью, поскольку исцелять может только тот, кто наносит раны

⁵¹ Юнг К. Г. О психологии образа Трикстера // Радин, П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. Перевод с англ. Кирющенко В. В. СПб. : Евразия, 1999. С. 265. Герой нашего времени выбран недавно интернет-сообществом. Победителем стал Данила багров из кинодилогии «Брат». // Рамблер. URL: https://kino.rambler.ru/other/38637108/?utm_content=kino_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink <https://kino.rambler.ru/other/38637108-geroy-nashego-vremeni-vybran-nedavno-internet-soobschestvom-pobeditelem-stal-danila-bagrov-iz-kinodilogii-brat/?updated> (дата обращения: 10.12.2017).

и сам ранен. Называя данную условную точку «точкой безумия», Ю. Чернявская парадоксальность поведения некоего условного сумасшедшего так же, как и Ю. М. Лотман, квалифицирует в качестве залога инновативности не подчиняющееся общим правилам поведения. Как правило, трикстер ставит задачей поменять суть игрового процесса, ситуации и жизни, а не действует по злему умыслу. Не сама игра жизни, а процесс важен для трикстера. Персонаж, называемый трикстером, расположен по центру диаграммы: ни свой, ни чужой, ни сильный, ни слабый, нечто среднее. «Трикстер — ум без чувства ответственности». Таким образом, загадка такого медийного героя, как Данила Багров, заключается в том, что *он имеет в своей основе амбивалентный архетип трикстера, аномальное поведение которого представляет собой образец сверхчеловеческого деяния, нацеленного на восстановление границ попорченного российского Космоса (!).* Это значит, что медийный продукт, воздействуя на аффективные компоненты массового сознания, может вызвать архетипически закрепленную реакцию на тот или иной раздражитель и выступить в роли матрицы, конструирующей историческую действительность».

По сути, здесь изложена программа интерпретации нового героя, который укоренен в национальном архетипе, но с важной поправкой и уточнением — не в качестве героя, а антигероя. Сам автор статьи признает, что в серьезных художественных произведениях трикстеры обычно выступают в роли антигероев. Глобальное переворачивание и смещение ценностных духовно-нравственных ориентиров, поколебавшее архетипические основы человека, произошедшее за последнее столетие в мире, самым печальным образом сказалось на отечественном менталитете после падения «железного занавеса». На смену талантливым актерам, так вдохновенно игравшим всевозможных обаятельных преступников 90-х — Сергей Безруков («Бригада»), Александр Абдулов (Next), Сергей Бодров из криминальных сериалов, пришло новое поколение, но образы, увы, принципиально не поменялись.

В качестве образца предлагаются некие странные персонажи из бесчисленных пустышек шоу-бизнеса или киношных трикстеров (современных хлестаковых и бендеров), универсальные моральные типы: конформист или потребитель (обыватель), рыцарь или аристократ (герой), все только говорящие по-русски и действующие в современных российских декорациях, но думающие и чувствующие уже как «граждане мира». Вот почему герой Бодрова из «Брата» до сих пор более симпатичен народу, поскольку, живя в мире, который устроен не по промыслу божьему, как может реализует свое человеческое представление об этом промысле. По-своему трагичен, не подстраивается под кого бы то ни было, живет по правде, честен перед собой, и в этом смысле, хотя и асоциален, выражает национальный архетип в большей степени чем герой нашумевшего «Викинга» или «Номера 17». Не говоря уже о комических персонажах «Домашнего ареста», которых назвать героями и язык не повернется.

В «Домашнем аресте», этом оригинальном слепке нашего времени (авт. сценария С. Слепаков), представлены яркие живые персонажи, талантливая игра актеров, почти гоголевский трагикомический гротеск. Однако вряд ли стоит ожидать появления второго тома «Мертвых душ». И не только потому, что в наше время более востребован жанр сатиры, пародии и фарса, который победил трагедию и драму, не говоря о победе рассудка и сказки для взрослых (мелодрамы) над метафизической глубиной и подлинным лиризмом. Как и у Гоголя, здесь присутствует опасность обращения к тому самому амбивалентному архетипу трикстера, вызывающего симпатии демонического характера, но не имеющего преобразующего духовно чистого потенциала, т. е. цельности. Следующим шагом может быть либо путь к духовно-реалистическому творчеству, вырастающему из опыта богообщения, его утверждающего, либо откровенная проповедь демонизма и сатанизма.

Творческая немощь и импотентность проявляют себя в двух крайностях: сплошных ремейках, копировании и беспредметно-

сти искусства. Именно поэтому еще одним маркером демонического культурного контента всегда будет агрессивность и шум, возмещающие духовную пустоту энергией распада и создающие видимость силы нетерпимостью к иному. Можно вспомнить поговорку «Пустой бочонок гремит» и басню И. А. Крылова про бочки. Но современные технологии рассчитаны на формирование тех, кто на подобную рефлексию не способен.

Обнаруживается один из глубинных парадоксов либерализма и современного в особенности. Это его фактическое самоотрицание, состоящее в той самой «нетолерантности» к несовместимой с ним позиции, при сохранении основополагающего тезиса — безусловного права каждого отстаивать свою точку зрения. Самые жесткие действия с их стороны, обвинения в мракобесии, тоталитаризме своих оппонентов в очередной раз убеждают, что большего тоталитаризма и нетерпимости, чем «либеральная» система ценностей, никакое другое мировоззрение не содержит.

Наступления на традиционные ценности и формы культуры не ослабевают, но напротив, приобретает самый широкий спектр и размах. Это агрессивная и открытая **демонстрация** деструктивных форм современного искусства. Как например, эпатажная мужская танцевальная группа KAZAKY — образец откровенно циничного скрещения современной гомоэротической стилистики, пришедшей с запада, с образом русского служилого сословия⁵². Это и вызывающая реклама, как например в названии мясного ресторана «Иван да мясо» в Ульяновске⁵³, где имеет место издевательство над народным названием цветка, который был исторически национальным символом верности, которому приписывали целебные волшебные свойства, срывая на праздник Ивана Купалы. Или,

⁵² ЭКСКЛЮЗИВ. Как KAZAKY Милан покоряли. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0wEztGt9r7w> (дата обращения: 12.05.2021).

⁵³ «Иван да мясо»! Скоро в Ульяновске откроется новый ресторан. URL: https://73online.ru/r/ivan_da_myaso_skoro_v_ulyanovske_otkroetsya_novyy_restoran_-59505 (дата обращения: 12.05.2021).

например, на центральной улице Нижнего Новгорода шокирующий логотип «череп и кости» магазинов с брендовым названием Luxury Стоп (лакшери — роскошь), ломающий границы дозволенного, отталкивающий и одновременно завораживающий своей амбивалентностью.

Регулярное, почти повсеместное осовременивание пошлостью театральной классики, начавшееся с перестройки, продолжается и поныне, причем для театральных гурманов — в более изощренных вариантах⁵⁴.

Несовместимые с национальным культурным архетипом идеи и ценности внедряются через всевозможные каналы и по любому удобному случаю с помощью «ненавязчивого» постоянного их присутствия в информационном пространстве, где «наживки» присоединяются к крючкам. Это война за символы и «перекодировку» в сознании, отвоевание и закрепление новых устойчивых значений, смыслов и ассоциаций. Наиболее удобно для этого сознание человека с низкой эстетической и интеллектуальной культурой, непривыкшего к саморефлексии и аналитической работе, «необремененного» культурным наследием.

Например, в православной традиции голубой цвет — символ Богородицы, женственности, чистоты, цвет небес. Но в массовом сознании голубой цвет после падения «железного занавеса» благодаря СМК стал ассоциироваться с людьми нетрадиционной сексуальной ориентации. А чуть позже цвета радуги, солнца, стали символом ЛГБТ-сообщества. И в этом не просто совпадение, а замаскированное святотатство, сознательное кощунственное покушение на неприкосновенные святыни и образы, демонстриру-

⁵⁴ См. подробно об этом: *Кокшанева К. А.* Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования [Электронный ресурс]. М. : Институт Наследия, 2019; Пушкин и Гоголь в современном театре. Право на классику. Материалы научных экспертных семинаров. М. : Институт Наследия, 2016; *Кокшанева К. А.* С красной строки. М. : ИПО «У Никитских ворот», 2015. 512 с.

ющее вызов «не-бесам», которое по современным правилам игры и амбивалентности не наказуемо ни в правовом, а теперь уже и моральном отношении.

Обращение к каким-то особым новым технологиям, которые якобы могут помочь в борьбе с разрушительными силами, обречено на неудачу в аудитории с неразвитой логической культурой, невоспитанным эстетическим вкусом, ослабленной волей, где уже запущен доминирующий над душами механизм рефлексов и инстинктов. Против этого механизма, действующего в человеке, бесполезно обращаться к разуму, которого нет, чувствам, которые огрубели, воле, которая обмякла и слепа. Это вызовет только раздражение или насмешку. Если поколение уже «потеряно», то лишь целенаправленная целостная культурная политика, объединяющая вторичные институты социализации, создающая благоприятную социокультурную и информационную среду с учетом обстоятельств жизни способна минимизировать последствия политики 90-х гг. и сформировать иммунитет против разрушительных воздействий «вируса» денационализации.

Так для интеллектуальной целевой аудитории предлагается изысканный «культурный продукт». В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в 2019 г. прошла выставка «Фрэнсис Бэкон, Люсьен Фрейд и Лондонская школа» где были представлены работы британских художников, абсолютно чуждые духу отечественной культурной традиции. Организаторы выставки позиционировали экспозицию следующим образом: «Впервые российский зритель получит возможность познакомиться с уникальной и наиболее значительной главой в истории современного британского искусства, связанной с использованием художниками фигуративной живописи как средства выражения глубоко личного, чувственного и интенсивного переживания жизни». «Что мир может спасти только любовь!». О какой жизни и любви здесь можно говорить, если фундаментом выставки стал шокирующий Фрэнсис Бекон, известный сво-

ей гомосексуальной ориентацией, творчество которого можно считать символом философской эстетизации сексопатологии и трупofilъства, доходящее до кощунства, а также картины Люиса Фрейда (внука З. Фрейда), которой был одним из его любовников. Бэкон, один из самых дорогих художников, не получивший художественного образования, экспериментировал с различными родами деятельности, и его стиль — особое смешение собственного восприятия и ярких заимствованных образов, но главная тема его творчества — мотивы смерти, скорби и страдания, патологическое шокирующее смакование расчленения и разложения телесности. Ответ на вопрос, чего здесь больше — осуждения, протеста против извращенности человеческой природы или демонического наслаждения, остается за зрителями и критиками. Отдельным пристрастием для него была тема религиозная, в частности, священство и распятие Христа. Суть дьявольской природы его творчества обнаруживается в названии фильма о Ф. Бэконе: «Любовь — это дьявол. Штрихи к портрету», в основе которого лежит история об отношениях художника и его любовника Джорджа Дайера.

Вот лишь один из отзывов посетителей выставки: «Произведения художников, несомненно талантливых, собранные вместе под одной крышей оставляют тяжелое впечатление. Темой этих работ, как и всякого подлинного искусства, является человек, его бытие и место в мире. И оказывается, что в том мире, в котором жили эти художники, места человеку нет, как нет места и художнику. Только в виде искалеченного, морально и физически, существа может существовать творческий человек».

Сегодняшняя «духовная брань» разворачивается вокруг цивилизационного ядра и национально-культурного архетипа — духовно-эстетических нравственных ценностей, духовно-душевно-телесной «монады» («гена»), из которого Россия, как феникс из пепла, возрождалась каждый раз, благодаря наследованию исторической памяти и культурным достижениям, осмыслению

социального опыта и исторических уроков, цели своего существования. Таким образом, основной удар приходится по душевно-духовно-телесной иерархии и национально-государственно-религиозным институциональным взаимосвязям, направлен на нарушение их функциональности и единства. Национально-культурный цивилизационный архетип воспроизводит себя, живет благодаря внутреннему национальному духовному акту (И. А. Ильин), который является самым драгоценным наследием, главным признаком национальной и цивилизационной идентичности, национальному культурному «коду» (или «русской идее»), требует культивирования, сбережения и воспитания, выявления и осуществления во всех видах деятельности.

Один из замечательных православных писателей, автор многотомного издания «Православие и русская литература» Дунаев М. М. отмечал, ссылаясь на Вл. Соловьёва, что самоутверждение каждого безотносительно к другим есть коренное зло нашей природы: «Усугубляется самозамкнутость индивидуумов, неудовлетворенная гордыня все более терзает души. Люди мечутся, потому что самоутверждаются, а самоутверждаются, потому что сами не знают, чего им надо. Все это порождает смутное недовольство собою и жизнью; потребность утвердить себя над прочими, хотя бы самыми ближними, растет, принимая порою самые дикие и даже преступные формы. В пространстве торжествующего первородного греха все более искажаются благодатные дары Божии (*нытливый ум, твердая воля, художественный талант*), которые обожествляющий себя человек использует в служении злу и во вред себе»⁵⁵.

В свое время о творчестве Р. Вагнера А. Ф. Лосев написал: «Свобода, блаженство, наслаждение, смерть и фаталистическая предопределенность — вот что такое любовный напиток, так

⁵⁵ Дунаев М. М. Постмодернистские скандалы. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/203> (дата обращения: 03.07.2018).

гениально изображенный у Вагнера», тем самым выразив суть процессов современного искусства, являющихся продолжением эпохи «бури и натиска» и «философии жизни», парадоксально приведшие через безбожие к самоумерщвлению, ибо вдохновлены они демоническим духом.

Примером эстетизации абсурда с претензией на принципиально новое направление в искусстве, по сути продолжающее линию постмодерна, деконструкции, снятия традиционных табу, не просто беспредметности, но демонических сил, является творчество арт-группы AES+F, соединяющее грандиозные видеоинсталляции, скульптурные группы, масштабные постеры и арт-объекты. Их выставки регулярно проходят по всей России и за рубежом, широко представлены в пространстве интернета, активно продвигаются либеральным творческим сообществом, ориентированным на так называемое современное креативное искусство⁵⁶. В 2019 г. прошли их масштабные выставки в Казани и Санкт-Петербурге. Их анонс гласит: «Мистические миры AES+F выстраиваются на глубоком понимании иконографии, аллегорий и сюжетов истории классического искусства. Транслируемые через ультрасовременный социокультурный контекст, они открывают свои двери каждому зрителю, жаждущему разгадать гипнотическую игру смыслов. AES+F, как настоящие визионеры, не просто обнажают глобальную ситуацию, в которой находится наш мир сегодня, но и предсказывают то, что наступит уже завтра. Богатый визуальный язык арт-коллектива, совмещающий в себе эстетику барокко и маньеризма, создает серию ярких гипертрофированных образов, в которых с необходимой долей иронии можно найти себя. Сюрреалистические фантасмагории, гипнотизирующие зрителя, погружают его в метапространство, где привычные категории добра

⁵⁶ Телеканал «Культура». URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/62218/episode_id/2170681/video_id/2188690/viewtype/picture/ (дата обращения: 12.05.2021).

и зла, красоты и уродства, богатства и бедности, порока и благодетели утрачивают свою императивность»⁵⁷.

Выдержка из самопрезентации (анонса) дает представление о том, какой имидж они хотят создать в сознании аудитории для ее привлечения, но это отнюдь не означает что декларируемые цели являются подлинными, ничего не говорится о конкретном содержании представленных образов. Игра со смыслами (отказ от ценностных императивов) позволяет самому зрителю грузить любое аксиологическое содержание и расставлять акценты. Одна важная оговорка — если он на это способен и готов к этому. Один из законов пиара гласит: если текст может быть понят неправильно в силу двусмысленности, то он будет понят неправильно. Реальное впечатление о ценностях их творчества складывается при непосредственном восприятии, которое основано на почти магическом воздействии амбивалентных образов, отражающих разрушение устоев традиционного общества и культуры, констатируя новые тренды. Полисемантичность последней позволяет беспрепятственно транслировать «духовные» смыслы, упакованные в необычную виртуально-реальную форму, соединять несоединимое, вызывая те самые демонические чувства, где прекрасное, теряя нравственное, не перестает быть привлекательным и прекрасным, где безобразное и противоестественное обретает смысл, становится значимым и интересным, где дисфункции и перверсии таят в себе невыразимые смыслы. Это не просто очередной обман в современной оболочке хайтек, сродни тому, о котором писал Сальвадор Дали, раскрывая истинные мотивы своего сюрреалистического творчества. Здесь изощренное разрушение духовного мира человека предлагает эстетическое наслаждение от противоестественного

⁵⁷ Центральный выставочный зал «Манеж», Санкт-Петербург. URL: <http://manege.spb.ru/events/aes-f-predskazaniya-i-otkroveniya/> (дата обращения: 12.05.2021).

в сфере духа, где борьба с Истиной, Добром и Красотой не предстает как прежде, в лице откровенных Лжи, Зла и Безобразия, но как взаимное отрицание: чтобы быть красивым, приходится быть недобрым или лживым, чтобы быть правдивым, приходится быть безнравственным, чтобы быть добрым или красивым, приходится лгать. И все сдобрено легкой порцией иронии, поскольку юмор, смех всегда связан с намеренным преувеличением, искажением, несоответствием, дисгармонией. Однако, в отличие от плакатного Ложкина, работающего на уровне сознания, амбивалентность творчества которого не в глубине самих произведений, а лишь в возможности двусмысленного толкования зрителем их смысла (непонятно, чего здесь больше — обличения или насмешки), творчество AES+F более серьезно, оно затрагивает дух.

В работах AES+F особое место занимают дети, подростки, молодежь. Одним из отличительных признаков демонической природы антинациональных сил является воздействие на молодое поколение, особенно детей, по причине их еще социально-психологической и физической несформированности, наивности и незащищенности. В инсталляциях AES+F бросается в глаза контраст внешней детской невинности и чистоты с их вопиющими действиями (чаще всего, насилием). Тем самым, казалось, обращено внимание на разрушение одной из базовых основ человечества, смысла его существования — воспитание будущего поколения в любви, желание счастья своему потомству, без которого человека ждет неизбежное вырождение и вымирание. Это тема программы самоубийства человечества. Но вызывают ли эти инсталляции ожидаемое чувство жалости, отвращения или возмущения, как например, от полотен В. Г. Перова («Тройка», «Чаепитие в Мытищах» и др.)? Нет, они завораживают, гипнотизируют. Двусмысленность позволяет избежать ответственности, которая возлагается на зрителя. Остается впечатление безысходности, безжизненности и неизбежности

наступления безрадостного конца. Плавные замедленные движения, классическая неторопливая проникновенная музыка, загадочные картины как ребусы со всевозможными отсылками и цитатами погружают в состояние транса, медитации, сна, за которым чувствуется зловещее дыхание наступающей неизбежной смерти. Здесь есть некая *данность*, неизбежность, но без *заданности*, без того, что *должно быть*. Красивая музыка и красивые люди как бы вопрошают «Что с нами происходит?», «Что делать?» и «Кто виноват?» (извечные русские вопросы). Возникает некий парадокс картин и актеров, задействованных в инсталляции, которые вроде живые, благодаря видеосъемке, но оказываются еще более мертвыми. «Ребенок и смерть» — казалось, что может быть более несовместимо? Это противоречит фундаментальному архетипу, но внедряется в сознание в благоприятной упаковке в особом режиме с нейтральным или положительным раздражителем для последующего еще большего подкрепления.

Вот например российская драма «Бык» — обладатель главного приза «Кинотавра» 2019 г. за лучшую операторскую работу и Гран-при МКФ в Карловых Варах, представляет детализированный срез эпохи 90-х, вдохновленной зарубежными образцами криминального жанра в припанкованно-приблатненной форме. Это откровенная отсылка к фильмам Балабанова и разного рода «перестроечной» чернухе. Краткий синопсис: «Девяностые. Время свободы, видеосалонов, первых рейвов, а еще разрухи и разгула преступности. Молодой лидер банды Антон Быков по прозвищу “Бык”, как и тысячи его ровесников, пытается любыми способами найти свое место в жизни, а также обеспечить семью. <...> На экране — разнузданное “мясо” и персонажи, отлично памятные всем, кто сумел выбраться из тех времен живыми». Большинство артефактов давно уж нет (*панк-концерты, «стрелки», качалки, погромы рынков, ночные клубы, бандиты*). Однако, зритель не может не понимать, что, по сути, девяностые никуда не делись и могут вернуться в любой момент, поскольку «дракон»

живет внутри каждого⁵⁸! Всегда важен смысл и производимый эффект — создаваемый образ русского человека и российской действительности становится мощным инструментом негативно-го формирования собственной идентичности. Если нет побуждающей силы к преображению и выходу из тупика, то нет надежды.

С криминальным «быком» мог бы поспорить патриотический «Балканский рубеж». Однако, будучи несовместимыми, разнонаправленными в своих духовных посылах на фоне друг друга они более отражают современный механизм разрушения, связанный с шизофренизацией, созданием ситуаций абсурда, дезориентацией сознания, неразрешимыми противоречиями, чем противостоянием идеологий и мировоззрений, где есть великий смысл и надежда.

Все это — в русле одного из главных трендов современного западного кинематографа и эстетики в целом, знакового с духовной точки зрения и являющегося маркером для различения ценностей и понимания сути происходящего. Это смешение трагического и комического, высокого и пошлого, ненависти и любви, добра и зла, свободы и фатализма, смерти и наслаждения в особый, с привкусом сексуальности, коктейль, приносящий блаженство. Это формирование потребности в наслаждении и упоении дьявольским духом противоестественного в человеке, ведущего его к гибели. На все это тратятся огромные суммы, в этом задействуются лучшие режиссеры, сценаристы, актеры, они удостоиваются множества престижных наград, вокруг создаются немыслимые PR-компании, реклама, на них работают мощные медиаресурсы.

Самые популярные режиссеры фильмов и сериалов творят в ключе «черного юмора» (К. Тарантино, Братья Коэны, сериал «Фарго» и пр.). Из раскрученных новинок 2019 г. показательны

⁵⁸ Итоги 2019 года : семь лучших российских фильмов по версии «Кинокра-
тии» // URL: <https://rg.ru/2019/12/29/itogi-2019-goda-sem-luchshih-rossijskih-filmov-po-versii-kinokratii.html> (дата обращения: 12.05.2020).

в этом смысле фильм «Однажды в Голливуде» и сериал с символическим названием «Предприятие “Божий дар” — кто грешен, тот и свят» по книге мэтров английской фантастики Т. Пратчетта и Н. Геймана, где в легкой и веселой форме, с британским юмором рассказывается о скором Апокалипсисе.

Даже по темам, качеству, смелости кардинально отличающиеся от основного телевизионного потока, завоевавшие признание критиков и аудитории отечественные сериалы последнего времени «Домашний арест» П. Буслова и С. Слепакова, «Обычная женщина» Б. Хлебникова и «Звоните ДиКаприо» Ж. Крыжовникова, сделанные в лучших традициях кинематографа с почти гоголевскими характерами, в великолепном исполнении актеров, продолжают ту же линию. Это все равно гротескное, почти шокирующее сочетание иронии и лирики, любви и ненависти, предательства и преданности, порока и добродетели, самопожертвования и малодушия, где соединяется несоединимое, противопоставляется сопрягаемое, унифицируется то, что должно быть различимо, а значит, осуществляется деконструкция духовно-информационного пространства. Показанные национальные образы героев нашего времени трагикомичны и безысходны.

Одна из самых модных категорий сериалов — мистическая, где есть загадка, но отсутствует смысл, на поиске которого построен сложный запутанный сюжет, как, например, в сериале «Мертвое озеро». В итоге отсутствует развязка и нет никакой системы, хотя выясняется, что сложная, неподвластная разуму, неизмеримая система все-таки присутствует, и это, как ни парадоксально, и есть система. Пересматривать такие сериалы бесполезно и бессмысленно, как знаменитый американский сериал *Lost*. Они нацелены на то, чтобы лишить человека веры в собственный разум, разумность вообще, на расчеловечивание *homo-sapiens* (как разумного существа), в то, что разум человека способен понять что-либо. Тем самым «обессиленный» разум обречен подчиниться демоническим силам, злой воле или низменным чувствам.

В сериалах о сегодняшнем дне (например, сериал «Шторм») вслед за героем, следователем Градовым (наш отечественный «супермен», Грязный Гарри и Бэтмен в одном лице), непреклонным и решительным, который идет напролом, зритель погружается в ситуации неразрешимых жизненных конфликтов, в которых сталкиваются моральные принципы. Здесь приходится выбирать между любовью к ближнему и чувством долга, создается атмосфера неразрешимости и отчаяния, ожесточенной борьбы, в которой побеждает лишь сильнейший, но не всегда правый.

Важнейший вид искусства и сфера воздействия на детей и молодежь — это музыка. Последнее время традиции народных песен и высокие образцы отечественной эстрады постепенно стали отвоевывать достойное место на телеэкране, однако до реальной победы далеко. И дело здесь не только в желательности преобладания песен на русском языке, хотя даже в музыкальных конкурсах (например, «Голос») соотношение русскоязычных песен и песен на иностранном языке стало примерно 50 на 50. Важно содержание репертуара, направление и стилистика исполнения. Проект «Голос» — наглядный показатель. Увы, это по-прежнему предпочтение конкурсантами и судьями (за исключением Пелагеи) джаза, зарубежной стилистики, песен на английском языке. Еще один проект Первого канала, позиционирующий себя как отечественный, национальный — это «Три аккорда», так называемый «русский шансон», предлагающий, за небольшим исключением, фактически блатной репертуар. Здесь образы уголовника, выпивохи и гуляки или непотребной женщины, стервы и блудницы представляются как типично национальные, русские. **Народность** подменяется **простонародностью**, связанной с невоспитанностью, необразованностью, невежеством, грубостью, хамством.

В качестве творческого молодежного креатива предлагается русский рок, засоренный матом. Война за чистоту «великого и могучего, правдивого и свободного» русского языка не утихает. И здесь малейшее отступление, легализация даже одного слова,

которое ранее считалось неприличным и непечатным, равносильно поражению в войне. Ведь матерный язык — это язык преступного мира, а самым главным преступником, согласно православной традиции, является дьявол, отец лжи и беззакония. Сквернословие приводит к криминализации сознания, хулению Бога. В Новом Завете сказано, что вначале было слово, самого Спасителя называют Божественным Словом. «...Злоречивые... Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6; 10). Слово — это дар Божий, то, что уподобляет человека Создателю. Одним творческим словом Господь создал наш мир, вселенную, землю, небеса, людей, животных. И словом любимое создание Божие пытается оскорбить все творение Божие. А Писание говорит: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе...» (Еф. 4; 29).

Характерным явлением и методом продвижения чуждых идеалов и моделей поведения стал так называемый русский рэп и хип-хоп. Показательным является недавняя премьера фильма о нем, который снимался без малого семь лет. Режиссер картины — Рома Жиган (имя звучит как уголовная кличка, отсылка к блатной песне «Жиган-Лимон, мальчишка симпатичный» М. Круга). «Жиган» в блатной среде — это уличный хулиган, преступник, неуловимый и изворотливый, любит хорошо погулять на широкую ногу, хорошо одет, любвеобилен. Этот образа-мифологема давно внедряется в сознание в качестве национального «героя» внутри страны, запущен и гуляет в качестве типичного представителя «русской мафии» и страшилки на Западе. В анонсе фильма сообщается, что «BEEF: Русский хип-хоп» — редчайшее и даже уникальное исследование российского хип-хопа с самыми яркими его представителями, теми, кто были первопроходцами и кто сегодня создают тренды в музыке, стали кумирами, чьи видеоклипы якобы собирают миллионы просмотров, и лучшие представители «хип-хоп комьюнити» — одни из немногих, кому удастся сделать ***sold out*** (здесь характерная амбивалентность: эвфемизм, упакованный в англицизм, для того чтобы спрятать слово «про-

дано», одновременно как бы придав ему оттенок благородства, а с другой стороны, подчеркивающий, прибыльность, коммерческую сторону данного явления, что это бизнес) в «Олимпийском». Картина показывает весь путь русского хип-хопа от андеграундных выступлений и квартирников до огромных стадионов. В анонсе заявляется, что, благодаря фильму, «зритель поймет истинный облик жанра и ответит для себя на вопрос, как хип-хоп завоевал сердца современного поколения, стал музыкой номер один, успел возглавить все мыслимые хит-парады». Утверждается, что, посмотрев это кино, «вы заговорите с современным поколением на одном языке. <...> В фильме принимал участие легендарный рэпер COOLIO и обладатель статуэтки Grammy Larry Sanders (L.V.). В фильме приняли участие: Баста, Каста, Тимати, Oxxxymiron, Скриптонит, Децл, Шефф, Лигалайз, Птаха, Гуф, L'One, ST, Krec, Каспийский груз, Big Russian Boss, Ресторатор, Noize MC, Вахтанг, Da Boogie Crew и многие другие».

Показательны имена — они не человеческие, клички, причем на английском языке. В этом сообществе повальное засорение англицизмами, замены русских слов там, где это отнюдь не критично. Употребление английского престижно, чего нельзя сказать о нормальном русском языке (зато модно, «прикольно», коверкание языка, использование жаргонизмов и неологизмов). Здесь налицо известные маркеры дьявольского почерка: маскировка, обман, самозванство, тщеславие (желание быть идиолом, достойным поклонения), главная мотивация нынешних звезд — успех и слава, в достижении которых — неразборчивость в средствах, блефовая самореклама. В подаче информации — претенциозность без особого обоснования, тезисы подкрепляются обилием видеоряда, сменой кадров, сюжетов. Божественная сила слова и мысли подменяется магией слова — слоганами и мемами. Они позиционируют себя как субкультура, которая якобы представляет альтернативу разрушительным контркультурам таким как готы и пр., хотя это, мягко говоря, не совсем коррелируется с названием альбомов

и песен (например, альбом одного из кумиров Мистера Малого и Ти-Джема — «Буду погибать молодым!»). Сами авторы фильма отмечают эволюцию старого русского рэпа в новой волне словами самих авторитетных рэперов: *«Раньше было много стихов, а сейчас чем глупее, тем лучше, это связано с тем, что рэп стал коммерческой индустрией, стремится завоевать как можно больше слушателей, особенно не разбираясь в средствах добиться успеха, хайпануть и срубить бабла»*. По признанию самих исполнителей и авторов рэпа, движущей силой, вызывающей непередаваемое, самое сильное ощущение, дающее возможность им жить — это сознание того, что твоя песня популярна, известна.

Кумиры этой субкультуры, хотя в фильме и дистанцируются от наркотиков, их осуждают, тем не менее, не отрицают, что прошли через это (например, Баста). Получается, что после того, как попробовал, якобы можно преодолеть, вылечиться. «Главное — осознать, что ты хочешь, сделать свой выбор». Понятно, что их «творчество» питается иной духовной средой, предполагает достижение искусственного состояния экстаза, господства подсознания и темного *иррационального* начала, а не разумно-светлого и *сверхрационального*.

Генеральный директор продюсерской компании, российского независимого лейбла⁵⁹ звукозаписи Black Star Пашу откровенно

⁵⁹ Бренд, созданный компаниями, занимающимися производством, распространением и продвижением аудио- и иногда видеозаписей (главным образом музыкальные видеоклипы и видеозаписи концертов) на носителях разных форматов (среди которых грампластинки, компакт-кассеты, компакт-диски, мини-диски, SACD, DVD; с развитием интернета также получили популярность цифровая дистрибуция и потоковые трансляции мультимедиа). Лейблы звукозаписи также обеспечивают соблюдение авторского права, поиск и последующее развитие новых музыкантов. Термин «лейбл звукозаписи» происходит от круглой этикетки в центре виниловой пластинки, которая отображает название производителя, а также другую информацию.

называет себя бизнесменом, а основателем и владельцем является хип-хоп-исполнитель и музыкальный продюсер Тимур Юнусов (Тимати). Все это в очередной раз подчеркивает, насколько коммерциализовано это явление, далекое от национальных традиций меценатства и подлинного искусства, хотя внешне позиционирует себя как протестное движение против унылой обывательщины, «попсы» и официоза. Но «хип-хоп стал и символом успеха: третьим по богатству (после Эндрю Ллойд Уэббера и Пола Маккартни) музыкантом мира в 2019 году оказался именно рэпер. В общем, хип-хоп сегодня больше ассоциируется с большими деньгами — такой же путь когда-то проделал и рок»⁶⁰. Здесь замечателен еще один маркер, характерный для дьявольского духа — маскироваться в разные одежды, но всегда оставлять свой опознавательный знак (отметину), амбивалентность которого дает возможность многозначности толкования или случайного совпадения. Последние времена становятся все более откровенными, и название Black Star неслучайно демонстрирует темную природу этого явления. Здесь отражается противоречивый смысл апокалиптических процессов: с одной стороны, зло, сбрасывая маски, более агрессивно и открыто ведет наступление, а с другой, добро имеет возможность делать свой выбор более осознано, смело и цельно вести борьбу.

Показательно, что несмотря на простоту ритма и мелодичность, аудитория хип-хоповских «песен» не поет, а только слушает и танцует, потому что главное здесь не мелодия (которой практически нет), а «рэп» и ритм: в этом потребительская нетворческая суть этого явления, аргумент в пользу имитации «народности». Еще один опознавательный знак. Часто это сверхскоростной речитатив — настоящие загадки, непонятные неподготовленному слушателю. В сочетании с ритмом и движением они представляют, по сути, технологию погружения в транс. Достаточно сравнить с

⁶⁰ Владислав Крылов. Уроки чтения : как хип-хоп завоевал мир // Известия, 16 сентября 2019.

их антитезой — народными песнями и частушками, певучими, мелодичными и одновременно ритмичными.

Вот подборка ключевых мемов из фильма о русском хип-хопе, выявляющая ценностные опоры и образы целевой аудитории, на которых держится данная субкультура, претендующая стать образом жизни нового поколения россиян.

Отрывки из интервью о русском хип-хопе: *«Такого еще не было», «Он захватил миллионы», «Он обладает объединяющей силой», «Это повстанческая сила и протестная культура», «Он обладает высоким энергетическим потенциалом, дает возможность реализовать себя», «Это огонь, это смысл, это жизнь! Это молодость! Это убеждения! Это движение!». «Это культурный шок, это невероятно!», «Это был бред, но нам нравилось!», «Начали с танцев. Понравилась вибрация, ритм!», «Рэп не требовал особых профессиональных навыков, образования. Он народный!», «Главное — это рвение и любопытство», «Доступность», «Возможность выразить что угодно и самого себя», «Это образ жизни и мышления».*

Еще Вл. Соловьёв писал, что «если в неорганическом веществе дурное начало действует только как тяжесть и косность, то в мире органическом оно проявляется уже как смерть и разложение (причем, и тут безобразие не так явно торжествует в разрушении растений, как в смерти и разложении животных, и между ними у высших более, чем у низших), а в человеке оно кроме более сложного и усиленного своего проявления с физической стороны выражает еще и свою глубочайшую сущность как нравственное зло»⁶¹.

В интерпретациях современных явлений в искусстве доминирует западная парадигма. Нет осмысления через призму духов-

⁶¹ Соловьёв Вл. Общий смысл искусства [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/16/p.1/index.html> (дата обращения: 10.09.2019).

ной борьбы. Философские обобщения ограничены или художественным (искусствоведческим) контекстом или в лучшем случае констатацией симптомов, с осторожностью в определении диагноза. В тотальной раздвоенности обнаруживается и все более доминирует фундаментальное противоречие человеческого бытия (божественного и греховного), которое не есть просто формально-логическое или «диалектическое». Навешивание на них ярлыка парадоксальности, неразрешимости, с одной стороны, свидетельство бессилия объяснить их в рамках существующей западной культурологической парадигмы. С другой, отсутствие приемлемого разрешения проблемы порождает у людей (на разных уровнях) внутренние конфликты, стрессы, комплексы, фобии. Все эти нестроения проявляются в самых разнообразных процессах дегуманизации, имеют при всей внешней непохожести именно этот общий корень. Конфликт с самим собой (между телом и душой) в духовно слепом человеке заканчивается его гибелью (одно пожирает другое). Более того, современному человеку вовсе не предлагается их разрешать: поначалу смирение, потом оправдание (как например, советы теледивы Екатерины Гордон регулярно призывать несчастливых жен к «здоровому эгоизму и не мириться с нелюбящими их мужьями», а поскорее с ними развестись), а затем для наиболее «продвинутых» можно упиваться, создавать на этом свой блог, стиль, тренд, моду, чуть ли не философию.

Феномены массовых арт-практик нового типа, таких как арт-мемы и демотиваторы, связаны с знаково-символическим характером сетевой сферы и возросшей семиотизацией цифровой среды, *интертекстуальностью*, но, что для нас важнее — *амбивалентностью* и эксплуатацией так называемой «мягкой силы».

Мем представляет собой высказывание с помощью общих мест и готовых слов. Для арт-мемов свойственен прием переноса значения одного объекта на другой, что отсылает к онтологии метафоры. В герменевтической концепции образ трактуется как

одновременно визуальный, пространственный и социальный феномен (медиальность, пространственность, перформативность). Ограничения семиотической модели образа стали очевидны большинству современных исследователей⁶², но далеко не всеми принимается христианская трактовка образа.

Медиатизации всех сфер человеческой жизни обеспечивает индивида виртуальной коммуникацией, инструментами активного конструирования мира как «набора образов» и в то же время регламентирует вопрос их выбора, открывшиеся исключительные возможности интерактивности в новых медиа и открытого доступа к множеству медиаэлементов, которые можно комбинировать до бесконечности создавая новые культурные смыслы и среды⁶³.

Важно то, что имеет место не просто соревнование художественных стилей или направлений, вкусов и амбиций, идеологий или социальных экономических интересов, но противостояние мировоззрений и цивилизаций. Один из эффективных механизмов разрушения национально-культурной идентичности нацелен на то, чтобы вбить клин между поколениями, обесценить, опошлить священные дорогие старшему поколению символы, связанные с великими историческими событиями и верой. Литературные и сказочные образы, знакомые с детства, подвергаются искажению, опошлению. Особая роль в этом принадлежит смеху, в котором, благодаря мемам и демотиваторам, может свободно поупражняться любой. Механизмы воздействия их на индивидуальное и общественное сознание представляют собой актуальные вопросы, поэтому существует серьезная проблема декодирования их семантики и влияния.

⁶² См.: *Ершова Д. Е.* Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации. Дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Ершова Дарья Евгеньевна; [Место защиты : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. СПб., 2018.

⁶³ Там же.

Одним из действенных инструментов разрушения национальных ценностей, в частности для конструирования карикатурного образа России, используется наследие русской классики. Переворачивание негативных образов, представление их в нужной интерпретации как типичных не только для того или иного периода истории России, а вообще для русского народа, его бытия и культуры — является излюбленным методом. Как известно, критический реализм классической русской литературы и образов, созданных художниками-передвижниками, был направлен на изживание пороков и недостатков, сообщал не только то, что есть, но прежде всего о том, чего не должно быть.

Сегодня обличение порока превращается часто в развлечение, «выпуск пара» и его формат предполагает смех. Современные искусства и медиаинформационное пространство все более имеют своими истоками не любовь, а иронию, которая всегда была оружием. Данный факт либеральными исследователями культуры фиксируется как положительный, интерпретируется как «переход постмодернизма к новым художественным формам и новому концептуальному наполнению, который обозначают термином *метамодернизм*, предложенный голландскими культурологами Т. Вермюленом и Р. ван дер Аккером»... Признание метамодернизмом высказывания, наделенного сразу двумя взаимоисключающими характеристиками: иронией и искренностью, открывает, по их мнению, новый этап художественной интерпретации. С точки зрения исследователя, «в свете концепции метамодернизма, различные визуальные трансформации классического искусства получают верное культурологическое толкование»⁶⁴. Например, арт-мемы появляются не просто как

⁶⁴ См.: Ершова Д. Е. Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации. Дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Ершова Дарья Евгеньевна; [Место защиты : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. СПб., 2018.

современная форма насмешки и издевки над классикой, но отражение «тотальной раздвоенности современного сознания, одновременно тяготеющего к оптимизму и сомнению, апатии и энтузиазму, фанатизму и иронии и т. д.». Достаточно упомянуть ставшие широко известными благодаря Youtube и раскрученные либеральными МСК проекты политической сатиры с участием актера Михаила Ефремова, представляющие собой своеобразный формат арт-мема уже на сцене. С одной стороны, дается достаточно верное их описание: «Когнитивно перегруженное сознание интернет-пользователя, привыкшее иметь дело с заимствованиями и симулякрами, воспринимает оригинальные произведения искусства с трудом, сила и масштаб их воздействия нуждается в своего рода защитном экране. В деконструированном виде они значительно органичнее вписываются в стандартную новостную ленту, представляющую собой череду сменяющихся обновлений социальных сетей Facebook, Google, Instagram, Tumblr, выстраивающихся в глобальный гипертекст. Арт-мемы подстраиваются под ожидания среднестатистического юзера, выдавая порцию арт-продукта в удобной для усвоения форме, а процесс восприятия искусства делая простым и комфортным. Повсюду преследующий навязчивый призыв <...> "Наслаждайся!" распространяется и на сферу духовного. Этика тотального гедонизма приводит к отказу от трудной и кропотливой работы по освоению сложного многоуровневого языка классического искусства, а традиционные схемы и модели восприятия теряют свою актуальность в новой цифровой среде»⁶⁵.

Действительно, арт-мемы стали одним из важнейших медиа-феноменов современности благодаря ясности их визуального языка, смысловой доступности и удобству ретрансляции в сфе-

⁶⁵ См.: *Ершова Д. Е.* Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации. Дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Ершова Дарья Евгеньевна; [Место защиты : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. СПб., 2018.

ре сетевых сообществ. Конечно, можно и нужно наслаждаться духовностью, но одним из критериев ее подлинности является состояние РАДОСТИ, которое она вызывает! Какие чувства двигают создателем арт-мема и какие чувства он пробуждает, сеет ли он семена «разумного, доброго, вечного» или запускает «вредоносный вирус», который начинает гулять по бескрайним просторам интернета? Все это остается на его совести, становится поводом для комментариев и репостов «юзеров», но может и должно стать предметом интерпретаций ответственных экспертов, объектом государственной культурной политики.

Исследователь этого феномена справедливо констатирует: «Одно из важных свойств арт-мемов — это способность отражать актуальные общественные настроения. Конкретный мем признается пригодным для ретрансляции, если он располагает потенциалом эмоционального воздействия на реципиента и стимулирует общественный резонанс. Сетевой автор ставит провокативные задачи, он стремится активизировать зрительское внимание, спровоцировать его эмоциональные реакции. При этом идеи, потерявшие актуальность и остроту, моментально теряют пользовательскую поддержку и исчезают с культурного горизонта»⁶⁶.

Арт-мемы характеризуются подходом: «Долой все границы и запреты!» Очень часто используется ненормативная лексика и острые провокационные приемы. Это символизирует освободительный порыв — говорить об искусстве может каждый желающий, независимо от уровня подготовки и наличия специального образования. Говорить можно все что угодно, можно проецировать свой личный жизненный опыт и затрагивать абсолютно разные темы. Внешне это выглядит как совершенно несерьезная игра, но за эксплицитным уровнем иронии хранятся множест-

⁶⁶ См.: *Ершова Д. Е.* Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации. Дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Ершова Дарья Евгеньевна; [Место защиты : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. СПб., 2018.

во значимых общественных дискурсов, формирующих серьезные ценностные установки. Ершова отмечает: «...сопоставление всего со всем: скульптуры и живописи, архитектуры и природных форм, мужчины и женщины и т. д. — является характерным приемом современных авторов. Их цифровым коллажам свойственен симультанизм, выраженный в идеях проницаемости мира, эфимерности, неустойчивость предметных границ. На стыке двух визуальных образов возникают новые смыслы, обогащающие привычные матрицы восприятия». Однако выводы, которые делает исследователь из данного описания арт-мемов, более чем сомнительны. По ее мнению, «популярность и влияние арт-мемов свидетельствует о востребованности их художественных принципов (??? — *здесь и далее прим. Ю. З.*) и важности концептуального значения (???). Идеи ревизионизма, выявления архетипических противоречий и самоирония, открытость и диалогизм, подчеркнуто игровое начало и экспериментальное новаторство привлекают миллионы пользователей по всему миру к процессу создания, трансформации и ретрансляции арт-мемов (*но тем они опаснее, если содержат разрушительный духовный посыл и девальвируют творческий процесс!!!*). Арт-мемы открывают новые коннотационные грани произведений искусства прошлого и актуализируют их содержание в современной социальной действительности (???). Феномен арт-мемов — это амбивалентное явление сетевой культуры. Оно несет как положительный демократический настрой, поскольку позволяет приобщить к искусству широкие массы интернет-пользователей, так и угрозу подмены подлинных способов познания художественных произведений суррогатными»⁶⁷. В такой интерпретации потенциал реализации ценностной, ми-

⁶⁷ См.: Ершова Д. Е. Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации. Дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Ершова Дарья Евгеньевна; [Место защиты : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. СПб., 2018.

ровоззренческой функции искусства по сути не рассматривается, не говоря о прямой угрозе эстетическому и нравственному развитию. Неспособность создать свое, двойничество, обезьянничанье, карикатурность, пародийность, примитивизм — все это может быть первоначальной стадией творчества, но при условии саморефлексии, отчета себе в этом, без претензии на нечто большее. А показатель востребованности, популярности может быть главным критерием лишь в массовой культуре со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Провозглашенная руководством страны национально-патриотическая линия отнюдь не мешает присутствовать русофобии в культурно-информационном пространстве. Правда, теперь не столь грубо, как это было в 90-е гг. Теперь она имеет эстетический окрас с элементами юмора и сатиры. Этому способствует искусственно созданная ситуация двусмысленности и свободы интерпретаций, навязанный тренд полисемантической культурного контента как признак настоящего современного искусства и культуры. Он носит беспредметный внеценностный (какой угодно) характер, что позволяет внедрять в сознание враждебные национальному культурному коду идеи и ценности.

Механизм разрушения ценностей не лежит на поверхности, внешне предстает не обязательно как крайне либеральный, антигосударственный, антиправославный или антинациональный. Его главная функция: мимикрировать и эволюционировать, как вирус, в зависимости от конъюнктуры, среды, настроений в свои антитезы, представлять в «белых одеждах» общественного блага, демократии, свободы, государственного патриотизма, религиозности, национальных интересов. Поскольку его природа духовно-демоническая, то он может быть обнаружен прежде всего на уровне глубинных смыслов, духовно-нравственных ценностей и соответствующих институтов.

В личных смыслах — это последовательное отрицание духовной природы и сущности, заложенной в каждом человеке, непри-

ятие высшей врожденной потребности в цельности, совершенстве, естественного стремления к богоподобию, т. е.

- отрицание естественного желания абсолютной ПРАВДЫ (не просто условной относительной истины как результата временной договоренности и расчета, а как объективной сущности);
- отрицание внутренней потребности в абсолютном ДОБРЕ (как высшей благой деятельности, а не временной конъюнктурной цели и соответствующих ее достижению средств);
- отрицание потребности в абсолютной КРАСОТЕ (как абсолютной вечно живой гармонии).

Задача враждебных сил состоит в том, чтобы дезориентировать, запутать основную массу людей, представить человеческую историю, и российскую особенно, как не имеющую никакого высшего духовного смысла, единой связи и логики, кроме одного: ее история есть якобы борьба за свои интересы, где главными силами развития являются биологические и материальные потребности, а сфера культуры и духа вторична. Дух — хоть и драгоценный плод, но не более, чем продукт воображения. О том, что история любой личности, вся социальная история и геополитика складываются из борьбы духовных нечеловеческих сил и человеческой воли, т. е. то главное, о чем говорит практически все выдающееся наследие русской и мировой культуры — говорить об этом в информационном пространстве сейчас нежелательно, является признаком чуть ли не дилетантства. Создаются информационные поводы для отрицания объективной реальности духа, чему служит поток мистической мути, оккультных клоунов, астрологов, гуру, псевдоученых и полусумасшедших на таких телеканалах, как РЕН-ТВ (и даже центральных — шоу «Битва экстрасенсов»), а в интернете — в YouTube, цель которых инсинуация и дискредитация настоящей метафизики. Соблазняя неискушенную аудиторию, они слегка приоткрывают истину, но для того

только, чтобы наименее критичных совлечь на путь оккультизма, а большую часть за счет недостоверных данных и непроверенных источников отвести вообще от мысли, что дьявол и Бог реально существуют.

В сфере духовно-нравственных ценностей задача враждебных сил убедить объект воздействия, что рассуждать в логике «так есть, значит так должно быть» естественно. Ставится задача отрицать, принижать, замалчивать или сталкивать нравственные добродетели (смирения, любви, кротости, храбрости, трудолюбия, честности, целомудрия, умеренности, щедрости), а в соответствующих институтах и организациях (церковных, образовательных, научных, культурных, семейных) провоцировать и смаковать их дисфункции.

Это создание социально-психологических конфликтов как внутри самого человека: между телом и душой, между умом, волей и чувствами (хочется то, что не может, делается то, что не хочется), так и между человеком и микросоциумом, между человеком и обществом.

Интересно сопоставление духовно-эстетических аспектов в сравнении советского и современного российского на примере того, как сопрягаются мужское и женское в наследовании исторической памяти через художественные образы войны. Здесь выпукло отражается необходимость отойти от политически конъюнктурного и сугубо идеологического, не говоря о коммерческом, и выявлять прежде всего духовно-нравственное в единстве с художественным, эстетическим.

В советский период фильмы о войне содержали ряд особенностей:

- 1) все фильмы строго придерживались единой идеи, имели воспитательную функцию в духе патриотизма, подчеркивалась роль коммунистической партии и советского народа в победе над врагом, их единство;

- 2) выделялся героизм, стойкость, бескорыстие, великодушие и гуманизм простого советского солдата и труженика тыла;
- 3) подчеркивалось мудрость и полководческий гений командования, благодаря которым советская армия одерживала блестящие победы;
- 4) образ врага изображался однозначно негативно (фашисты как нелюди, которые не заслуживают пощады, которым не присущи человеческие качества). Другие отрицательные герои, как дезертиры, «власовцы», полицаи, также никак не оправдывались и получали однозначно негативную трактовку.

Сегодня, после мутного коммерческого потока, возвращаясь к патриотической тематике, важно найти свое лицо, не опускаясь до голливудского стандарта. Историческая память о Великой Отечественной войне сохраняется не только в музеях, исторических источниках, достопримечательных местах, мемориалах, в лице ее живых участников, но и в художественных образах искусства: живописи, скульптурах, кинокартинах, театральных постановках, литературе, где события и люди получают «вторую жизнь», причем особую — в лучшем своем выражении, духовно осмысленную через призму национальной идеи, т. е. историософскую. Созданные в советской отечественной культуре героические и трагические образы войны имели конкретное человеческое воплощение, не только «мужское и женское лицо», но душу и побуждали к преображению, выявлению высокого духовного смысла, чем всегда отличались от зарубежных аналогов, погруженных в ауру чувственной плоти, душевно-духовной расчлененности, безысходности, смертоносной агрессии и одновременно «хеппи-энда».

Например, созданные в советском отечественном искусстве женские образы войны выявляли подлинные смыслы не только идущего смертоубийства, но также выносили приговор человеческому существованию, построенному на насилии и нена-

висти, гордыне и зависти, обмане и властолюбии, жадности и сладострастии. Злобе, страху, гордыне и духовной немощи здесь противопоставляется самоотверженная благодатная любовь женщины, ее надежда и вера, придающие смысл и силу мужскому доблестному несокрушимому началу, ведущему к Победе. На картинах А. Пластова это замечательные, почти иконописные лики крестьянок, вынесшие на своих плечах тяготы войны, это и светлые, потрясающие до глубины души героические образы девушек из к/ф «А зори здесь тихие» С. Ростоцкого, это и летчицы из к/ф «В бой идут одни старики» Л. Быкова, позволившие показать максимально абсурдность войны, это и героиня знаменитого фильма М. Калатозова «Летят журавли». Чувственная и земная Вероника, гениально сыгранная Т. Самойловой, наперекор упрекам, что, мол, не дождалась своего любимого, который кровь на фронте проливает, казалось, подвергает сомнению понятие «социалистической морали» и дает вполне человеческое объяснение тому, что раньше подвергалось осуждению. Фильм приоткрывал подлинные причины людских скорбей и трагедии войны вообще: отнюдь не материальные, а духовно-нравственные — предательство, сладострастие, малодушие, корысть, черствость. Идеология, где «бытие определяет сознание», уступает место духовным законам жертвенной любви и верности, совести и чести. Происходит искреннее покаяние, дающее надежду на преображение. Глубоко гуманистический потрясающий фильм, содержащий христианские по духу отсылки и параллели, хотя и создан в атеистической советской стране с материалистическим мировоззрением, очищен от казенной стилистики и обращен в вечность. Здесь соцреализм обрел новые возможности, доказывая, что может быть универсальным, понятным всем в мире. Не случайно этот фильм получил одиннадцать международных наград.

По духовно-нравственной глубине, реализму и силе воздействия все они сопрягаются с другой потрясающей кинодрамой Ларисы Шепитько «Восхождение» по повести В. Быкова «Сотни-

ков», повествующей о двух белорусских партизанах, попавших в руки полицаев, где представлен образ молодого мужчины, одерживающего победу не грубой силой, а величием духа и восхождением на «крест». Символично, что идея вечного выбора человека между путем Иуды и Христа воплощена именно режиссером-женщиной, сумевшей художественно выразить главный смысл идущего противостояния, который не во внешнем столкновении политических систем, идеологий, военной мощи, а борьбе между Богом и дьяволом в душе человека. С другой стороны, наши великие режиссеры-мужчины, обращаясь к теме войны, парадоксально оказались, может быть, наиболее совершенны именно в выражении сути войны через женские образы.

Нельзя не отметить знаменитую телеэпопею «Вечный зов» по роману А. Иванова, где несколько поколений мужских и женских образов, связанных семейным родством, обрели поистине историсофское звучание на фоне исторических событий, главным из которых стала Великая Отечественная война, выявившая суть каждого, стала испытанием и искуплением грехов, преображением и очищением для одних, мытарством, скорбью и потерями для других. Здесь выявляются подлинные ценности мужественности и женственности, состоящие не в сексуальной привлекательности, жестокости или чувственности (брат Федор, Вера (дочь Кирьяна Инютина), Анфиса), а в верности, преданности и бескорыстной любви (Семён (сын Фёдора Савельева и Анны), Агата (жена Ивана), брат Иван).

Величественный женский образ Родины-Матери на Мамаевом кургане и мужской образ Георгия Победоносца сейчас являются собой символы национального архетипа и правой силы. Они, казалось, дополняют друг друга. Но грозная земная мужская сила уравнивается религиозным характером образа и органична, тогда как женская любовь с мечом в руке противоестественна и церковь Покрова на Нерли более греет душу, выражая сакральную идею женского предназначения — быть хранительницей

мира и чистой любви. Замечателен еще один женский образ в одном из лучших фильмов о войне «Баллада о солдате». Это мать молоденького солдата, которая стоит у дороги и глядит с надеждой вдаль, ожидая, что сын вернется с войны живым — кадры, которыми заканчивается фильм, где немного военных действий, но есть все: и боль, и смерть, и голод, и страх, и героизм, и жадность, и предательство, и любовь.

Насколько современное российское кино о войне, пропитанное в свое время деструктивной идеологией, когда внедрялся в общественное сознание миф, что война была выиграна ценой напрасных потерь, командиры были бездарными и трусливыми, а органы госбезопасности мешали воевать репрессированным командирам и благородным уголовникам, хорошо известно. Сейчас оно идет по пути романтической линии и юмора в сочетании с голливудским натурализмом, что ведет к очередному миксу и шизофринизации сознания.

Итак, современные арт-практики, отойдя от отечественной духовно-эстетической традиции, стали агрессивным вызовом русской культурной идентичности, разрушили границы классического и традиционного миропонимания красоты, стали специфической деятельностью, в процессе которой конструируются «новые миры», что приводит к изменению культурных стандартов, трансформации внутреннего мира человека, формированию новых сверхнациональных антитрадиционных систем ценностей и идеалов. Возникла ложная оппозиция: традиционное и классическое стали противопоставлять современности, всему новому, создалась иллюзия, что традиция и классика с современностью не совместимы. Следствием этого стало создание противникам актуального радикального искусства образа ретроградов, невежд и утвердившаяся практика финансирования современного искусства, прежде всего, в его антитрадиционном варианте или всего, что пользуется высоким «народным» спросом, безотносительно к ценностному содержанию и художественным достоинствам.

В практике употребления понятия «современное искусство» имеет место сразу несколько логических ошибок. Возникла коллизия, когда неправы обе стороны: критики современного «пост-модернистского» искусства понятие «современный» трактуют в смысле «временном», а не содержательном, при этом имея в виду антихудожественную ценность «двойника», а сторонники пост-модерна и арт-практик понятие «современный» интерпретируют его как «антитрадиционный», «неклассический», «нетривиальный», при этом полностью отказывая в необходимости содержательно-эстетической оценки произведения.

На самом деле классика и традиционное искусство противостоят в существенном отношении не современному искусству, а революционному (радикальному), позиционирующему себя как актуальное (якобы «современное»), а фактически конъюнктурное, новационистское, прикрывающее часто псевдоромантической революционностью свою творческую немощь и пошлость. Оно потому и кричит о своей «актуальности» поскольку уже обречено на небытие. Классика и традиция живут именно в современности, поскольку обладая неисчерпаемым потенциалом для творчества, предлагают действительно актуальные вечные образы, яркие и цельные, которые будут всегда востребованы, способные вдохновлять.

Неверен и тезис противников современных «эпатажных» арт-практик, что все «современное искусство — не искусство». Тем самым они идут у них на поводу и проигрывают, поскольку в этом случае могут «вместе с грязной водой выплеснуть и ребенка». Ведь искусство старых мастеров и школ поначалу было новацией, часто не принималось, а любая традиция имеет начало, с чего-то зарождается, причем часто — в борьбе с тривиальным, отжившим.

Таким образом, государство должно поддерживать все новое лучшее и сохранять наследие — лучшее старое, оставляя историкам принадлежащее прошлому, включая старое бездуховное

и активно бороться с современной радикальной бездуховностью и воинствующим новационизмом, антиэстетизмом, вседозволенностью и бессмысленностью «актуального современного» искусства, актуального для «бескультурной» массы и псевдо-духовной элиты. Должен быть здоровый консерватизм в сочетании со свободой творчества, вдохновением. Принципиально в оценке того или иного направления различения временного (старого и нового), ценностно-содержательного — творчески-преобразующего (духовно-содержательного, свободного, уникального, чувственно-воспринимаемого, прекрасного, технически-совершенного), бездуховного (бессодержательного, нравственно-индифферентного или пошлого, ординарного, стандартного) и различных модусов искусства (народное / авторское, революционное / консервативное, элитарное / эгалитарное и т. п.), не говоря уже о жанрах, видах.

Должна быть поддержка современного традиционного искусства и классики, художников и творческих проектов, развивающих традицию и создающих новые произведения, соответствующие духовно-нравственным и эстетическим ценностям российской цивилизации и мировой культуры так, чтобы они были востребованы, находить черты вечного (первообразов) в современных фактах действительности, побуждающих к преобразению, созданию новых ярких живых образов и произведений. Традиция и классика не просто совместимы с современностью, но более того, только и могут считаться таковыми, поскольку востребованы всегда, конкретизируют вечные ценности, актуальны для всех времен и народов. Создание благоприятных организационных и финансовых условий для их выявления и воспроизведения — важнейшая задач государственной политики в этой сфере.

В практическом плане данная модель позволяет обеспечить:

- анализ полноценности с точки зрения наличия и взаимосвязи всех структурно-функциональных компонентов ценностного содержания процесса наследования;

- достаточную объективность в оценке вне зависимости от мировоззренческих ориентаций, идеологических и пр. идейных пристрастий;
- выравнивание объектов наследия по единому критерию, независимо от особенностей, ресурсов и уровня развития региона, дающее возможность определить потенциальную эффективность поддерживаемых Минкультуры проектов / продуктов / мероприятий;
- корреляцию проектируемых / реализуемых ценностей культурной политики с видами и направлениями культурных программ / мероприятий / продуктов, типами и видами культурной деятельности и сопряженных с ней сфер;
- необходимое сворачивание и блокировку получаемой информации до необходимого уровня сжатия с целью ее обработки.

4. Педагогические аспекты усвоения образов историко-культурного наследия и ценностного содержания (на примере структурного анализа историко-культурного стандарта и исторического образования в современной российской школе)

ПРОИЛЛЮСТРИРУЕМ использование предложенной модели культуронаследования на примере структурного анализа историко-культурного стандарта и ценностного содержания исторического образования в современной российской школе. Предмет исследования важен в контексте понимания механизмов реализации ценностно-ориентированной модели культурной политики в сфере образования, роли образов историко-культурного наследия как в достижении поставленных чисто образовательных целей, так и целей культурно-воспитательных, формирования творческой личности на основе присущей российскому обществу традиционной системы ценностей. Целью работы стал анализ образовательно-воспитательного процесса и использования образов культурного наследия на основе гипотетической модели культуры деятельности и ценностного содержания, разработка соответствующих критериев и показателей для проектирования и совершенствования учебной и преподавательской деятельности, призванных быть активной формирующей социокультурное пространство сил. Эмпирической базой послужили Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, до недавнего времени действовавший Историко-культурный стандарт, Примерные программы основного общего образования по истории, учебно-методические комплексы.

Исследование показало, что сложность проблемы обязывает строить учебный процесс целно, в единстве информационной

(рационально-понятийной), инструментальной (практической) и смысловой (мотивационной) составляющих. Представляется, что ценностная модель обучения в состоянии справиться с этой задачей. Переключаясь с компетентностным подходом, она его конкретизирует.

Гипотетическое выравнивание условий и уровня преподавания позволило выявить общедидактическую ценность образов культурного наследия как таковую, независимо от индивидуальных особенностей субъектов учебно-воспитательного процесса и конкретной педагогической ситуации. При этом сам образ обязательно нуждается в изначальной ценностно-смысловой интерпретации, которая предшествует его применению. Простое номинативное перечисление образов в программах и учебниках, на основе которых предполагается решение педагогических задач, оставляет решающее слово в этом вопросе за учителем или случаем, т. е. имеет место стихийное, а не системное целенаправленное формирование культуры в той или иной предметной сфере деятельности. При этом яркость образа и мастерство учителя, помноженные на современные педтехнологии и эффективные средства обучения, в случае искажения, неполноты или рассогласованности его ценностно-смыслового, информационного и инструментального содержания в ходе презентации могут привести к противоположному от запланированного результату.

Полноценность образа историко-культурного наследия, в отличие от других образов, состоит в том, что они наиболее цельны, интегративны, полифункциональны (но не полисемантичны), обращены ко всем, имеют общий духовный характер, т. е. целостны, во многом зависят от интерпретатора. Они концентрируют в себе ценностные культурные компоненты нации («великое в малом»), и чем более они насыщены общими духовным содержанием и смыслами, тем большим преобразующим воздействием обладают. Процесс наследования выстраивается как постепенное и мно-

гоэтапное обнаружение смыслов и погружение образов наследия в жизненную и культурно-образовательную среду.

Следует отметить следующие важные положительные черты в стандартах и примерных общих программах общего образования, произошедшие за последнее время в ходе реформ. Они являются существенными предпосылками для реализации разработанной структуры ценностного содержания образования. Прежде всего, это завершение перехода к педагогике сотрудничества и развивающей модели обучения: признание решающей роли содержания образования, способов организации образовательной деятельности и учебного сотрудничества в достижении целей личностного и социального развития обучающихся⁶⁸.

Учет особенностей возраста, успешность и своевременность формирования предметных компетенций познавательной сферы, качеств и свойств личности связывается с активной позицией учителя, а также с адекватностью построения образовательного процесса, выбором условий и методик обучения.

Отметим важность перехода от простого усвоения учебных действий, характерное для начальной школы и осуществляемое только совместно с классом, под руководством учителя как принятие заданной извне (педагогом) осмысленной цели, к овладению учебной деятельностью в единстве мотивационного, абстрактно-аналитического и практического компонентов, осуществляемое уже в форме учебно-исследовательской творческой деятельности, к новой внутренней позиции обучающегося — направленности на самостоятельный познавательный поиск, по-

⁶⁸ См.: Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // [Электронный ресурс] Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). — URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 10.11.2020); Примерные программы основного общего образования. // [Электронный ресурс] СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ — URL: <https://sudact.ru/law/primernaia-osnovnaia-obrazovatelnaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia/> (дата обращения: 10.11.2020).

становку и формулировку учебных задач, освоение и самостоятельное осуществление поисковых мыслительных действий, рефлексии и саморефлексии (контроля и оценки), инициативу в организации учебного сотрудничества.

В частности, это:

- ориентация на органичный переход с осуществлением на каждом возрастном уровне благодаря развитию рефлексии общих способов действий и возможностей их переноса в различные учебно-предметные области, качественного преобразования учебных действий: моделирования, контроля, и оценки и перехода от самостоятельной постановки обучающимися новых учебных задач к развитию способности проектирования собственной учебной деятельности и построению жизненных планов в перспективе;
- формирование у обучающегося научного типа мышления, который ориентирует его на общекультурные образцы, нормы, эталоны и закономерности взаимодействия с окружающим миром;
- овладение коммуникативными средствами и способами организации кооперации и сотрудничества, развитие учебного сотрудничества, реализуемого в отношениях обучающихся с учителем и сверстниками;
- изменение формы организации учебной деятельности и учебного сотрудничества от классно-урочной к лабораторно-семинарской, лекционно-лабораторной, исследовательской.

В соответствии с требованиями ФГОС ООО система планируемых результатов — личностных, метапредметных и предметных — устанавливает и описывает классы учебно-познавательных и учебно-практических задач, которые осваивают учащиеся в ходе обучения, особо выделяя среди них те, которые выносятся на итоговую оценку, в том числе государственную итоговую аттестацию. Успешное выполнение этих задач требует от учащихся овладения

системой учебных действий (универсальных и специфических для каждого учебного предмета — регулятивных, коммуникативных, познавательных) с учебным материалом и, прежде всего, с опорным учебным материалом, служащим основой для последующего обучения. В соответствии с реализуемой ФГОС ООО деятельностной парадигмой образования система планируемых результатов строится на основе уровневого подхода — выделения ожидаемого уровня актуального развития большинства обучающихся и ближайшей перспективы их развития.

Такой подход позволяет определять динамическую картину развития обучающихся, поощрять их продвижение, выстраивать индивидуальные траектории обучения с учетом зоны ближайшего развития.

В структуре планируемых результатов выделяются следующие группы:

1. Личностные результаты освоения основной образовательной программы, которые представлены в соответствии с группой личностных результатов, раскрывают и детализируют основные направленности этих результатов.
2. Метапредметные результаты освоения основной образовательной программы, представленные в соответствии с подгруппами универсальных учебных действий, раскрывают и детализируют основные направленности метапредметных результатов.
3. Предметные результаты освоения основной образовательной программы, представленные в соответствии с группами результатов учебных предметов, их раскрывают и детализируют.

Все указанные черты существенно важны в контексте понимания механизмов реализации ценностно ориентированной модели культурной политики в сфере образования, роли образов историко-культурного наследия как в достижении поставленных чисто образовательных целей, так и целей куль-

турно-воспитательных, формирования творческой личности с историческим самосознанием на основе присущей российскому обществу системы ценностей.

Особенно значим в этом отношении предмет истории в школьном образовании, призванный формировать национальную культурную и гражданскую идентичность. Однако создание целостной системы исторического образования, отвечающей современным требованиям и ценностно-ориентированной модели государственной культурной политики, далеко от завершения. Ведущиеся дискуссии о перспективах применимости в историческом образовании компетентностного подхода и определении структуры преподавания на основе⁶⁹ принципов концентризма или линейности не утихают, несмотря на действующие стандарты и, в частности, дорабатываемый историко-культурный стандарт, подготовленный в сентябре 2020 г. проект усовершенствованной Концепции преподавания «Истории России» и установку на преодоление негативных последствий чрезмерной вариативности и вольности исторических трактовок.

На практике в образовательных учреждениях РФ приоритетом образовательного процесса по-прежнему традиционно является усвоение знаний, а не умение применять эти знания. Всеобщая мировая ориентация на освоение компетентностного подхода предполагает, что в условиях информационной эпохи и постоянного обновления знания в первую очередь востребованным является приобретение учащимися опыта работы с разными видами источников информации, критического и творческого отношения к знаниям. Однако потребность в устойчивости и абсолютных ценностях в условиях нестабильности оказалась не менее важной.

⁶⁹ См.: Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // [Электронный ресурс] Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). — URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

Здесь задача найти сбалансированную модель между устойчивостью и развитием, единством и многообразием, специальными и общезначимыми знаниями, закрепившимися в общемировой культурной копилке в качестве фундаментальных, умениями и навыками их применения с учетом ценностно-смысловой составляющей, их объединяющей.

Применительно к истории задача была обозначена Президентом Владимиром Путиным. На заседании Совета по международным отношениям 19 февраля 2013 года он отметил, что учебники должны быть «рассчитаны на разные возрасты, но построены в рамках единой концепции, в рамках логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого». «Нужно на конкретных примерах показывать, что судьба России создавалась единением разных народов, традиций и культур». «Учебники для школы должны быть написаны хорошим русским языком и не иметь внутренних противоречий и двойных толкований. Это должно быть обязательным требованием ко всем учебным материалам»⁷⁰.

Нельзя не отметить положительные моменты историко-культурного стандарта, которые должны были сказаться при подготовке текстов соответствующей линейки школьных учебников в части реализации подхода к истории российской культуры как к непрерывному целостному процессу обретения национальной идентичности, не сводящемуся к простому перечислению имен и творческих достижений, но увязанному с логикой политического и социально экономического развития страны, необходимостью убрать взаимоисключающие трактовки исторических событий, акцента на доступности изложения и образности языка, включения в дидактический контент источников, раскрывающих суть событий через яркие и запоминающиеся образы. Особенно важ-

⁷⁰ Высказывания о концепции нового учебника истории ТАСС // URL: <http://tass.ru/info/754201> (дата обращения: 22.06.2018).

ным представляется культурно-антропологический подход, утверждающий роль личностей, общественных институтов и структур, социокультурных факторов и повседневности человеческой жизни, придание большего веса освещению проблем духовной и культурной жизни России, производству духовных и культурных ценностей, изучению культуры и межкультурного взаимодействия. Действительно, задача выработки сознательного оценочного отношения к историческим деятелям, процессам, явлениям и дискуссионным вопросам истории России должна опираться на соответствующий проблемный метод обучения и педтехнологии, который отнюдь не сводится к использованию информационно-компьютерных технологий или к учебнику, который должен «давать не только информацию и предлагать интерпретации, но и побуждать школьников самостоятельно рассуждать, анализировать исторические тексты, делать выводы и т. п.»⁷¹. Очевидно, здесь необходима последовательная реализация проблемного развивающего подхода в обучении, апробированного и зарекомендовавшего себя как наиболее адекватный и соответствующий декларируемому в историко-культурном стандарте культурно-антропологическому подходу, аксиологическим приоритетам и задачам формирования национально-культурной идентичности.

Анализ стандарта, программ и учебного материала выявил необеспеченность декларируемых принципов и подходов той единой методологической составляющей, которая способна предложить:

- концепцию структуры именно ценностного содержания, позволяющую формировать культуру деятельности в той или иной предметной сфере;

⁷¹ См: Историко-культурный стандарт. — URL: <https://spadilo.ru/wp-content/uploads/2019/07/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82.pdf> (дата обращения: 05.10.2019).

- конкретные формы существования этих ценностей, способные сосредоточить и выразить их национально-культурное своеобразие и общенациональный гражданский смысл.

Ценностное содержание в образовательно-воспитательном пространстве должно представлять в символических и ярких персонифицированных исторических образах персонажей (государственные деятелей, герои, творцы, ученые, изобретатели, художники), материальных и нематериальных объектов историко-культурного наследия (достопримечательные памятные места, памятники культуры и искусства, традиции, подвиги, великие национальные достижения). Хотя в историко-культурном стандарте они предполагаются, но, к сожалению, номинально и без должной интерпретации.

Естественно, это отразилось в Рабочих программах и тематическом планировании основных линеек. Задаваемое в начале каждого хронологического периода краткое пояснение предлагает общую ориентацию на трактовку процессов, событий и явлений в целом, основанную на принятой в исторической науке интерпретации описательного и фактологического характера, без раскрытия движущих сил, причинно-следственных связей и ценностно-смысловых характеристик. Разделы «Персоналии», «Понятия и термины», «События / даты» не проясняют ситуацию. Подробно перечисленные по историческим периодам процессы, имена, события и явления различных сфер жизни даны как призванные к усвоению дидактические единицы по-прежнему в форме знаний. Спрашивается, где же декларируемый компетентностный подход, единство «знаний, умений / навыков и ценностно-смысловых результатов обучения»?

Вот типичная цитата из стандарта по древнерусскому периоду: «Внешняя политика и международные связи Руси: отношения с Византией, печенегами, половцами, странами Центральной, Западной и Северной Европы. Древнерусская культура. Формирование единого культурного пространства. Кирилло-

Мефодиевская традиция на Руси. Письменность. Распространение грамотности, берестяные грамоты. Появление древнерусской литературы. Слово о Законе и Благодати. Произведения летописного жанра. Повесть временных лет. Первые русские жития. Произведения Владимира Мономаха. Архитектура и живопись. Повседневная жизнь, сельский и городской быт. Положение женщины. Дети и их воспитание. Картина мира древнерусского человека»⁷².

А вот пример из Рабочей программы курса истории России издательства «Просвещение», из раздела, где просто приводится перечень основных исторических персоналий: *«Государственные и военные деятели: Александр Невский, Андрей Боголюбский, Аскольд и Дир, Батый (Бату), Василий I, Василий I Тёмный, Витовт, Владимир Мономах, Владимир Святой, Всеволод Большое Гнездо, Гедимин, Даниил Галицкий... Общественные и религиозные деятели, деятели культуры, науки и образования: митрополит Алексей, Борис и Глеб, Даниил Заточник...»*. При этом непонятно, почему с XIX века в структуре персоналий, по вполне понятным причинам более детализированной, где особо выделены, например, промышленники, меценаты, путешественники, не говоря уже об объемном перечне общественных деятелей, науки и культуры, исчезло религиозное и образовательное основание для выделения? XIX век здесь представлен лишь двумя именами: Серафима Саровского, которого отнесли к деятелям культуры (?), и К. Д. Ушинского, отнесенного к науке — очевидно, педагогике. Налицо нарушение логики — либо в двусмысленности понятия «культура» (на разных этапах истории), либо в правилах деления понятий: члены деления должны исключать друг друга.

До XIX века в перечислении персоналий предыдущих столетий религиозные деятели не фигурируют как деятели культуры. Может быть, авторам учебника издательства «Просвещение» ока-

⁷² См.: Историко-культурный стандарт.

залось затруднительно включить в перечень исторических персоналий XIX в. такие фигуры, как митрополит Филарет, Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник по причине отсутствия вообще такого понятия, как русская духовная традиция и духовная культура? Среди основных понятий и терминов в Программе со словом «духовный» есть только одно словосочетание: «Духовные управления (мусульманские)»⁷³.

Не удивительно, поскольку в историко-культурном стандарте терминам «духовный» и «традиция» также не повезло.

При сугубо фактологическом позитивистском основании и боязни интерпретаций возможна какая угодно интерпретация. Это достаточно яркий пример духовного родства внешне противоположных позитивизма и постмодернизма. «Крайности сходятся». Важно, чтобы задача формирования гражданской общероссийской идентичности, решение проблем взаимодействия государства и общества, общества и власти находили яркие конкретные образные насыщенные формы, обращенные к высоким духовно-нравственным чувствам и глубоким смыслам, побуждающим к совершенству, пониманию высших ценностей любви, красоты, веры, свободы, Родины, семьи, правды, справедливости, правопорядка, национальной традиции. Вокруг этой мировоззренческой задачи должны быть объединены все частные предметные компетенции. Например, установка на формирование у учащихся «ценностных ориентаций, направленных на воспитание патриотизма, гражданственности и межнациональной толерантности»⁷⁴, носит слишком общий характер. Очевидно, необходимы более четкие и конкретные формулировки духовно-нравственных приоритетов, системы ценностей российской цивилизации и национальной

⁷³ Данилов А. А. Рабочая программа и тематическое планирование курса «История России». 6–9 классы (основная школа) : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / А. А. Данилов, О. Н. Журавлева, И. Е. Барыкина. М. : Просвещение, 2016; Там же. С. 53.

⁷⁴ См.: Историко-культурный стандарт.

идеи («идеала»), предполагающие единую историософскую концепцию русской (российской) истории, без чего провозглашение курса на формирование национально-культурной идентичности остается декларацией и имеет преимущественно стихийный характер, зависящий более от субъективных факторов (учителя и условий учебно-воспитательного процесса). В утвержденных учебниках и программах из-за отсутствия целостного представления об основных компонентах ценностного содержания смысловая интерпретация и мировоззренческие аспекты далеко не всегда являются обязательными, не говоря уже о единстве и преемственности между ними в ступенях начального, основного и среднего уровней общеобразовательной школы. У детей не должно остаться ощущения, что отечественная история — это хаотический набор дат и фамилий, без логики и закономерностей, череды противоречивых взаимоисключающих фактов и событий, поле постоянных идейных противостояний и произвольных оценок. Одним из главных критериев полноценности дидактического материала (УМК) является то, насколько он помогает учителю в любом историческом материале извлекать смысл и исторические уроки, опираясь на педагогику сотрудничества (где ученик не пассивный объект, а субъект образовательного процесса), без грубого дидактизма. Здесь верно подобранные образы историко-культурного наследия, органично включенные в УМК и учебный процесс, являются важнейшим катализатором и условием формирования исторического сознания, гражданского и патриотического воспитания. Анализ стандартов и программ позволил сделать вывод о том, что проектирование усвоения ценностного содержания и составление полноценных учебно-методических комплексов возможно при условии осмысления содержания дисциплины не просто как набора компетенций и учебных действий, но компонентов ценностного содержания образования или, иными словами, «культуры деятельности в той или иной предметной сфере».

Были также выявлены следующие недостатки, требующие преодоления:

- 1 — непонятна методологическая историософская основа, на которой сочетаются различные ценности, движущие силы русской истории и может сложиться целостное ее понимание. Например, с одной стороны, ценности многообразия, исторический опыт гражданской активности и общественных приоритетов, формирование традиций местного самоуправления и гражданского общества, отстаивание прав и свобод, а с другой, идеал единства, образы сильной государственной власти, политической вертикали, жесткой дисциплины, культивирование чувства долга и ответственности. Крайности приводили к вольнице, бунтам, гражданским войнам и революциям или самовластью, рабской покорности и самоуправству, застою и ретроградству. Совмещение несовместимого без должной философско-исторической или историософской концепции вряд ли способствует пониманию общей логики исторического пути и предстает как вечный конфликт «дурной» России, от которого молодежи захочется бежать;
- 2 — компетентностный подход как гуманитарный в своей основе не должен приводить к доминированию технологичности и рационализма в ущерб ценностно-смысловой составляющей и духовному миру личности. Большинство авторов связывают «компетенцию» с выполнением какой-либо деятельности, которая оценивается по результатам относительно тех критериев, которые определяют ее успешность или неуспешность, когда знание перестает быть важным само по себе и необходимо лишь как ресурс для решения поставленной задачи. Однако часто имеет место подмена «духовного» «душевным». Тенденция состоит в том, чтобы мотивация в освоении знаний, непосредственно обслуживающих цели, стала для учащихся ос-

мысленной (читай — свободной, делом личного выбора). Молодое поколение должно овладевать компетенцией всей «душой» (эмоциями), лично осознавать установку по отношению к конкретной цели, быть способным к самоконтролю и самообучению, культивировать в себе решимость, самоорганизацию, креативность, конкурентоспособность, толерантность. Однако провозглашение задач воспитания духовно-нравственной личности, развитие высоких познавательных потребностей, способности к «незапрограммированным» творческим решениям, которые собственно формируют человека подлинно свободного, не подкрепляются системно. Отсутствует целенаправленное формирование способности как «ценностного понимания» в единстве с предметными и метапредметными (общими) знаниями, умениями и навыками. Оно вынесено «за скобки» как «Личностные результаты освоения»;

- 3 — понятие «культура», выражающее творческое предназначение человека и более подходящее, чем «компетенция», в качестве генетической интегративной основы содержания образования (в стандартах понимание «компетенции» ближе к понятиям «навык», «опыт»), ограничен позитивистским ее пониманием как области, относящейся преимущественно к сфере религии, искусства, философии, морали, науки, образования;
- 4 — отсутствует диагностируемость ценностных компетенций (представленных как личностные результаты освоения) на основе четких критериев;
- 5 — существующая концепция не преодолевает ценностный и мировоззренческий хаос, поскольку на практике не предполагает в содержании образовательных программ ценностей в качестве важнейшего системообразующего компонента, связующего остальные дидактические единицы, призванные к системному усвоению, контролю и рефлексии.

В содержательной основе общеобразовательной программы, целевых установках и ожидаемых планируемых результатах, в самой структуре освоения содержания ценности не предусмотрены, поскольку изначально отсутствует четко сформулированная единая концепция системы ценностей Российской цивилизации. В программах они присутствуют бессистемно. Это обстоятельство позволило выполнить поручение Президента о создании единого учебника по истории формально, подменив его переходом на три линейки учебников. Три российских издательства представили свои линейки новых учебников по истории России. Книги издательств «ДРОФА», «Русское слово» и «Просвещение» были утверждены по итогам экспертизы и включены в Федеральный перечень учебников.

Ценности представлены только в «Личностных результатах освоения основной образовательной программы». Отметим показательно лишь одну, связанную с российской гражданской идентичностью: «Патриотизм, уважение к Отечеству, к прошлому и настоящему многонационального народа России, чувство ответственности и долга перед Родиной, идентификация себя в качестве гражданина России, субъективная значимость использования русского языка и языков народов России, осознание и ощущение личностной сопричастности судьбе российского народа. Осознание этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России...».

Здесь имеет место скрещение разных подходов и неопределенность терминов: понимание нации как гражданства, идентификации себя прежде всего как гражданина России, а этнокультурная идентичность размыта в терминах «осознание этнической принадлежности», «патриотизм», «уважение к Отечеству», «Родина». Категория «русская культура» как важнейшая идентифицирующая и скрепляющая сила в многонациональной стране вообще не упомянута (не говоря уже о «российской цивилизации» или «рус-

ском мире») и ограничена значимостью русского языка, который осторожно «субъектно» выделен, но в ряду других языков народов России.

В стандарте среднего образования пошли еще дальше, объявив русский язык как государственный язык Российской Федерации «основой российской идентичности и главным фактором национального самоопределения»! Здесь, если подставить вместо России другую страну, например, Германию или какой-нибудь субъект РФ, например, Республику Татарстан, то фактически ничего не изменится, поскольку не указана главная черта данного отношения, о котором идет речь — это любовь, которая требует наличия особенностей, своеобразия «предмета любви». Естественно, что при таких общих абстрактных формулировках каждый подразумевает любовь к «своему» отечеству и тем более к «своей» родине.

Остальные личные результаты освоения представляют набор абстракций «общечеловеческих ценностей» (моральных, семейных, эстетических, экологических и пр.) без указания на их своеобразие для Российской цивилизации, их историко-культурные особенности, национальный нравственный идеал (Совершенства, Любви, Правды, Справедливости, Красоты, Совести и Чести, воплощенный в героях и святых).

Метапредметные результаты освоения основной образовательной программы (представленные в соответствии с подгруппами универсальных учебных действий как регулятивные, познавательные, коммуникативные, раскрывают и детализируют основные направленности метапредметных результатов, межпредметные понятия) и Предметные результаты освоения ООП (представленные в соответствии с группами результатов учебных предметов, раскрывают и детализируют их) с ценностями структурно не связаны, как, впрочем, и друг с другом.

Следует отметить, что в примерной программе начального образования Личностные результаты освоения ООП особо не выделены, но введены в качестве «Личностных универсальных

учебных действий» в метапредметные результаты наряду с регулятивными, познавательными и коммуникативными, что делает программу более целостной. Например, линейка издательства «Просвещение» показывает, что нельзя отождествлять Россию, СССР и Российскую империю. Здесь СССР и Российская империя — это стадии, которые прошли, а Россия — это другая страна. В итоге — отсутствие сквозной общей логики в понимании смысла истории, ее главных движущих сил, после чего остается ощущение хаоса и прерывистости российской истории, что Россия есть случайное образование, обреченное на вечные конфликты, революции, войны, постоянный распад и насильственное собирание.

Содержание самих учебников не избежало тенденциозных оценок и стереотипов, а утвержденные три линии преподавания (учебников), в которых отразились различные исторические школы, идейные направления и ценностные приоритеты, оказались совместимы с установкой на формирование единого образовательного и воспитательного пространства на основе общих ценностей, передачу «от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения» лишь частично.

Вот лишь один пример из учебника по истории России, отражающий отсутствие общей логики исторического развития. В параграфе о тайных обществах и декабристах образ их представлен в самом лучшем свете: «Члены Союза благоденствия занимались разнообразной деятельностью: офицеры пытались обучить солдат грамоте и демонстрировали гуманное к ним отношение, а состоявшие на гражданской службе демонстрировали образцы честности и неподкупности». Далее, на очередном этапе обучения, подчеркивается тоталитарность и бесчеловечность жесткой советской административной системы и коммунистической идеологии, хотя «русское революционное освободительное движение», их породившее, истоками имело именно декабристов, поклонялось им

как предтечам, сооружая памятники и увековечивая в названиях улиц и площадей, романтизируя в книгах и фильмах как героев. То, что декабристы в случае победы собирались казнить всех 13 членов царской фамилии (их последователи большевики осуществили это на деле), а крестьян освободить без земли (что, опять же, большевики фактически сделали во время коллективизации), обнаруживает именно их общую духовную связь, не говоря уже об общем мировоззрении — атеизме, материализме, космополитизме (интернационализме), чуждом русской традиции. Так мифологическая «загадка» русской истории о «хороших», просвещенных западными идеями, дворянах и «плохих» дикарях-большевиках, зараженных русским духом бунтарства, ввергнувших Россию в хаос революции, получает закрепление.

Смысловой анализ образов историко-культурного наследия помогает не только актуализировать учебный процесс, но выявляет логику российской истории, главными факторами которой, независимо от классовой или иной принадлежности, были силы духовные, мировоззренческие.

В стандарте несколько раз подчеркнуто, что формирование российского социума происходило на сложной многонациональной и поликонфессиональной основе, и что предметом гордости должны стать военные победы и великий труд полиэтнического народа по освоению громадных пространств Евразии с ее суровой природой, в рамках которого преобладали начала взаимовыручки, толерантности и веротерпимости, создавалась наука и культура мирового значения. Однако не сделан акцент на особой роли русского народа как государствообразующего и культуурообразующего, его этнопсихологических и культурных чертах.

Подлинное гражданское единство и этнокультурное развитие народов были возможны на почве утверждения общенациональной культуры, которая поддерживалась государственной национальной политикой. Во избежание казенщины и формализма, она возможна была не как культура только одного этноса или много-

национальная в смысле эклектичная, «склеенная» из разнородных элементов, но культура русского народа, являющегося государственнообразующим и главным носителем общероссийских культурных ценностей. Его роль была не подавляющая и ассимилирующая по отношению к другим этносам, но братская и преобразующая, а лучшие произведения русской культуры несли в себе высокие нравственные установки, учили любви, правдолюбию, красоте и подвигу как формам духовного совершенства. Единственное место в стандарте основной ступени образования, где упомянут термин «цивилизация», касается XVI–XVII столетий и то, опять же, в известном контексте: «Именно в этот исторический период Российское государство сделалось многонациональной державой, в пределах которой приобретали опыт мирного и взаимовыгодного сосуществования различные в цивилизационном, этническом и конфессиональном плане социальные группы. В своем политическом и культурном развитии Российское государство развивалось тогда в относительной изоляции от Западной Европы. Это создало необходимые предпосылки для формирования самобытной культуры и политической системы, отличной как от западных, так и от восточных образцов. XVI–XVII вв. — время постепенного, но неуклонного укрепления в России центральной власти, принявшей в итоге форму самодержавной монархии (со всеми позитивными и негативными последствиями этого исторического явления)».

Таким образом, имеет место искаженная интерпретация или скорее игнорирование самого цивилизационного подхода в принципе (здесь главный акцент на политических факторах как системообразующих), что вступает в противоречие с задекларированным изначально культурно-антропологическим подходом. Это свидетельствует также и о непонимании России как особой цивилизации, представляющей этнополитический духовный союз, возникший и развивающийся, прежде всего, на основе духовных ценностей и «национальной идее» — реальной исторической силе, а отнюдь не выдуманном конструкте или результате формально-

правовой договоренности. Причем, здесь в данном историческом периоде самодержавная монархия — лишь один из компонентов русского мира (цивилизации) — государственный (общественно политический), который необходимо рассматривать в единстве и развитии с этнокультурным (народным) и духовно-нравственным (мировоззренческим).

Методологической основой ФГОС (не только по истории, но по всем предметам) объявляется системно-деятельностный подход, первым принципом которого названо отнюдь не следование ценностям российской (русской) цивилизации, а следующее: «воспитание и развитие качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества, инновационной экономики, задачам построения российского гражданского общества на основе принципов толерантности, диалога культур и уважения многонационального, поликультурного и поликонфессионального состава».

По свидетельству практикующих учителей-историков, сегодня у учеников отсутствуют предпосылки целостных концептуальных знаний по истории, поскольку у подавляющего числа нет элементарного кругозора, базовых знаний, на которые можно было бы опираться в процессе обучения. Даже прочесть параграф составляет огромную трудность. Гаджеты отучили детей думать, сравнивать, анализировать. Знакомство с историческим материалом, первоисточниками предполагает хорошую технику чтения, любовь к нему, которая наблюдается в классах у единиц. Учителям-практикам очевидно, что если ученик плохо читает (таких много), то никакого серьезного критического и творческого мышления не будет! Каждый урок истории и обществознания является воспитывающим, но как уложиться при 2 часах в неделю «Истории» (в 9 кл. может быть 3 часа за счет национально регионального компонента) и 1 час «Обществознания»?! В коррекционных классах вообще оставляют 1 час «Истории». Воспитание ценностей патриотизма, изучение памятников культуры через образы историко-культурного наследия предполагают погружение, тогда как

учителю не хватает времени даже на простую фактологию. Практики свидетельствуют, что хуже всего выпускники отвечают на вопросы по культуре.

Музеи плохо используются в образовании вообще. Один из выходов — факультативы, внеклассная работа, внеурочная деятельность. В свою очередь, школьные музеи не финансируются и простаивают. Нет кадров, т. к. это огромная дополнительная работа, оплачиваемая крайне низко. Педагогика школьного музея забыта. Значимость музея в школе не всеми специалистами понимается.

Программа ФГОС предполагает закончить изучение истории в 9 классе XIX веком, а XX в. изучать в 10 классе, в колледжах, техникумах, ПТУ. В 11 классе обучающиеся изучают весь курс истории, причем на более высоком уровне. Однако, закономерно возникает вопрос, как можно получать основное образование без знания истории XX века?

Сейчас каких-либо официальных указаний о преподавании истории, кроме тех, что прописаны в историко-культурном стандарте и федеральной реестровой Примерной образовательной программе, не имеется. Примерная программа сообщает, что предмет «История» изучается на базовом уровне в 10–11 классах и структурно включает в себя отдельные учебные курсы по всеобщей (новейшей) и отечественной истории периода 1914–2012 гг., т. е. на углубленном уровне учебный предмет «История» включает в себя расширенное содержание истории на базовом уровне, а также повторительно-обобщающий курс «История России до 1914 года», направленный на подготовку к итоговой аттестации и вступительным испытаниям в вузы. При этом:

- хронология учебников построена по концентрическому принципу. Это значит, что, закончив обучение в основной школе 1914 годом, в 10 классе не продолжают изучение до начала XXI века, а все начинают снова — с древнейших времен до конца XIX века;

- учителю надо понимать, какие возможные элективные курсы необходимо подбирать или разрабатывать в соответствии с целевыми установками обучения;
- содержание учебного предмета «Россия в мире» в Примерной программе настолько новое, что традиционной подготовки учителя явно недостаточно и оно не ориентировано на подготовку к ГИА в форме ЕГЭ.

При всех этих сложностях именно на учителя возлагается составление Рабочих программ. То, что преподавание истории в средней школе не проработано, отражено в методических рекомендациях АПКРО, где еще в 2016 году разработчики писали, что «в настоящее время не принято окончательного решения о том, какие учебники и какое содержание исторического образования будут реализовываться в 11 классе», и советовали руководствоваться статьей 47 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», где педагогические работники пользуются свободой выбора и использования педагогически обоснованных форм, средств, методов обучения и воспитания. Все это остается в силе до сих пор.

В средней школе в 10–11-х классах вводится новый учебный предмет «Россия в мире». Его назначение — предложить образовательным организациям и обучающимся альтернативу классическому курсу истории. В федеральной примерной программе указывается, что этот учебный предмет изучается на базовом уровне и включает в себя обязательный учебный курс «Россия в мире» («История России в мировом контексте»), а также возможные элективные курсы, разработанные в его развитие по выбору образовательной организации. «Россия в мире» привлекает образовательные организации и учителей тем, что содержание двух курсов (всеобщая история, история России) — в одном учебнике. Но очевиден и тот факт, что довлеет политикосоциальное и общемировое, а не целостное духовно-культурное и национально-историческое ориентированное содержание.

Структурная основа проектирования ценностного содержания образования

В основу проектирования единого ценностного содержания образования не может быть положена существующая данность образцов по причине растущей обновляемости знаний и полипарадигмальности наук. Также в современных условиях поликонфессиональности и полиэтничности светского государства не могут быть основой общенационального содержания образования в рамках формального права абсолютные ценности, постигаемые верой. В этих условиях единственным содержательно объединяющим и самым устойчивым фактором являются образы историко-культурного наследия.

Сложный регулятивный характер ценностей проявляется в том, что они закреплены как в правовых нормах, доминирование которых соответствует правовому характеру современного государства, так и в народных обычаях, морали, религии, где национальное самосознание отражается в большей степени. Поэтому методологически оправданным представляется проектирование ценностного содержания образования на основе:

- 1 — интеграции социальных норм, в рамках которых функционируют ценности (конкретное ценностно-предметное содержание);
- 2 — главных компонентов деятельности (знаний, умений / навыков и смыслов), образующих ценностную модель содержания образования, совмещающую системность (устойчивость) и развитие (обновление).

Проектировочная модель содержания образования должна ориентироваться на такую профессиональную культуру, которая вырастала бы из творческого применения известных знаний и способов деятельности (компетенций), формировалась как способность к открытию нового (креативность), одновременно опираясь на фундаментальные достижения науки, фи-

лософии, искусства, религии, и закладывала бы духовно-нравственный фундамент личности. Академическая сложность проблемы обязывает строить учебный процесс цельно, в единстве информационной (рационально-понятийной), инструментальной (практической) и смысловой (мотивационной) составляющих. Представляется, что ценностная концепция обучения в состоянии справиться с этой задачей. Перекликаясь с компетентным подходом, она его конкретизирует.

Так, основу проектирования содержания учебного предмета можно представить в виде единства и относительной самостоятельности трех аспектов:

- онтологического (как данность соответствующих предметных сфер, отражаемых в логико-понятийной системе знаний);
- гносеологического (как система соответствующих методов или способов деятельности);
- личностно-социального (как система индивидуальных, социальных смыслов и объективных ценностей).

Как это уже было представлено во втором разделе, это единство «знаний», «методов» и «смыслов» или матрица информационной, инструментальной и мировоззренческой культуры деятельности в конкретной предметной сфере. В свою очередь, они могут быть спроектированы и диагностируемы на различных уровнях сложности в соответствии со структурой организации знания и компетенций в данной области (конкретным модулем), а также внутри личностного пространства на пяти уровнях усвоения, которые соответствуют известной пятибалльной шкале отметок.

Существующая система оценки компетенций на основе ориентировочных критериев готовности к актуализации компетентности, информированности, опыта использования, личного отношения к процессу, содержанию, результату компетенции и эмоционально волевой саморегуляции обогащается контролем и оценкой усвоения основных компонентов ценностного со-

держания в их единстве и относительной самостоятельности. Данная модель коррелируется с существующими примерными основными образовательными программами, где написано, что целями реализации общего образования является достижение выпускниками планируемых результатов, представленных как: знания, умения, навыки, компетенции и компетентности. Она коррелируется и с системой планируемых результатов, представленных как система учебно познавательных и учебно практических задач, которые осваивают учащиеся в ходе обучения, наиболее значимые из которых выносятся на итоговую оценку и госаттестацию.

Таким образом, в проектировании учебных программ по дисциплине необходимо раскрыть структуру компетенции, определить конкретные дидактические единицы как тот или иной компонент ценностного содержания, в соответствии с этим сформулировать учебные задачи, найти адекватные методы и формы проведения занятий и осуществлять контроль и оценку (рефлексию) с учетом: а) наличия необходимых элементов ценностного содержания образования (компетенций) как совокупности знаний, умений / навыков, смыслов; б) требуемого уровня усвоения в соответствии с модулем (основной, поддерживающий, специализированный и пр.); в) степенью усвоения личностью требуемых качеств (по пятибалльной шкале).

Исходя из православной антропологии («дух, душа, тело»), они могут быть также конкретизированы на 3-х уровнях социализации: адаптационном (как развитие физической культуры здорового тела), собственно образовательном (как формирование зрелой психики или души) и воспитательном (как духовное осмысление и преображение бытия человека).

При полноценной аксиологической рефлексии контента надо идентифицировать наличие 9 элементов ценностного содержания по каждому из приведенных выше 16 ключевых показателей ценностной картины мира аудитории независимо от транслиру-

емой ценности (это может быть и анти-ценность, тогда она будет иметь балл с отрицательным знаком). Например, продвижении ценностей «блатняка» через знание (просвещение) законов преступного мира, криминальные сериалы, ценность владения жаргоном, нецензурной бранью, умения драться, романтизация и эстетизация порока, обучение блатным песням и «философии» преступного мира и пр.

Девять основных элементов информационной, инструментальной и ценностно-смысловой культуры деятельности:

- а) элементы *информационной* культуры, включающую проектирование и трансляцию
 - 1 — ПРЕДМЕТНЫХ ЗНАНИЙ,
 - 2 — ЗНАНИЙ О СООТВЕТСТВУЮЩИХ МЕТОДАХ (УМЕНИЯХ / НАВЫКАХ),
 - 3 — ЗНАНИЙ О СМЫСЛЕ ДАННОГО ЗНАНИЯ;
- б) элементы *операциональной* (инструментальной) культуры, включающие проектирование и трансляцию
 - 4 — МЕТОДОВ (УМЕНИЙ / НАВЫКОВ) ОТКРЫТИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ЗНАНИЯ,
 - 5 — ОБЩИХ МЕТОДОВ (УМЕНИЙ / НАВЫКОВ) И ПРИНЦИПОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
 - 6 — МЕТОДОВ (УМЕНИЙ / НАВЫКОВ) ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ЗНАНИЯ;
- в) элементы *ценностно-смысловой* культуры, включающие проектирование и трансляцию
 - 7 — СМЫСЛА ДАННОГО ПРЕДМЕТНОГО ЗНАНИЯ,
 - 8 — СМЫСЛА СООТВЕТСТВУЮЩИХ МЕТОДОВ (УМЕНИЙ / НАВЫКОВ),
 - 9 — СМЫСЛА ДАННОГО ПРЕДМЕТНОГО СОДЕРЖАНИЯ В СВЯЗИ С АБСОЛЮТНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ.

Каждый из трех базовых элементов (*знания, методы, смыслы*), в случае полноценного контента, присутствуют во всех трех компонентах ценностной культуры, играя при этом определяющую

(в информационной — это знания, инструментальной — методы (умения/навыки), ценностно-смысловой — смыслы) или дополняющую роль.

Таким образом, имеем не фрагментарную, а полноценную модель, по которой возможно проектировать не только ценностное содержание любой учебной деятельности, но деятельности по освоению тех или иных объектов культурного наследия, традиционных ценностей, любой деятельности вообще.

Приведем пример постановки учебных задач по теме, где проектируются элементы ценностного содержания культуры деятельности, связанные с усвоением культурного наследия по теме «Отечественная война 1812 года».

1. Какова была численность войск Наполеона по сравнению с русскими войсками накануне войны? — *Предметные знания.*
2. Какую тактику выбрало русское командование во время нашествия Наполеона? — *Знания о методах, связанных с данным знанием.*
3. С какой целью Наполеон предпринял поход в Россию в 1812 г.? — *Знание о ценности данного знания.*
4. Сравнить военные аспекты событий в России 1612 г., 1812 г. и 1941–1945 гг. — *Методы открытия и применения данного знания.*
5. Какие требования надо соблюдать, чтобы аналогия между историческими событиями была наиболее строгой? — *Общие способы открытия и применения методов.*
6. Показать логику истории, благодаря которой русские люди приходили к пониманию ценностей «Веры», «Царя» и «Отечества». — *Методы открытия и понимания ценности данного знания.*
7. Какую роль сыграли самодержавная монархия и православная вера в победе русского народа над Наполеоном? — *Понимание ценности данного знания.*

8. Для чего можно сравнивать события в России 1612 г., 1812 г. и 1941–1945 гг. и что это может дать? — *Понимание ценности данного метода.*
9. Дать историческую оценку победы русского народа в войне с Наполеоном. — *Понимание смысла данного предметного содержания в связи с Абсолютными ценностями.*

Преимущество предлагаемой ценностной модели содержания образования в том, что она дает возможность полноценно выделить основные дидактические единицы, представляя содержание более системно, создает единую основу для разработки рабочих программ, постановки и решения конкретных задач по освоению культурного наследия, достижения диагностируемых образовательно-воспитательных, психолого-коммуникативных и просветительских целей. При этом сохраняется в перспективе возможность постоянного обновления содержания с учетом накопления новых знаний и развития науки при сохранении преемственности и фундаментальности. Ценность образует взаимосвязанное единство девяти компонентов культуры деятельности, которые могут быть спроектированы как дидактические единицы.

В основу ценностного содержания процесса культуронаследования как образовательно-воспитательного процесса должна быть положена исторически сложившаяся система ценностей российской цивилизации. Принципиальное значение образов историко-культурного наследия состоит в том, что они не просто хранят память о прошлом, отражая действительность, но, выражая связь времен и поколений, творят новое бытие, представляя основной тип социокода в процессе наследования как коммуникативного процесса, передают особое духовное настроение благодаря интегративной силе, способствуют формированию устойчивых ценностных ориентаций и цельного мировоззрения. «Сохранение не должно перейти в захоронение». Речь

идет в данном случае не о наглядности в обучении (внутренней, предметной, изобразительной, условно-графической и пр.), которая никогда не помешает, но об историко-культурных образах наследия.

Изображение истории, хранимой в культурных объектах и интерпретируемой в образах, всегда было условным и передавало не столько аутентичный контекст, сколько представление о нем. В нашем случае речь идет о рекомендательных формальных критериях для включения того или иного образа в учебный процесс, исходя из гипотетической системы ценностей российской цивилизации, и предполагает творческую работу всех субъектов, формирующих образовательное и воспитательное пространство в рамках существующих нормативных процедур, независимо от конкретной интерпретации. Это рефлексия смысла образа в данном контексте.

Простого указания на образ в программах, как это частично сделано на настоящий момент, без выявления смыслов и интерпретации, очевидно, недостаточно. Символы работают как метафоры, получающие свой дополнительный смысл лишь благодаря соприсутствующему контексту. Необходимая смысловая интерпретация, так же как и репрезентация, перекладываются на авторов учебников, УМК и учителя, т. е. ценностная составляющая процесса, и без того не обеспеченная единством структуры и содержания, на уровне образов пока не реализована. Примером полноценной репрезентации образов историко-культурного наследия и ценностей российской цивилизации в образовательном пространстве могут быть фильмы из цикла «Русские герои», подготовленного сотрудниками «Русской народной линии». На сегодня подготовлены 40 выпусков исторических миниатюрных фильмов продолжительностью 5–9 мин. Это фильмы о забытых героях разных столетий, неизвестных широкой публике, о которых молчат не только школьные, но даже вузовские учебники. Презентация их образов — не только

дань исторической справедливости и восстановление исторической памяти. Обращение к ним обеспечивает преемственность русской истории, но, главное, обладает чудодейственной духовной воспитательной силой, выявляет тот дух, который является связующей нитью времен и поколений. Независимо от сословия, возраста, места проживания, национальности, их объединяет общий «русский дух».

Представленные образы обладают всеми необходимыми дидактическими атрибутами образов историко-культурного наследия — носят личностный индивидуальный характер, воплощают главный национальный идеал (идею) — способность и готовность пожертвовать «за правое дело» и «други своя». Они действуют в конкретно-исторических условиях. Чувственная и одновременно текстуальная форма презентации, подкрепленная не только предметной информацией (датами, событиями, именами), хорошо обеспечена визуальным и музыкальным рядом, эмоционально насыщена. Поэтому данный материал, несомненно, должен войти в программы и в структуру УМК по истории, стать примером для дальнейшего расширения списка и разработки учебно-методических и дидактических материалов. Вот лишь некоторые из них (забытых героев нашего Отечества), которым они посвящены: священнику Стефану Щербаковскому, кавалеру Ордена Святого Георгия, что являлось редкостью для духовного сословия; храброму гвардейцу-гренадеру Леонтию Коренному, подвиг которого некогда был известен всей России; сестре милосердия Римме Михайловне Ивановой — единственной за всю историю России девушке, удостоенной Ордена Святого Георгия, и многих других. Особенно хочется отметить яркий образ донского казака, полного Георгиевского кавалера и Героя Советского Союза Константина Недорубова (1889–1978). «Казаков много не бывает, но мало не покажется» — эта казачья поговорка в полной мере относится к легендарному русскому герою, участнику трех кровопролитных войн и герою Кушёвского сражения. В этом

народном образе как бы сосредоточилась вся драматическая история русского народа и России в XX в.

Проектирование ценностного содержания образовательного пространства через образы наследия предполагает обнаружение и умелое использование образов, которые насыщены исторически, событийно, персонально, современны и актуальны, где сосредоточилось прошлое, настоящее и будущее, пересекаются судьбы поколений, идеологий, ценностных и культурологических интерпретаций, где в символических образах выражаются духовная борьба, национальные, общемировые тренды и противостояния.

Обзор учебных стандартов и программ позволил сделать вывод о том, что проектирование ценностного содержания и составление полноценных учебно-методических комплексов возможно при условии осмысления содержания дисциплины не просто как набора компетенций и учебных действий, но компонентов ценностного содержания образования или, иными словами, «культуры деятельности в той или иной предметной сфере». В частности, для этого требуется преодоление следующих недостатков.

Это необеспеченность декларируемых принципов и подходов той единой методологической составляющей, которая способна предложить целостную концепцию структуры образования как ценностного содержания. Оно позволило бы формировать культуру творческой деятельности в той или иной образовательной предметной сфере, объединить основные компоненты деятельности, национально-культурное своеобразие, общегражданскую и личную идентичность.

Непонятна методологическая историософская основа, на которой сочетаются различные ценности, движущие силы русской истории и может сложиться целостное ее понимание.

Выявлена недооценка духовной составляющей в качестве интегративной основы стандартов и программ, а также необходи-

мость быть более последовательными в реализации принципов развивающего обучения⁷⁵.

Действующая концепция не преодолевает ценностную многовариативность, поскольку на практике не предполагает в содержании образовательных программ ценностей в качестве важнейшего системообразующего компонента, связующего остальные дидактические единицы, призванные к системному усвоению, контролю и рефлексии.

В содержательной основе общеобразовательной программы, целевых установках и ожидаемых планируемых результатах, в самой структуре освоения содержания ценности не предусмотрены, но лишь в «Личностных результатах освоения». Отчасти это объясняется отсутствием четко сформулированной единой концепции системы ценностей Российской цивилизации и ее истории.

Ценностное содержание в образовательно-воспитательном пространстве должно представлять в символических и ярких персонифицированных исторических образах персонажей (государственных деятелей, героев, творцов, ученых, изобретателей, художников), материальных и нематериальных объектов историко-культурного наследия (достопримечательных памятных мест, памятников культуры и искусства, традиций, подвигов, великих национальных культурных достижений). Хотя в историко-культурном стандарте и программах они и предполагаются, но без должного минимально необходимого толкования. Простое номинативное перечисление образов в программах и учебниках, на основе которых предполагается решение педагогических задач, оставляет решающее слово в этом вопросе за учителем или случаем, т. е. имеет место стихийное, а не системное целенаправленное формирование культуры в той или иной предметной сфере деятельности.

⁷⁵ См.: Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М. : ИНТОР, 1996.

Образ нуждается в изначальной ценностно-смысловой интерпретации, которая предшествует его применению. Интегрирующей основой является понимание духовной природы историко-культурных образов и поиск соответствующих эстетических и рациональных инструментов их презентации.

Сделан вывод о необходимости не только включения информации об объектах историко-культурного, в образовательный процесс, разработки новых курсов, основанных на УМК, где объясняется их культурная значимость и разрабатываются креативные формы подачи с функцией иллюстративности, но предлагается провести систематизацию знаний об объектах наследия на предмет их дидактической ценности. Необходимо целенаправленно вводить их в существующие УМК для придания большей интеграции всему гуманитарному блоку на ценностной основе и традициях российской цивилизации, повышения эффективности образовательно-воспитательного процесса, исключения фрагментарности и рассогласованности, обеспечения системного межведомственного взаимодействия по реализации ценностно-ориентированной модели государственной культурной политики. Принципы отечественной педагогики сотрудничества и духовно-нравственного воспитания, основанные на цельности и любви, должны быть положены в основу взаимодействия между всеми субъектами социального взаимодействия. Тезис, что все кто живет в России — одна большая семья (если это не просто метафора и декларация), может быть обеспечен не правовыми принципами регуляции (им одним это не под силу), но прежде всего соответствующими нравственными нормами, всей деятельностью институтов культуры и социализации (семья, школа, вуз, наука, церковь, музеи, дома культуры и библиотеки, искусство, СМК), отвечающих за ценностное единство культурно-информационного пространства, которое является условием эффективного функционирования других сфер.

Проектирование ценностного содержания социокультурного пространства предполагает в объектах историко-культурного наследия выявление заложенных (данных) смыслов, создание на их основе ярких художественных образов и органичное включение их в образовательный и воспитательный процесс. Именно так разрешается противоречие между тем, что «есть» и тем, что «должно быть», между «сущим и должным», т. е. происходит «опредмечивание» смыслов и осмысление «предметов» как актуализация духовных ценностей.

Заключение

ПРОБЛЕМА активизации процесса культуронаследования может решиться на основе отечественной ценностно-цивилизационной парадигмы как проектирование единой культурной политики, сосредоточенной на развитии в личности целостного духовно-душевно-телесного культурного национального акта. Этот акт является системообразующим деятельностным центром, где данные от природы первичные душевные силы, встречаются с заданными высшими духовными ценностями (метафизической сферой бытия) и исторически осуществляются в национально-выраженной художественной, информационной, научно-технической культуре, образованности и профессиональной компетентности, придавая целостность, т. е. структурно-функциональную системность и общий смысл всем видам деятельности человека и государства, всего национального сообщества. Именно его культивирование является гарантом обеспечения национального единства и безопасности, счастливой самореализации человека.

Национально-культурный цивилизационный архетип (код) воспроизводит себя, живет благодаря внутреннему национальному духовному акту (И. А. Ильин), который является самым драгоценным наследием, главным признаком этнокультурной и цивилизационной идентичности, требует культивирования, сбережения и воспитания, выявления и осуществления во всех видах деятельности. Сейчас особую значимость приобретает аксиологическое измерение и сам процесс наследования произведений, являющихся национальным культурным достоянием. «Духовная брань» разворачивается вокруг цивилизационного ядра и национально-культурного архетипа: духовно-нравственных ценностей, духовно-душевно-телесной «монады» («гена»), из которого Россия, как феникс из пепла, возрождалась каждый раз вновь,

благодаря наследованию исторической памяти и культурным достижениям, осмыслению социального опыта и исторических уроков, цели своего существования. Сейчас основной деструктивный удар приходится по душевно-духовно-телесной иерархии и национально-государственно-религиозным институциональным взаимосвязям, направлен на нарушение их функциональности и единства.

Духовно укорененная в национальном архетипе традиция может как выродиться, стать безжизненной, утратив связь с современностью, умереть, так и возродиться в зависимости от культурной политики, духовных запросов общества, эволюции национальных ценностных ориентиров. Традиция может и должна сохраняться, воспроизводиться, актуализироваться, поэтому можно и нужно ориентироваться не только на внешнее сохранение духовно-эстетических констант отечественного бытия, но творческое обновление формы, воплощение и осуществление основополагающих принципов организации национально-самобытного творческого акта, уравнивание его основных структурно-функциональных компонентов, конечных абсолютных целей и текущих исторических задач.

Полноценная эстетическая интерпретация предполагает культурологический ценностно-смысловой анализ. Он требует междисциплинарности и историософского подхода, выявления в объектах культурного наследия, в частности произведениях изобразительного искусства, универсальных и одновременно национально-самобытных смыслов и взаимосвязей, имеющих мировоззренческое, а для России, прежде всего, духовно-нравственно-эстетическое значение.

Культуранаследование есть коммуникативный, прежде всего, живой, непосредственный образовательно-воспитательный процесс актуализации и исторической преемственности традиции, связующий поколения ее носителей и молодежь так, чтобы в новых творениях осуществлялась традиция, а объекты культурного

наследия становились действенными символами национальной памяти, способствовали развитию гражданского самосознания и укреплению цивилизационной идентичности.

Предлагаемая структура проектирования культурной политики в сфере культурного наследования переходит от субъектно-объектного принципа к педагогическому принципу сотрудничества и проблемности (развивающего обучения), предстает как проектирование ценностей в виде единства и относительной самостоятельности трех аспектов: логико-понятийная система знаний; методы (умения/навыки); система личных и социальных смыслов. В свернутом виде это единство «знаний», «методов» и «смыслов» как взаимосвязь *информационной, инструментальной и ценностно-смысловой (мировоззренческой)* культуры в конкретной предметной сфере. Такой подход позволяет использовать два системных критерия эффективности в наследовании традиционных ценностей:

- 1 — *полнота* как наличие всех структурных элементов ценностной культуры личности;
- 2 — *цельность* как структурно-функциональная взаимосвязь и сопряженность, их соответствие друг другу, объединение вокруг одного ценностно-смыслового стержня, ключевой идеи (ценности).

Применение предложенных ценностных критериев в практике наследования духовно-эстетических традиций поможет сделать процесс наследования верифицируемым, достичь желаемой цельности, избежать искажений, дисфункций, псевдо-духовности. К сожалению, современные арт-практики, отойдя от отечественной духовно-эстетической традиции, становятся все чаще агрессивным вызовом русской культурной идентичности, разрушают границы классического и традиционного миропонимания красоты, превращаются в специфическую деятельность, в процессе которой конструируются «новые миры и формы», далекие от искусства как такового, что приводит к деформации культурных

стандартов, искажению внутреннего мира человека, формированию новых сверхнациональных антитрадиционных систем ценностей и идеалов.

Принципиально важным становится раскрытие смысла создаваемого образа, который одновременно дан, задан и призван к осуществлению — не просто воспроизведению, но оживлению, исполнению, бесконечному рождению в процессе творческой коммуникации (общения) и деятельности. Смысл обретает онтологическую силу ценности лишь тогда, когда соединяется с предметностью и находит адекватную совершенную форму, становится «намеренным значением», «интенцией». Во многом решающее слово здесь остается за интерпретатором и организацией процесса культуронаследования как творчески коммуникативного, целенаправленного, просветительского, учебно-воспитательного.

Духовные силы действуют через образы, которые являются «окном» в метафизический мир, создаются самим человеком, наполняются символическим значением. Если человек его разделяет, приобщается к нему всеми сторонами души и тела, если верит в него и поклоняется (т. е. многократно увеличивая синергетический эффект), объединяясь с большим количеством людей в едином действе, то это может привести к невероятным результатам. От того, каким духом насыщены создаваемые образы, зависит направленность их воздействия — темная магическая сила разрушения или благодатная сила преобразования и созидания.

Литература

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. — М., 1993.
2. Бердяев Н. А. Кризис искусства. (Репринтное издание). — М. : СП Интерпринт, 1990.
3. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. — М. : Директ-Медиа, 2014.
4. Булгаков С. Н. Труп красоты. — URL: <http://ivashek.com/ru/texts/theology-texts/papers/769-trup-krasoty> (дата обращения: 05.10.2018).
5. Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. — М. : Ладомир, 2005.
6. Бычков В. В. Триалог : Живая эстетика и современная философия искусства. — М. : Прогресс-традиция, 2012. — 840 с., ил. (в соавторстве с Н. Б. Маньковской и В. В. Ивановым).
7. Вафа А. Х. Некоторые теоретические проблемы культурного наследия и культуронаследования (Часть 1, 2) // Журнал Института Наследия. № 2018/3(14), 2018/4(15).
8. Выготский Л. С. Психология искусства. — М. : Издательство «Искусство», 1968.
9. Высказывания о концепции нового учебника истории. ТАСС [Электронный ресурс]. — URL: <http://tass.ru/info/754201> (дата обращения: 22.06.2018).
10. Гаврюшин Н. К. Метафизика, историософия и религиозный идеал князя В. Ф. Одоевского // Исследования по истории русской мысли [13] : Ежегодник за 2016–2017 годы / Под редакцией М. А. Колерова. — М. : Модест Колеров, 2017.
11. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. — М. : ИНТОР, 1996.
12. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М. : Институт русской цивилизации, 2008.

13. Данилов А. А. Рабочая программа и тематическое планирование курса «История России». 6–9 классы (основная школа) : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / А. А. Данилов, О. Н. Журавлева, И. Е. Барыкина. — М. : Просвещение, 2016.
14. Дунаев М. М. Постмодернистские скандалы. — URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/203> (дата обращения: 03.07.2018).
15. Ершова Д. Е. Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации. Дисс...канд. культурологии: 24.00.01 / Ершова Дарья Евгеньевна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. - Санкт-Петербург, 2018.СПб.
16. Жукова О. А. Смысловое поле русской культуры: проблема преемственности творческого опыта // Теория и практика общественного развития, 2009.
17. Закунов Ю. А. Система и иерархия ценностей российской цивилизации (к построению «ценностной модели государственной культурной политики») // Культурное наследие России. — 2018, № 2.
18. Закунов Ю. А. Метафизика русской идеи И. А. Ильина в контексте современного национально-государственного развития России [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. — 2015/4(22). Философское наследие И. А. Ильина.
19. Ильин И. А. Основы государственного устройства // Собр. соч. : В 10 т. — Т. VII. — М., 1998.
20. Ильин И. А. К истории дьявола // О грядущей России : Избранные статьи / Под ред. Н. П. Полторацкого. — М. : Воениздат, 1993.
21. Ильин И. А. Когда же возродится великая русская поэзия // Ильин И. А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2011.
22. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. — Т. 4. — М. : Русская книга, 1993–1999.

23. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собрание сочинений. — Т. 1. — М., 1993.
24. Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И. А. Собр. соч. : В 10 т. — Т. 6. Кн. 1. — М., 1996.
25. Ильин И. А. Что такое искусство? // Ильин И. А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2011.
26. Историко-культурный стандарт. — URL: <https://spadilo.ru/wp-content/uploads/2019/07/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82.pdf> (дата обращения: 05.10.2019).
27. Итоги 2019 года : семь лучших российских фильмов по версии «Кинокрапии». — URL: <https://rg.ru/2019/12/29/itogi-2019-goda-sem-luchshih-rossijskih-filmov-po-versii-kinokratii.html> (дата обращения: 12.05.2020).
28. Казин А. Л. Событие искусства: классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры. — СПб. : Российский институт истории искусств; Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020.
29. Кокшенева К. А. Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования [Электронный ресурс] — М. : Институт Наследия, 2019; Пушкин и Гоголь в современном театре. Право на классику. Материалы научных экспертных семинаров. — М. : Институт Наследия, 2016.
30. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / Словоуказатель — Н. В. Колесова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2014.
31. Кучмаева И. К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры / И. К. Кучмаева. — М. : Инженер, 2006.

32. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Алексей Лосев. — СПб. : Аз-бу-жуа, Азбука-Аттикус, 2014.
33. Лосский В. Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. — М., 1991.
34. Мир цивилизаций и «современное варварство» : роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений — М. : Институт Наследия, 2019. — 472 с.
35. Пархоменко Т. А. Мыслитель и творец в культуре России порубежной эпохи (от царской империи к Советскому Союзу). — М., 2017.
36. Позов А. С. Основы древне-церковной антропологии. — Т. 1. — Сын Человеческий. — Мадрид, 1965; Основы христианской философии. — Ч. 1. — Теория познания (Гносеология). — Мадрид, 1970. — 341 с.; Ч. 2. — Диалектика. — Мадрид, 1970. — 205 с.; Ч. 3. — Метафизика. — Мадрид, 1972. — 422 с.; Богочеловек : Мистика христианства. — Мадрид, 1974.
37. Примерные программы основного общего образования. // [Электронный ресурс] СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ — URL: <https://sudact.ru/law/primernaia-osnovnaia-obrazovatelnaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia/> (дата обращения: 10.11.2020).
38. Примерные программы среднего (полного) общего образования. // [Электронный ресурс] СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ — URL: <https://sudact.ru/law/primernaia-osnovnaia-obrazovatelnaia-programma-srednego-obshchego-obrazovaniia/> (дата обращения: 10.11.2020).
39. Прот. Стефан Ванеян. Панофский, Гомбрих и смысл значения в искусстве и иконологии // Вестник ПСТГУ. — Серия V : Вопросы истории и теории христианского искусства. — 2013, Вып. 1 (10).
40. Протоиерей Борис Михайлов. Предисловие к книге Яхнина А. Л. Антиискусство : Записки очевидца. М. : Книжница,

2011. — URL: https://www.rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=266&ELEMENT_ID=6443&sphrase_id=23372 (дата обращения: 05.10.2019).
41. Раков В. П. Апофатика литературно-художественного стиля // Раков В. П. Филология и культура. Статьи. — Иваново, 2003.
 42. Соловьёв В. М. Общий смысл искусства [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. — URL: <https://ilibrary.ru/text/16/p.1/index.html> (дата обращения: 10.09.2019).
 43. Соловьёв В. С. Русская идея // О христианском единстве. — Брюссель, 1967.
 44. Солоневич И. Народная монархия. — М., 2002.
 45. Триалог : Живая эстетика и современная философия искусства. — М. : Прогресс-традиция, 2012. — 840 с., ил. (в соавторстве с Н. Б. Маньковской и В. В. Ивановым).
 46. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования // [Электронный ресурс] Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). — URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).
 47. Художественно-эстетическая культура XX века. Под ред. В. В. Бычкова. — М. : Росспэн, 2003. — 607 с.
 48. Цивилизационное развитие России : наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В. А. Черешнева, В. Н. Расторгуева. — М. : Издатель Воробьёв А. В., 2018.
 49. Цуканов Е. А. Герой нашего времени как закодированный медийный месседж: от «Брата» к Большому брату // Международный журнал исследований культуры. Герой в культуре. — СПб. : Изд-во Эйдос, 2018. — 3 (32).

50. Шукуров Д. Л. Эстетические принципы авангарда в оценке русских религиозных философов // Вестник ИГЭУ, 2008. — Вып. 1.
51. Эстетическая аура бытия : Современная эстетика как наука и философия искусства. — М. : Издательство МБА, 2010. — 784 с. (2-е изд. М.–СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016).
52. Яхнин А. Л. Антиискусство : Записки очевидца. М. : Книжница, 2011. — URL: https://www.rp-et.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=266&ELEMENT_ID=6443&sphrase_id=23372 (дата обращения: 05.10.2019).

В. В. Колесов

«Древнерусская цивилизация. Наследие в слове»

Фрагмент главы пятой «Красота-Лепота» (с. 373–376)

По изданию: Колесов В. В. Древнерусская цивилизация.

Наследие в слове / Словоуказатель — Н. В. Колесова / Отв. ред.
О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2014.

Говоря о благе, мы замечаем, что разные степени его проявления более или менее точно распределяются между благом пользы, благом красоты и благом истины. В разные времена отношение к трем категориям Блага было различным. Это видно и из истории слов, обозначивших все эти символы категории, и на тех исконных их образах, которые, в свою очередь, сохраняли слова на протяжении длительного времени.

Пытаясь понять исходный образ указанных слов, мы неизбежно вступаем в древнейшие индоевропейские связи, потому что философски категориальное и вообще сакральное — архаично.

Этимологи говорят нам, что слово краса связано с древним представлением о победоносной славе, о похвальбе вернувшегося с поля боя героя; он разукрашен трофеем, внешними знаками воинской доблести. Самые неожиданные родственные этому корню слова выявляет строгий научный анализ. Сюда отнесем и латинское *corpus* ‘тело’, и древнеиндийское (санскрит) *krp* ‘фигура, красота’, и множество других, настолько далеко отошедших от смысла славянского слова, что не сразу и осознаешь такие связи. На са-

мом деле все они одного корня, и корень указывает, что красивыми в суровые древние времена считались вовсе не женщины, а мужчины, но мужчины не всякие, а только те, которые заслужили знак достоинства в бою.

Со словом *лепый* проще: этот корень близок к словам *лепить*, и к греческому *λίπος* ‘жир’ (отсюда и липиды). Исходный корень **leip-* тоже имел значение ‘льнущий, прилипающий’ (ЭССЯ, 14, с. 225–228). Получается, что *лѣпый* некогда обозначал натертого жиром ратоборца, готового к кулачному бою. Это слишком конкретное представление, возможно, просто наше воображение. Тут, скорее всего, имели в виду другое свойство жира: влипая в тело, он становится его частью, представляя стойким признаком самого тела. Отсюда перенос значений, известный по многим родственным языкам: ‘упорный, стойкий’, затем ‘подходящий’, такой, ‘как нужно’, и следовательно ‘хороший, красивый’. Отличие *лепого* от *красивого* состояло, видимо, в том, что лепота на время, красота же постоянна. Жир смывается, является частью того, на поверхности чего он находится.

В народных русских говорах слово лепота сохранилось в слабых остатках. Но там, где оно встречалось еще недавно, лепота — это ‘красивая внешность’, но главное — ‘дородность и важность’ (Даль). Красота обычно тоже — видная наружность, красота внешнего вида, то, что видно «с лица» на поверхности, что — в наличии. Красиво то, что можно окрасить, чего о другом слове никак не скажешь. Нельзя, например, «влепить» или «слепить» — нельзя и теперь, невозможно было и в древности.

Таким образом, оба корня передавали приблизительно то значение, которое сегодня мы понимаем как ‘красота’. Приблизительно, потому что представление о красивом изменялось более, чем какое-либо другое представление о видимом, кажущемся на основании внешности.

Отчасти взаимное соотношение этих корней в их исходном значении можно установить на основе значений соответствующих

греческих слов, которые переводились на славянский с помощью слов *лѣпота-красота*.

Лѣпота — καλός ‘годный, правильный’ и потому ‘красивый’; κόσμος ‘порядок, украшение’; εὐπρέπεται ‘благовидный, подходящий’; ὠραιότης ‘цветущий вид, миловидность’; το εὐσχήμων ‘благопристойность, притворство’. В краткой наречной форме лѣпо еще явственно соотносится с греч. καλῶς ‘правильно’, ἐκὸτῶς ‘естественно’, εὐλόγως ‘благовидно, основательно’, χρή и δεῖ ‘как следует’ и др., которые (опуская их оттенки) совместно передают значение ‘прилично, уместно, надлежащим образом’, т. е. как с л е д у е т согласно заведенному п о р я д к у, а потому, конечно, и к р а с и в о (как это понимаем сегодня мы). Особенно в отношении «къ Богу — стройно же, по чину, лѣпо» (Жит. Авр. Смол., 8), но и перед земным владыкой тоже «с чином и лѣпотою» (Александрия, 41). *Лѣпо* в значении ‘надлежит’, ‘как следует’ часто заменяется словами *подоба, трѣбѣ*, которые переводят те же греческие наречия и частицы: «лѣпо же есть намъ время» (Ипат. лет., с. 62). При наличии отрицания, известном даже по тексту «Слова о полку Игореве» («не лѣпо ли намъ, братия...»), исходный смысл корня высвечивается наглядно; но как его перевести? Не пристало, не следует? Это место в «Слове» переводили чуть ли не полусотней современных слов, но все приблизительно. Сравнение с древнерусским «безлѣпицу молвить еси» или с современным «совершенная нелепость» показывает, что основной смысл определения «лепый» заключался в передаче **идеи соответствия внешней видимости истинному качеству**.

Внешнее проявление красоты — в лепоте. Тело — красиво, «да не кромѣ лѣпоты есть» (Шестоднев, с. 395); привлекательное место, даже возвышенное, «нѣкакое лѣпотное мѣсто» (Жит. Вас. Нов., с. 476), дом в ограде — «лѣпотное строение» (там же, с. 481), башня замка (сынъ) «лѣпотою пречюден» (Флавий, с. 207) и пр. Внешний вид (ἡ θεά) словом *лѣпота* обозначен в древнерусских переводах «Пчелы», даже когда речь заходит о внешних проявле-

ниях ума. Вообще, это слово, видимо, обозначало всякое украшение; *kósmos* в переводах библейских текстов в разное время передается словами *лѣпота* или украшение, причем в древнерусских списках второе слово даже предпочтительнее. Возможно и риторическое усиление — восторг перед божественной красотой: «яко обличие злата имущи, украшена и лѣпотна» (Жит. Вас. Нов., 430).

Таким образом, *лѣпота* — нечто подходящее, подобающее, соответствующее правилам, обычаю или идеалу; однако это все же только видимость истинного, то, как должно быть. Отсюда и требование соответствовать по форме, по виду, может быть, и по цвету. По-видимому, таково исконное значение корня, в его отличии от корня *крас-*, и никаких указаний на внешнюю привлекательность оно не несет. Это порядок на фоне хаоса; тоже слово сакрального языка, но благодаря соотносению его с предметами телесно-вещного мира оно все более понижалось в своих стилистических рангах. Уже в древнерусских текстах встречается слово *лѣпнѣкъ*, обозначавшее самые разные липучие цветы и семена, от шиповника до репея. «Лепо» все то, что «прилепляется», налипывается, пристраивается к внутренней сущности как бы извне и тем самым становится замещающим такую сущность признаком.

Красота отличается от *лѣпоты* именно указанием на внутренний смысл сущности, подвергнутой рассмотрению. Корень слова, уже в славянском языке, соотносится с близким по смыслу и форме (другая ступень чередования гласного) корнем *крѣс-*, который, в свою очередь, связан с обозначением солнечного огня, ср. *кресати*, *кресало*, откуда и глагол воскреснуть. Воскресают в красоте, а не в лепоте. Все греческие слова, о которых мы только что говорили, переводятся славянским *лѣпота* лишь в определенных контекстах. Красота-лепота там, где речь заходит о видимости внешне должного; там же, где необходимо передать представление о красоте-здоровье, органически присущем признаке красивого, — там на месте тех же греческих слов является слово красота. В таких случаях возникает некий отте-

нок смысла, очень близкий к значению слова добръ та; это нечто естественно здоровое, крепкое, молодое по силе растущего организма. При обозначении красивого на первый план выходит польза, а не истина.

В переводном «Житии Василия Нового» все три слова употребляются довольно часто, нередко рядом. В подобных художественных текстах и развивались парные сочетания типа красота-лепота. Перевод этот сделан в домонгольской Руси, выполнен в свободной манере, так что игра близкозначными словами в тексте может быть и собственно славянским нововведением. «Яко невѣсту п р е к р а с н у в ъ с в ѣ т л о с т и и в ъ л ѣ п о т ѣ и д о б р о т ѣ е я в и д ѣ н н я» (505) — невеста красива, но ее красота является в чистоте, в лепоте и в здоровье. Очень часты сочетания слов, уточняющих такой смысл: *доброта* одновременно и красота, и лепота, и светлость. «Лепота» — внешний признак естественной красоты, это — должный порядок внешнего при выражении внутренней сущности: «красоту же немалу имущу лѣпотну велию; страшну красоту его угаждающе мыслену оку его» (517); «паче же прекрасное ея лѣпотное лице» (505) — лепота открывает въявь то, что прекрасно лишь в воображении, ибо не «мысленному оку» недоступно. Можно сказать, красота — это огонь, пламя, а излучаемый пламенем свет — это уже лепота. Красота ангелов дана как «качество, блистание имуще лѣпотно, [они] обличени в багряницу и въ одежду свѣтлу и страшну» (43). Все естественное прекрасно, тогда как сотворенное в его подобии всего лишь лепотно: «и се друзии, яко злато, что свѣтлостію и красотою блещашеся, и яко во цвѣты облечени и измечтани великою лѣпотою, почтивъ я» (495). До XV в. о построении храмов на Руси будут говорить этими словами («измечтани великою лѣпотою...»). В переводе «Шестоднева» (X в.) говорится, что Бог творит на земле «добрыя лѣпоты», «въ лѣпоту», но рай «напълненъ красы высокая» (Шестоднев, с. 133, 166). И только сверхчеловеческое может быть представлено в единстве сущности и явления; например, блистающие ризами ан-

гелы, «краснолѣпии юноша», поражают «видением... красотою и лѣпотою» (Жит. Вас. Нов., с. 484, 479, 492).

Прилагательное *лѣпный* как определение встречается очень редко, обычно в переводах греческих канонических текстов в значении 'подобающий, надлежащий', так что выражения типа «лѣпные дары» (Ефр. кормч, с. 594) понимаются как «подобающие дары».

Из оригинальных текстов известно несколько примеров. О князе говорится, что был он «образомъ лѣпъ» (Ипат. лет., с. 245, 1197 г.), т. е. не обязательно красив, но привлекателен, а Владимир Мономах просил своих сыновей «к женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати» (Мономах, с. 79). «Нелепые» женщины, или «бабы потворенныя», встречались и позже, например, они осуждались в «Домострое». Смысл выражения объясняли по-разному. Наиболее надежно толкование слова в соответствии с его этимологией: 'недостойные женщины'.

Зато в превосходной степени прилагательное встречалось часто. *Волость лѣпшая, мужи лѣпшии, дружина лѣпшая* (частые формулы древней летописи), но и одежды — порты лѣпшии, и даже жиды лѣпшии (Флавий, с. 174), и просто лѣпшии с опущенным именем («къ Олександру 6000 лѣпших» — Флавий, 174). Все это, конечно, не самые красивые, зато прагматически более достойные, во всяком случае функционально необходимые для Лѣпота³⁷⁶ кого-то люди, дружины, волости и одежды. В древнерусском переводе «Пандектов Никона Черногорца» (XII в.): «и глаголетъ ми вещь от лѣпшаго дати убогымъ» (2960б) — в болгарской версии «и глаголетъ ми помысль от потребнѣишая [из моих вещей] дати нищимъ». Когда герой летописного повествования говорит, что было бы «лѣпши ми того смерть... взяти» (Ипат. лет., 305, 1140 г.), речь идет о смерти, достойной воина, а не о «красивой» смерти. Красиво умереть — это из другой этики. Умереть достойно и не без пользы — вот идеал.

Сохранившееся донныне сложение великолепный вторично, ему предшествовало множество словесных вариантов, с помо-

щью которых пытались передать восторг перед гармонией мира и одновременно как бы «освежить» внутренний образ исконного корня, путем распространения нового, более ясного определения. Среди них не только прелѣпный («въмысленный и всекрасный и въпрелѣпный» — Жит. Вас. Нов., с. 513), но и другие: «добролѣпную десѣницу» (Жит. Вас. Нов., 445), и «достолѣпно» (достойно и в порядке — Печ. Патер., с. 161), и «благолѣпную доброту» (Кормч., с. 142), и «велелѣпие отъ ангель» (Ефр. Сурож., с. 103), а в Печерском патерике в изобилии боголѣпно, святолѣпно, велелѣпно. Последнее сложение и возобладало в церковнославянской традиции, возможно, потому, что является калькой с авторитетных греческих форм: οἱ μεγὰλοὶ πρεεστάτοι 'великолепие'. «Вельлѣпота словесъ» является в новгородской Минее 1370 г. (Соф., с. 189, 140б.). В новой форме этот корень обобщил все оттенки поражающей воображение явленностью сверхъестественной «лепоты»: велий → великий — великолепный, который, разумеется, отличается от нелепого. Высшая степень надлежащего применительно к идеалу — и полное отсутствие признаков должного, как его понимает русская мысль.

Во всех изворотах смыслового развития заметна эта тяга к идее «должного, необходимого», т. е. к истинному, а не красивому. Красота не в праве, а в долге — вот чем жив человек, если он среди людей. Внешняя красота не имеет цены, да и красота ли она? Представления о красивом, косвенно связанное со словом лѣпота, вторично. Оно возникло в пересечении двух языковых тенденций. С одной стороны, увеличением признаков «добро́ ты (добротности)» до исчезающей из виду яркости («покровение ихъ яко к р и к лѣпотный» — Жит. Вас. Нов., 511); с другой стороны, частичным пересечением со смыслом слов краса, красный, красота. На рубеже XII–XIII вв. лѣпый стал и 'красивым'. То, что некогда рождалось как представление о «полезном», а затем по аналогии стало восприниматься как соответствие «истинному», стало в конце концов красивым и приятным.

Фрагменты из Главы четвертой «Душа и личность»

«Сущность силы и ее проявление представлены в общей словесной формуле: сила воли. Формула не освобождает от личной ответственности (воля), но объясняет все модальности действий, возможные согласно «нездешней» силе, или, как полагают русские философы, *идее-силе* (Ильин, 6, 3, с. 29). «Это световой луч, который насовсем сердце никогда не покидает; это схваченное в становлении совершенство, пусть даже это становление осуществляется пока медленно, с колебаниями»; «это не какая-то идея долженствования, не какое-то неосуществимое понятие предела» — а постоянно развивающееся в каждом стремление к действию. Это сила-мощь, которая осуществляется в постоянном труде души. «Воля и труд человека...» — русское представление о такой вот силе, к которой подключается каждый представитель племени, ощущая себя как бы частью этой всеобщей мощи; в энергетических своих потоках она оживляет человеческие воли....».

У христиан дух уже становится Духом и по-новому определяет со-отношение жизненных сил человека. В новозаветном христианстве Логос как воплощение Бога *ἀρχιτύπον* уже напрямую соотносится с идеей Духа, а не души. Это именно идея, а не «вещь», тогда как душа все-таки «вещна». Душе даны страсть и мощь — интенсивность бытия, совмещенная в чувстве и в созерцании (Ильин, 6, кн. 2). Воспарение *духом*, сменившее истечение *кро-ви*, становится основным представлением в дальнейшем развитии идеи «души». Кровь истекает в землю, вздох возносится к небесам.

Водная и воздушная стихии несоединимы еще и потому, что соотносятся с двумя другими, столь же почитаемыми свойствами природных сил: с землей и огнем. Отметим славянское представление о крещении, то есть освящении души духом: корень *крѣсь* в глаголе *крѣсити* означает высекаание огненной искры (в воздушной среде), тогда как западное христианство предпочитает

говорить об окунании в воду (*baptisma*). Воскрешение происходит в огне — такова установка новой веры, с которой не всегда согласится язычник, для которого кровь остается важной составляющей «души».

Идея Духа пришла с христианством и изменила представление о самой душе. Но «телесность» в проявлении духа — по-прежнему вне сомнений. «Духъ бо есть божественный (хоть и божественного происхождения, но) и скоро очютить (всегда поймешь, если он) от Бога будеть, якоже и бесловесное (как и все неосягаемое), от аиера (от воздуха) духа имѣюще, прѣже челоувѣкъ разумѣюще, яже от аера бываема» (Флавий, с. 234). Именно так, дух — часть воздуха, и «всяко дыхание хвалить» его (Жит. Авр. Смол., с. 22) «до послѣдняго издыхания» (Заповедь, с. 112), «постигну[в] его въ послѣднемъ издыхании» (Александрия, с. 72). Дух очищает дыхание, дух высветляет воздух, и все, что дышит, — все это кипит и пенится, нарастая божественной силой до огромных пределов, подобно тому, как «за дышучимъ моремъ» расстилаются неведомые земли (Слов. о погиб., с. 20). Многие индоевропейские языки указывают на связь понятий о воздухе и пламени. Так и у славян вѣтръ связан и с *въяти*, и с *ватра* — а это небесный огонь, чистый огонь, раздуваемый особым образом (*ватрушка* — след освященной пищи, которую запекали на таком огне). И душа, и дыхание имели одинаковое отношение к очищающей силе огня. Самая близкая дорога умершего к предкам — костер. В церковнославянских текстах дух представляется часто и как ветер, и как жизненное начало, и как душа. Глава четвертая. Душа и личность

В древнерусской летописи духъ упоминается сначала только как синоним слова душа, применительно к известным лицам; впервые в 1074 г. в рассказе о смерти Феодосия Печерского: «Он же сомжеривъ очи, предсть духъ в руцѣ Божии» (Лавр, лет., с. 64), ибо — «предасть душу в руцѣ Божии» (636).

Для самих славян «дух» еще не предстает столь уж связанной силой. «Исходить же духъ знойный смердящъ из моря того», —

пишет игумен Даниил о запахе в начале XIII в., а в конце XII в. автор «Слова о полку Игореве» говорит о князе, исполненном «ратного духа». Дух здесь — как бы дыхание, некоторое предчувствие, никакого отношения к Духу Святому не имеющие. Более того, непримиримый язычник к началу XV в. окончательно превратил всякий «дух» в обозначение «запаха» — *дурной духъ*.

Но представление о душе развивалось в том направлении, какое задано было ей еще в языческом мире. В XIV в. это слово по сходству функции отчасти воспринималось со значением 'совесть', даже в деловых грамотах, но после XIV в. это значение окончательно закрепилось за словом *съвѣсть*.....

.....Представление о душе также изменялось. В своем послании Владимиру Мономаху митрополит Никифор излагал традиционное церковное представление о душе: «Душа от трии частии есть, рекше силы имать 3: словесное [т. е. разумное], и яростное [т. е. чувственное], и желанное [волевое]» — яростное для охранения души от злого духа, а желанное — для присоединения к Богу; и только словесное — это суть души, два других «состава» случайны и непостоянны, слишком субъективны, всего лишь «орудие души, ими же убо уклоняется в добро и зло; зане по разлучении душа от тѣла нѣсть самовластна, но словесна точию [только], еже есть разумна». Чувство, разум и воля человека в их единстве — это и есть душа. Тут замечается различие между восточным и западным христианством. «Словесное» как разум понято славянами буквально: не рассудок-разум представлен в роли главенствующей силы души, но именно «словесная ее сила». Словесная сила души — это Дух, понимаемый как Логос. Он направляет движение душ, но направляет с л о в о м, а не разумной в е щ ь ю. Возникала философская проблема отношения к абсолютным идеям-универсалиям, веры в них и доверия к ним. Восточные славяне считали их достойными доверия (средневековый «реализм»), западно-европейский ум относился к ним скептически, разделяя слово и мысль («номинализм»).

«В отличие от триипостасной души, Дух един, под ним понимали «интенсивнейшую энергию в восприятии сверхчувственного» (Ильин, 3, с. 346), а иногда — даже инстинкты (Солоневич, 1997, с. 162), т. е. либо «идеально», либо «материально», но в общем смысле Глава четвертая. Душа и личность как э н е р г и ю. Душа отражает душевное переживание (и является фактом психологическим), дух же связан с творческим подъемом (и относится скорее к этике).

Духъ и *душа* — слова общего корня, но слово женского рода — душа — обозначало внутреннюю, в человеке живущую суть д у ш е н о с т и, а слово мужского рода — дух — знак высшей благодати духовного посвящения. Понятно, почему и счет, дело механически внешнее, ведется «по душам», а не «по духам». Душ множество: сколько людей — столько и душ. Это — те самые персоны «сами по себе» (*per se*) — о-соб-и, индивиды, дух же един, и как таковой, он — Дух. Имя собственное всегда употребляется в форме единственного числа, в отличие от обозначения всяких неопределенных масс, будь то дýхи или духи́.

Однако самое главное заключается в том символическом соотношении между душой и духом, которое предстает не просто в значении каждого отдельного слова, но образует глубинную сущность их смыслов, идеологически важную их з н а ч и м о с т ь. Единственность мужской («Духъ святой») и множественность женской ипостаси (например, в виде «нежных душ») всегда оставалось присущим славянскому сознанию представлением о единстве материального и идеального, **выраженным в общем словесном корне**, поскольку и сами они слиты реально, друг без друга не существуют, и только в мысли о них словно бы раздвоены, точнее — диалектически удвоены. Существуют в единстве, но понимаются — врозь. Диалектика мысли как будто вступает в противоречие с «укорененностью» понятия в слове, но так только кажется. На самом деле слово неуклонно следует за мыслью, проникая и пропитывая собою все оттенки идеи, свойственной наци-

ональному сознанию, и тем самым выставляет на свет Божий все богатства мысли, освоенные коллективным сознанием в слове.

Слово выделяется не одним своим значением, лексическим и грамматическим (например, в различении Духа и души), и не только его смысл, проявляемый в тексте, зависит от окружающих слов и момента речи. Значимость слова как общая связь всех слов и понятий в системе мысли и чувства, которыми владеет народ по праву наследства, — это тоже достояние каждого отдельного слова. Христианская символика лишь обогатила издавна присущее славянам противопоставление души и духа, создав, между прочим, и их определения. **Душевный** и **духовный** отличаются друг от друга, и это всегда осознается. А образованные от этих определений термины душевность и духовность стали символами философского содержания, но тоже понятны всякому, кто знаком со значением русского словесного корня «дух».

Душевность как явление есть общая, всем нам присущая р о д о в а я мысль, связанная со стихиями и с землей, т. е. с родной, восходящая к силам «души», а не духа. Таково материнское чувство всеобщей связи с «душой народа», ч у в с т в о, не покидающее нас ни при каких печалях; такова она, «русская душа», о которой часто говорят, не всегда понимая ее смысл. Духовность же — это творческое проявление высшего духа в душе отдельно-го человека, которое формирует цельность личности в единстве чувства, разум и воли. Д у х есть ж и з н ь и л и к, тогда как д у ш а — всего лишь ж и т ь е определенного л и ц а. Дух как общая идея, со временем ставшая идеалом, ни в коей мере не «русская душа». «Русский дух» представлен в виде «русской идеи», о которой также спорят неустанно, и не только философы и поэты. «Русский дух был окутан плотным покровом национальной материи, — писал Николай Бердяев, тонко чувствуя смысл этого самого «духа». — Он тонул в теплой и влажной плоти. Русская душевность, столь хорошо всем известная, связана с этой теплотой и влажностью: в ней много еще плоти и недостаточно Дух и душа

духа... Русский народ, быть может, самый духовный народ в мире. Но духовность его плавает в какой-то стихийной душевности. А это значит, что дух не овладел душевным» (Бердяев, 1989, с. 101). Другими словами: вечно женственное ей дано, а вечно мужественное — задано» (Ильин, 6, 3, с. 187). По мнению самого Ивана Ильина, русская душа — дитя чувства и созерцания, ей даны страсть и мощь, т. е. интенсивность (качество) бытия, ее жизненная цель — постоянное преображение собственных форм, а «жизнеопределяющие силы» ее суть «совестливый порыв», «свободное созерцание сердцем и совестью», это — «стихия огненная» (Ильин, 3, с. 73). От этого чувства, продолжает философ, разлита в нас некая душевная доброта, некое органически ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность...

Сказано несколько возвышенно и не без идеализации, но очень верно: «Душа как средоточие важнейших вопросов сердца для русского общения имеет совершенно особое значение. Если хотя бы похвалить сердечно милого человека, о нем говорят: «душа-человек», о человеке открытом говорят: «душа нараспашку» и т. д.» (Ильин, 6, 2, с. 400)».

Научное издание

Юрий Александрович Закунов

**Наследование духовно-эстетических
традиций российской цивилизации
в современных условиях**

Дизайн обложки: М. Ю. Маяков

*На обложке: картина К. С. Петрова-Водкина
«1918 год в Петрограде (“Петроградская Мадонна”)».
1920 г. Государственная Третьяковская галерея, Москва*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru